ГЕНЕРАЛЪ - МАЙОРЪ
И. К. КИРІЕНКО

1613 г.
ОТЪ ЧЕСТИ И СЛАВЫ
— КЪ —
ПОДЛОСТИ и ПОЗОРУ ФЕВРАЛЯ
1917 г.

Воспоминанія

1963 г. • САНЪ ПАУЛО - БРАЗИЛІЯ • 1963 г.

Генералъ-майоръ
Иванъ Касьяновичъ КИРІЕНКО
въ формѣ Русскаго Корпуса, котораго онъ, совмѣстно съ генералами Штейфономъ и Скородумовымъ, былъ основателемъ.
(Бѣлградъ — 1941 г.)

ГЕНЕРАЛЪ - МАЙОРЪ
И. К. КИРІЕНКО

1613 г.
ОТЪ ЧЕСТИ И СЛАВЫ
— КЪ —
ПОДЛОСТИ и ПОЗОРУ ФЕВРАЛЯ
1917 г.

Воспоминанія

1963 г. • САНЪ ПАУЛО-БРАЗИЛІЯ • 1963 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ освобожденной отъ коммунистическаго ига Россіи, ея новыя поколѣнія съ величайшимъ интересомъ будутъ изучать эпоху Первой Міровой Войны и революціи 1917 года, такъ же, какъ и трагическія событія Бѣлой Борьбы по тѣмъ источникамъ, которые до этого освобожденія были для нихъ недоступны, — по эмигрантской исторической и меморіальной литературѣ. Такъ же несомнѣнно, что это изученіе будетъ для нихъ чрезвычайно трудно, ибо эта литература — и не только нашихъ «лѣвыхъ», но, увы, и нашихъ «правыхъ» — очень часто изобилуетъ всякаго рода фальшивками въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ узости политическихъ взглядовъ тѣхъ и другихъ, отъ принадлежности къ той или иной политической или военной группировкѣ, или отъ заблужденій въ результатѣ незнанія многихъ фактовъ, или пышнымъ цвѣтомъ расцвѣтшей въ эмиграціи дезинформаціи со стороны спеціализировавшихся въ этой области нѣкоторыхъ «политическихъ дѣятелей». На базѣ всего этого выросло въ русской эмиграціи и въ ея историческихъ трудахъ, мемуарахъ и т. п. немало, съ одной стороны, произведеній лживаго и клеветническаго характера, а съ другой, много всякаго рода благочестивыхъ легендъ, сусальныхъ идиллій, а иногда и просто умышленныхъ выдумокъ, порою далеко небезкорыстныхъ. Чтобы эти будущіе читатели всей этой литературы смогли отличить правду отъ лжи, имъ можно будетъ порекомендовать только одно: базироваться исключительно на документальныхъ данныхъ или, въ крайнемъ случаѣ, на такихъ свидѣтельскихъ показаніяхъ, которыя противниками ихъ авторовъ никогда — и опять таки съ неопровержимыми данными въ рукахъ — опровергнуты не были. Къ литературѣ такого рода нужно отнести замѣчательные по исторической объективности труды такихъ эмигрантскихъ писателей и публицистовъ, какъ С. Ольденбургъ, ген. Спиридовичъ, Б. Башиловъ, И. Якобій, А. Гулевичъ и др. И къ этимъ чрезвычайно цѣннымъ для нашихъ потомковъ трудамъ относится и рѣдкая по искренности, патріотическому чувству, безупречной документированности и объективности въ оцѣнкахъ событій и лицъ предреволюціонной и революціонной эпохи, а отчасти и самой эмиграціи, книга воспоминаній генерала Ивана Касьяновича Киріенко «Отъ чести и славы къ подлости и позору февраля 1917 года».

Можно быть увѣреннымъ, что эта книга будетъ встрѣчена «въ штыки» и «лѣвыми» и «правыми» кругами нашей эмиграціи. Первыми —

поголовно всѣми, ибо всѣхъ ихъ она третируетъ какъ виновниковъ крушенія нашей Родины. Изъ вторыхъ же — тѣми, которые въ сущности тоже являлись таковыми же предателями ея подлинно національныхъ интересовъ или ихъ приверженцами и сознательными или слѣпыми поклонниками, и именно въ ихъ средѣ культивировались всякія иконописныя изображенія нѣкоторыхъ дѣятелей и «вождей» нашего второго смутнаго времени или ихъ преемниковъ въ эмиграціи. Особенно послѣднимъ т. е. и нѣкоторымъ изъ этихъ «вождей» и ихъ присяжнымъ біографамъ книга ген. Киріенко нанесетъ чрезвычайно чувствительный ударъ, ибо повѣдаетъ эмигрантскимъ читателямъ, а въ будущемъ и освобожденнымъ читателямъ нашего народа, о такихъ фактахъ, событіяхъ и эпизодахъ дѣятельности этихъ «вождей», которые въ корнѣ подорвутъ идиллическія картины и портреты нашего безвременья, а кромѣ того, будутъ способствовать возстановленію многихъ искаженныхъ и замолчанныхъ истинъ.

Большое количество данныхъ этого рода, исключительно цѣнныхъ и многимъ до сей поры неизвѣстныхъ, разбросано въ замѣчательной книгѣ И. К. Киріенко и опирающихся либо на неопровержимыя документальныя данныя, либо на его личныя свидѣтельскія показанія, для достовѣрности которыхъ приводятся опять-таки совершенно неоспоримыя доказательства. Могу сказать, что если бы даже не было этихъ послѣднихъ, невозможно не вѣрить всякому слову, всякому утвержденію автора, ибо достаточно прочесть первыя страницы его воспоминаній, чтобы отдать себѣ ясный отчетъ съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло въ его лицѣ — съ доблестнымъ офицеромъ Россійской Императорской Арміи, беззавѣтно преданнымъ священному лозунгу «За Вѣру, Царя и Отечество», пролившему свою кровь на поляхъ битвъ за любимую Отчизну, съ духовнымъ наслѣдникомъ тѣхъ скромныхъ «штабсъ-капитановъ» и въ тоже время основныхъ строителей Великой Россіи, образы которыхъ увѣковѣчены въ нашей литературѣ въ лицѣ Миронова («Капитанская дочка»), Максима Максимовича («Герой нашего времени»), Тушина («Война и миръ»), Карпова и Козлова («Отъ Двухглаваго Орла къ красному знамени») и многихъ-многихъ другихъ — такіе люди не способны не только лгать или извращать истину, но даже хотя бы только прикрашивать ее.

Изъ этихъ фактовъ я приведу здѣсь только два. Датой основанія Добровольческой Арміи на Дону ея первыми и послѣдующими вождями установлено 17-е ноября 1917 года, каковая дата и понынѣ празднуется оставшимися въ живыхъ чинами. Основателемъ этой Арміи безоговорочно называется генералъ Алексѣевъ. И вотъ ген. Киріенко безстрашно выступилъ съ опроверженіемъ этихъ данныхъ и съ неопровержимыми доказательствами того, что начало созданія Добровольческой Арміи было положено 6-го ноября 1917 года и положено именно имъ, генераломъ Киріенко. Именно въ этотъ день онъ прибылъ въ Новочеркасскъ съ 16 офицерами и 10 солдатами сформированнаго имъ еще въ августѣ того же года въ Кіевѣ 1-го Георгіевскаго полка, явился къ донскому атаману ген. Кале-

дину и получилъ отъ него разрѣшеніе формировать первую часть Добровольческой Арміи подъ тѣмъ же названіемъ Георгіевскаго полка.

Узнавъ отъ ген. Каледина, что 2-го ноября въ Новочеркасскъ пріѣхалъ ген. Алексѣевъ, ген. Киріенко отправился къ нему, нашелъ его въ вагонѣ на вокзалѣ въ штатскомъ костюмѣ, доложилъ ему о своемъ планѣ формированія добровольческихъ частей, и ген. Алексѣевъ иронически отвернулся и, отвернувъ голову къ окну, какъ бы нехотя сказалъ: «ну что жъ попробуйте», а на другой день посовѣтывалъ ему поѣхать въ Ставрополь и прибавилъ: «тамъ начните ваше формированіе». Такимъ образомъ совершенно ясно, что въ это время самъ ген. Алексѣевъ никакого формированія Добровольческой Арміи еще не предпринималъ. Въ послѣдующіе дни составъ 1-го Георгіевскаго полка увеличился до 120, а затѣмъ до 300 человѣкъ и уже 21-го ноября вступилъ въ бой съ большевиками подъ Нахичеванью и въ дальнѣйшемъ почти мѣсяцъ задерживалъ красную армію Сиверса, что доказывается данными послужного списка ген. Киріенко, завѣреннаго Штабомъ Добровольческой Арміи 31 октября 1918 года. Такъ разбита полностью генераломъ Киріенко первая фальшивка по исторіи Бѣлаго Движенія на югѣ Россіи.

Второй фальшивкой является идеализація личности генерала Корнилова. Послѣ прочтенія книги ген. Киріенко нужно категорически заявить, что подлинная біографія ген. Корнилова еще ждетъ своего правдиваго автора, которому будетъ совершенно невозможно игнорировать безпорныя данныя, приводимыя въ воспоминаніяхъ ген. Киріенко. Здѣсь отмѣтимъ только два факта: никому до сихъ поръ неизвѣстныя — и чрезвычайно пикантныя — подробности «побѣга» ген. Корнилова изъ австрійскаго плѣна и выступленіе ген. Корнилова въ занятой добровольцами во время ихъ перваго похода станицѣ Кореновской, когда генералъ, обратившись къ казакамъ, собравшимся передъ станичнымъ правленіемъ, призывалъ ихъ «идти бороться за добытую свободу», утверждалъ, что его армія «совершенно не монархическая», и въ концѣ, какъ пишетъ ген. Киріенко, присутствовавшій при этомъ вмѣстѣ съ полковникомъ Л. С. Святополкъ-Мирскимъ и его братомъ корнетомъ Анатоліемъ, «я услышалъ поразившія меня хвастливо подлыя слова, брошенныя Корниловымъ въ толпу и запечатлѣвшіяся у меня навсегда»: «Я имѣлъ счастье арестовать Царскую Семью и Царицу-измѣнницу».

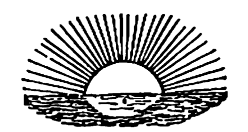
Комментаріи излишни.

Кровью сердца написана и муками русскаго духа проникнута книга генерала Киріенко. Прочесть ее долженъ каждый русскій человѣкъ, чтобы освободиться отъ поклоненія ложнымъ кумирамъ и ложнаго освѣщенія трагическихъ событій родной исторіи. Ея урокомъ для будущихъ поколѣній нашего народа является и чисто мистическое, и въ то же время совершенно реальное поученіе тѣмъ русскимъ людямъ, которые будутъ призваны строить новый домъ Россійской Имперіи: «чистое дѣло нельзя дѣлать грязными руками».

Честь и слава мужественному автору и большому русскому патріоту за то, что, не убоявшись неминуемаго воя лживыхъ идеализаторовъ и недобросовѣстныхъ дезинформаторовъ, онъ своей книгой сдѣлалъ цѣннѣйшій вкладъ въ нашу историческую и мемуарную литературу.

За это ему — низкій поклонъ!

Н. Потоцкій.



ВО ИМЯ ОТЦА и СЫНА и СВЯТАГО ДУХА

УТВЕРЖДЕННАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКАГО ВСЕРОССІЙСКАГО СОБОРА въ МОСКВѢ ЦЕРКОВНАГО И ЗЕМСКАГО, 1613 ГОДА, О ПРИЗВАНІИ НА ЦАРСТВО МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА РОМАНОВА

Послалъ Господь Свой Святый Духъ въ сердца всѣхъ православныхъ христіанъ, яко едиными усты вопіяху, что быти на Владимірскомъ и Московскомъ и на всѣхъ Государствахъ Россійскаго Царства, Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ всея Россіи Самодержцемъ, Тебѣ, Великому Государю Михаилу Ѳеодоровичу.

Цѣловали всѣ Животворный Крестъ и обѣтъ дали, что за Великаго Государя, Богомъ почтеннаго, — Богомъ избраннаго и Богомъ возлюбленнаго, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи Самодержца, за Благовѣрную Царицу и Великую Княгиню, и за ихъ Царскіе Дѣти, которыхъ Имъ, Государямъ, впредь Богъ дастъ, души свои и головы положити и служити имъ, Государямъ нашимъ вѣрою и правдою, всѣми душами своими и головами.

И иного Государя, мимо Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи Самодержца; и Ихъ Царскихъ Дѣтей, которыхъ Имъ Государямъ впредь Богъ дастъ, искати и хотѣти иного Государя изъ какихъ людей ни буди, или какое лихо похочетъ учинити; то намъ боярамъ, и окольничьимъ, и дворянамъ и приказнымъ людямъ, и гостемъ, и дѣтямъ боярскимъ, и всякимъ людямъ на того измѣнника стояти всею землею за одинъ.

Прочтоша сію Утвержденную Грамоту на Великомъ Всероссійскомъ Соборѣ, и выслушавъ на большее во вѣки укрѣпленіе — быти такъ во всемъ потому, какъ въ сей Утвержденной Грамотѣ писано. А кто убо не похощетъ послушати сего Соборнаго Уложенія, его же Богъ благослови; и начнетъ глаголати ино, и молву въ людяхъ чинити, то таковой, аще отъ священныхъ чину, и отъ Бояръ, Царскихъ синклитъ, и воинскихъ, или инъ кто отъ простыхъ людей, и въ какомъ чину не буди; по священнымъ правиламъ св. Апостолъ, и Вселенскихъ седми Соборовъ — св. Отецъ, и Помѣстныхъ; и по Соборному Уложенію всего изверженъ будетъ, и отъ Церкви Божіей отлученъ, и Святыхъ Христовыхъ Тайнъ пріобщенія; яко раскольникъ Церкви Божіей и всего православнаго христіанства, мятежникъ и разоритель Закону Божію, а по Царскимъ Законамъ месть воспріиметъ; и нашего смиренія и всего освященнаго Собора, не буди на немъ благословенія отъ нынѣ и до вѣка. Да будетъ твердо и неразрушимо въ предъидущія лѣта, въ роды и роды, и не прейдетъ ни едина черта отъ написанныхъ въ ней.

А на Соборѣ были Московскаго Государства изо всѣхъ городовъ Россійскаго Царства, власти: митрополиты, епископы и архимандриты, игумены, протопопы и весь освященный Соборъ. Бояре и окольничіе, чашники и стольники и стряпчіе, думные дворяне и діяки и жильцы. Дворяне большіе и дворяне изъ городовъ. Діяки изъ приказовъ. Головы стрѣлецкіе, и атаманы казачьи, стрѣльцы и казаки торговые и посадскіе и великихъ чиновъ всякіе служилые и жилецкіе люди; и изъ всѣхъ городовъ, всего Россійскаго Царства выборные люди.

Своеручные подписи:

(слѣдуетъ больше восьмидесяти подписей, причемъ подписывались только грамотные).

А уложена и написана бысть сія Утвержденная Грамота за руками и за печатьми Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Михаила Θеодоровича всея Россіи Самодержца, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ первое лѣто царствованія его, а отъ сотворенія міра 7121-го.

Вотъ откуда пошла сила Великой Россіи, которая за триста лѣтъ управленія Царями изъ Дома Романовыхъ превратилась въ самое большое государство въ мірѣ — оплотъ Святой Православной Вѣры Христовой на землѣ. Эта сила послана намъ свыше — отъ Господа Бога по вѣрѣ русскаго народа и его славныхъ и законныхъ представителей, собравшихся на Церковно-Земскій Соборъ послѣ освобожденія Москвы отъ поляковъ и послѣ прекращенія страшной смуты, разорявшей наше Царство.

«Сія есть побѣда, побѣдившая міръ — Вѣра наша».

Черезъ истинную свою Православную Вѣру русская земля, омывшись слезами покаянія, удостоилась дивнаго чуда — установленія отъ Бога Самодержавной Царской власти. Смотрите какъ это случилось: все духовенство, бояре, купцы, войско, всѣ сильные земли и простой народъ — единогласно умоляли двѣнадцатилѣтняго отрока Михаила, беззащитнаго и слабаго, у котораго отецъ былъ во вражескомъ плѣну, а мать спаслась въ монастырѣ, — умоляли, чтобы онъ принялъ Царство и властвовалъ надъ ними самодержавно; а при этомъ клялись и жизнь свою положить за него и за его потомство; — принесли страшную клятву за будущія поколѣнія русскаго народа.

Это событіе — воистину славное чудо, одно изъ самыхъ рѣдкихъ въ исторіи всѣхъ народовъ. Оно сохранило полную свою силу и до нашихъ дней. Москва — Русское Православное Царство — есть третій Римъ. «Два убо Рима падоша, четвертому же не быти», — такъ предсказали святые русскіе подвижники. Черезъ это чудо наши Цари и Императоры управляли Россіей воистину Божіей милостію, и прославили государство великими побѣдами надъ врагами, а народу обезпечили миръ и благоденствіе. О послѣднемъ свидѣтельствуетъ св. Серафимъ Саровскій, видѣвшій, какъ молитвы православнаго русскаго народа возносились къ небу подобно облакамъ дыма. И крѣпка была наша Русь своею Православною Вѣрою и любовною преданностію Миропомазаннымъ Самодержавнымъ Царямъ. Къ такой вѣрѣ и преданности Царю призывали народъ всѣ наши святые, въ ихъ числѣ и послѣдній великій свѣточъ Христовъ — Іоаннъ Кронштадтскій, который училъ, что Царь, какъ принявшій власть отъ Бога, долженъ быть только Самодержавнымъ.

«Торжественная и вмѣстѣ страшная грамота, — пишетъ современный намъ русскій афонскій подвижникъ о. Ѳеодосій, — ею клятвенно связаны съ Царями изъ Дома Романовыхъ не только сами предки, составители ея, но и всѣ мы, потомки ихъ, до скончанія Царской Династіи. Многіе угодники Божіи не только новозавѣтные, но и ветхозавѣтные хранили обѣты, данные за нихъ прежде рожденія родителями ихъ; это обязываетъ и насъ къ тому же. Соблюденіе сего обѣта, даннаго за насъ клятвенно нашими предками, — залогъ нашего благополучія, какъ временнаго — на землѣ, такъ и вѣчнаго — на небесахъ — по слову Божію; и наоборотъ несоблюденіе его есть великій грѣхъ передъ Богомъ, влекущій за собою наказаніе, какъ и показала революція».

Отлученіе отъ Церкви, анаѳема и проклятіе безусловно падаютъ на всѣхъ участниковъ революціи 1917-го года, тайныхъ и явныхъ, великихъ и малыхъ, князей и холоповъ и на всѣхъ, кто выражалъ даже простое сочувствіе кровавымъ свободамъ и бунту. Законное и на вѣки нерушимое родительское и прадѣдное проклятіе лежитъ на всѣхъ коммунистахъ-большевикахъ, на всѣхъ соціалистахъ, на всѣхъ кадетахъ (либералахъ), на всѣхъ измѣнникахъ и предателяхъ Родины и враговъ царскихъ; оно изрекается не нами и установлено не царями и не царскимъ синодомъ, а именемъ Божіимъ назначено Церковно-Земскимъ Соборомъ 1613-го года и выражено Утвержденной Грамотой на вѣчныя времена.

И какъ только измѣнники генералы и слуги христопродавцевъ — кадеты съ ихъ Государственной Думой вырвали насиліемъ царское отреченіе отъ Престола, такъ сразу же, для всѣхъ очевидно, начались бѣдствія России: междоусобицы, голодъ, моръ, болѣзни, убійства, насилія безбожной инородческой власти, гоненіе на Вѣру и Церковь Христову, страданіе и смерть безчисленныхъ мучениковъ Христовыхъ и царскихъ слугъ.

Повторилось чудо — на этотъ разъ страшное чудо гнѣва Божія и наказанія, повторилось на глазахъ у всѣхъ для того, чтобы мы, русскіе люди, поняли, что предки дали за нихъ клятву на вѣчныя времена Самодержцамъ Православнымъ — на благо, на счастіе, на благоденствіе намъ — ихъ потомкамъ, чтобы мы поняли, что есть одинъ единственный путь для возврата къ мирной жизни: покаяться въ своемъ безуміи и возстановить каждому изъ насъ въ своемъ сердцѣ святую и нерушимую силу нашего общерусскаго родительскаго благословенія — великой клятвенной Утвержденной Грамоты 1613-го года. Къ этому зовутъ насъ всѣ святые

угодники русской земли, къ этому зоветъ насъ и простой здравый смыслъ — на основаніи горькаго опыта революціи.

Утвержденная Грамота для каждого русскаго человѣка подобна родительскому благословенію на вѣки нерушимому. Въ ней ясно сказано все то, что русскій человѣкъ долженъ хранить, какъ Святыню: Православіе, Самодержавіе и свою русскую народность.

Всѣ, кто возражалъ раньше или будетъ возражать теперь противъ этой Грамоты — суть враги Божіи, мятежники не только противъ Царя и его власти, но и противъ Бога — «разорители закона Божія». Много такихъ враговъ теперь. Они боятся Божіей правды и потому скрываютъ отъ народа его народную Утвержденную Грамоту.

Кто бы онъ ни былъ — богачъ или нищій, духовное лицо или мірянинъ, но разъ ты услышишь, что онъ возражаетъ противъ Утвержденной Грамоты, — знай, что онъ не только врагъ Россіи, но и врагъ Христовъ. Бойся такого!

Русскій человѣкъ! Напиши въ своемъ сердцѣ и повторяй въ своихъ ежедневныхъ молитвахъ послѣ Вселенскаго Символа вѣры свой русскій символъ вѣры, который гласитъ: «Вѣрую, Господи, въ Православное Царское Самодержавіе, Духомъ Святымъ клятвенно утвержденное на вѣчныя времена освященнымъ Соборомъ и русскимъ народомъ для мира и благоденствія нашего Отечества и для спасенія души, какъ учили о томъ же и всѣ святые угодники Божіи русскіе послѣднихъ вѣковъ. Аминь».

(Русская правда о Самодержавномъ Царѣ).

«Владимірскій Вѣстникъ» № 56.

«Ясное дѣло Промысла, видимъ мы въ исторіи «новоизбранныхъ людей», т. е. народа русскаго при воцареніи нынѣ правящей династіи Романовыхъ.

Въ этихъ событіяхъ участіе Божественнаго Промысла сказывается съ особенной ясностью именно потому, что вопреки обычнымъ условіямъ перемѣны царственныхъ династій, здѣсь совершенно отсутствовали дѣланія человѣческія; не только отсутствовало честолюбивое стремленіе первыхъ представителей династіи, но, напротивъ, они были избраны на царство безъ ихъ вѣдома, призваны противъ своего желанія, но понуждены къ принятію царскаго престола духовенствомъ и народомъ почти насильно, посредствомъ грознаго заклятія. Избраніе юноши Михаила въ Цари уже совершилось; никакихъ соперниковъ на престолонаслѣдіе въ странѣ нашей не было: въ Кострому пришло великое посольство отъ всероссійскаго народнаго собора и, войдя крестнымъ ходомъ въ Ипатьевскій монастырь, гдѣ пребывалъ избранный Царь со своей матерью-монахинею, присланные люди, во главѣ съ архіепископомъ Рязанскимъ Ѳеодоритомъ, объявили юношѣ и его матери общенародную и Божію волю; но тщетно они упрашивали, тщетно поднимали передъ избранникомъ чудотворные лики: отказъ, внушенный смиреніемъ и сознаніемъ своей юности, оставался неодолимымъ, пока Михаилъ и Марфа не услышали такихъ грозныхъ словъ владыки Ѳеодорита: «да будетъ по вашему, бѣдствуй русская земля! Пусть настанетъ прежнее безначаліе, пусть плачетъ снова народъ, опозорятся церкви! Но предъ симъ святымъ образомъ говорю тебѣ, Царь Михаилъ, что отнынѣ на тебя падетъ бѣдствіе Отчизны. И ты, инокиня благочестивая, ты будешь отвѣчать предъ судомъ Божіимъ за кровь и слезы христіанъ».

Только это заклятіе поколебало юношу и его мать; только оно могло заставить новую династію согласиться на занятіе Царскаго престола. Не исканіе власти и славы человѣческой, но путь креста, путь подвига, путь безропотнаго несенія человѣческой обиды былъ излюбленнымъ жребіемъ этого благочестиваго Дома. — И мать монахиня пала въ слезахъ и сказала: «Михаилъ, иди на Царство».

Изъ книги Архіепископа Никона
(Рклицкаго)
«Жизнеописаніе Митрополита Антонія»
томъ II.

1613 г.
ОТЪ ЧЕСТИ И СЛАВЫ
КЪ ПОДЛОСТИ И ПОЗОРУ ФЕВРАЛЯ
1917 г.

I

Унылый мартъ, шестая годовщина
Кровавыхъ бурь при заревѣ огней
И не забыть, — не дастъ забыть чужбина
Намъ весь позоръ былыхъ проклятыхъ дней.
И помнятъ всѣ, и тѣ, кто всей душою
Безумно вѣрили въ смертельный ураганъ,
И тѣ, о комъ написано съ тоскою,
Кругомъ измѣна, трусость и обманъ.

И въ этотъ мартъ, въ канунъ побѣдной сѣчи,
Вы, на Царя поднявшіе мечи,
Какъ лгали ваши пламенныя рѣчи
О, безсердечные и злые палачи.
Всю вашу низость, ваше пустословье,
Какъ стонъ души, измученной отъ ранъ,
Клеймятъ слова, написанныя кровью —
Кругомъ измѣна, трусость и обманъ.

И въ этотъ мартъ, въ шестую годовщину,
Вы всѣ, возставшіе на вашего Царя,
ВЫ всѣ, бѣжавшіе постыдно на чужбину,
Склонитесь ницъ, раскаяньемъ горя,
Предъ свѣтлой памятью замученнаго вами,
Предъ тѣмъ, кто вами былъ на смерть убійцамъ данъ,
И кто писалъ съ кровавыми слезами —
Кругомъ измѣна, трусость и обманъ.

Стихотвореніе Евреинова
(тогда еще совсѣмъ молодого юноши)
написанное въ 1923 году.

Все излагаемое мною я видѣлъ и зналъ, передумалъ и перестрадалъ за долгіе годы эмиграціи и мнѣ хочется напомнить, старающимся все забыть, а молодому поколѣнію, становящемуся на путь служенія православной царской Рос-

сіи, высказать свои мысли — думы стараго кадроваго офицера Русской Императорской Арміи всей душой преданнаго символу «За Вѣру, Царя и Отечество».

Не усмотрите въ моихъ простыхъ словахъ, идущихъ изъ наболѣвшаго сердца, обидъ, направленныхъ противъ личностей и персональныхъ выпадовъ, вызванныхъ чувствомъ раздраженія, болѣзненнымъ самолюбіемъ и личной непріязни — ихъ нѣтъ, а тѣ горькія истины, которыя будутъ прорываться порою, разсматривайте какъ стонъ души надъ безсмысленно и жестоко погубленнымъ дивнымъ прошлымъ.

Боже Царя храни.

Старый офицеръ, — русскій офицеръ — слуга Богу, Царю и Отечеству, вѣками шелъ твердымъ и вѣрнымъ историческимъ путемъ и велъ за собой свою младшую братію — русскаго богатыря — солдата и пока, увѣренный и твердый шагъ офицера безоговорочно держался этого пути, и онъ шелъ за своими Императорами — слава осѣняла старыя русскія знамена, покрывала армію и окутывала, страшнымъ для Европы, могучимъ ореоломъ силы русскую землю.

Не было, кажется, ни одной страны, гдѣ бы не побывалъ — могучій русскій солдатъ, по приказу Императоровъ, ведомый своими офицерами, неся порядокъ и правду, защиту и помощь угнетеннымъ и обиженнымъ.

Какое государство не обязано Русской Арміи своимъ бытіемъ и такъ долго длившимся своимъ благоденствіемъ. — «Когда русскій Императоръ ловитъ рыбу, — Европа можетъ подождать». (Слова Императора Александра III). И Европа сидѣла тихо, молчала и подъ охраной Русской Арміи улучшала и развивала свою внутреннюю жизнь, копя, вмѣсто чувства признательности, — злобу, вражду и зависть, навѣянныя тѣми, кто ненавидитъ всякій порядокъ, всякую твердую власть и весь христіанскій міръ. Русскій же народъ, такъ долго пребывая за могучей охраняющей спиной своей арміи, сталъ утрачивать чувство отвѣтственности за свое самосохраненіе и поддавшись иноземнымъ навѣтамъ и клеветѣ своихъ внутреннихъ враговъ, утратилъ любовь къ тѣмъ, кто своей кровью оберегалъ его отъ всякихъ невзгодъ. — А кровь эта лилась всюду, — и въ цвѣтущихъ долинахъ, и зыбкихъ пескахъ, въ знойныхъ пустыняхъ и въ болотныхъ трясинахъ, въ неприступныхъ снѣжныхъ горахъ, и въ непроходимыхъ чащахъ лѣсовъ и смѣшивалась съ соленой морской волной. — Помните картину Верещагина — Гора.

Метель. Густыми пушистыми хлопьями валитъ снѣгъ. Часовой, обнявшій винтовку и засыпанный до колѣнъ снѣгомъ. Вторая картина — та же метель, тотъ же часовой, плохо различимый отъ засыпающаго его снѣга. И, наконецъ, третья, — ровная, искрящаяся свѣжимъ снѣгомъ, гора. Часового не видно, его нѣтъ, онъ тамъ, далеко, глубоко подъ снѣгомъ. И надпись: «На шипкѣ все спокойно». Какъ много доблести, какъ много красоты, какъ много чести и жертвенности было проявлено Русской Арміей, — по истинѣ за спиной своей арміи весь русскій народъ могъ ловить рыбу.

И думалъ русскій офицеръ и солдатъ, отдавая свою кровь и жизнь за други своя, что русскій народъ добромъ помянетъ его имя, — и помянулъ...

Имѣя столь славный, блестящій непревзойденный офицерскій корпусъ, твердо шедшій своимъ историческимъ путемъ, Россія крѣпчала, богатѣла и всесторонне развивалась, превзойдя всѣ достиженія Европы. Границы земли русской ЦАРЯМИ и ИМПЕРАТОРАМИ раздвигались, упорно стремясь къ полной независимости отъ запада и уже къ концу 19-го вѣка окончательно готовы были достигнуть своихъ естественныхъ рубежей, но тлетворное вліяніе западныхъ демократическихъ странъ стало заражать русскую знать и интеллигенцію.

II

Какъ правило народы, достигнувъ высшей точки своего благополучія, неизбѣжно начинаютъ разлагаться морально, создавая благопріятную почву для вредной пропаганды и нѣкоторые совсѣмъ исчезаютъ съ лица земли.

Признаки этого разложенія съ середины 19-го вѣка появились и въ Россіи. Вотъ что говоритъ святитель Ѳеофанъ, Вышенскій затворникъ, самъ кротчайшій и любвеобильнѣйшій, еще въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, предсказавшій ужасы кровавой революціи, какъ возмездіе Россіи за все болѣе распространявшееся невѣріе и нечестіе, предлагалъ крайнія мѣры — объявить невѣріе государственнымъ преступленіемъ и запретить распространеніе матеріалистическихъ воззрѣній подъ страхомъ смерти. Сдѣлалъ онъ это, конечно, потому, что видѣлъ тогда въ этомъ единственное средство спасти Россію отъ неизбѣжной гибели.

«Не будетъ Царя — не будетъ и Россіи». (Блаженнѣйшій Митрополитъ Антоній).

«Клятва, данная на Соборѣ 1613-го года, нарушена и проклятіе предковъ виситъ надъ потомками».

(Архіепископъ Западно-Европейскій и Брюссельскій Іоаннъ).

Наша знать и передовая интеллигенція стала увлекаться заимствованными отъ запада соціалистическими ученіями и будучи безбожной, невѣрной Монархическому Завѣту, установленному въ Россіи нашими предками, быстро отошла отъ народной массы, видѣвшей въ своихъ Царяхъ помазанниковъ Божіихъ и стала народу чуждой и враждебной, она, эта знать и интеллигенція, стала рисоваться прогрессивными взглядами и поносить Царя и Его вѣрныхъ слугъ. Поносить все исконно русское стало моднымъ въ нашемъ высшемъ обществѣ, что и помогало работать всѣмъ злоумышляющимъ противъ Государя и Его правительства.

Пользуясь въ высшей степени милостивыми законами, эти злоумышленники вскорѣ перешли къ убійствамъ и къ началу 1917-го года списокъ жертвъ, вѣрныхъ слугъ Государевыхъ, заполнилъ уже 14 толстыхъ томовъ. Несмотря на это, все же въ законѣ о наказаніяхъ, въ Россійскомъ Государствѣ смертной казни не существовало. Изъ арестованныхъ, заключенныхъ подъ стражу или сосланныхъ въ Сибирь этихъ убійцъ, революціонная пропаганда дѣлала героевъ, страдальцевъ будто бы за благо русскаго народа, котораго ненавидѣла, а полицію и армію, охранявшихъ спокойствіе и порядокъ въ государствѣ, называли палачами и притѣснителями.

Ихъ лживыя и вредныя «либеральныя» ученія все больше и больше захватывали знать и «интеллигенцію» и привели къ трусливо-подлому и звѣрскому убійству Императора Павла I, величайшаго изъ Императоровъ, первымъ освободившаго сначала наполовину крѣпостныхъ своимъ указомъ: — три дня работать на помѣщика, три дня на себя, а воскресенье — Господу Богу. Но, нашимъ бездѣльнымъ барамъ это грозило обѣдненіемъ и, чтобы у нихъ не отобрали совсѣмъ крѣпостныхъ, они пошли на убійство.

Эта масонская группа, возглавленная Паленомъ и Жеребцовой, была поддержана англійскими масонами, давшими Жеребцовой два милліона золотомъ. Смыслъ поддержки убійства: страхъ Англіи захвата Индіи. Отсюда и вся историко-писательская ложь объ Императорѣ Павлѣ I. А народъ до 1917-го года продолжалъ приносить цвѣты и свои жалобы на могилу любимаго Царя-Батюшки Павла Петровича, какъ раньше опускалъ свои жалобы въ знаменитый ящикъ, висѣвшій на дворцѣ и ключъ отъ котораго былъ только у Императора Павла I. Этого ящика

боялись пуще огня и знать и администрація. (См. страшную брошюру «Павловскій Гобеленъ» Стараго Кирибея).

«Интеллигентному» безумію и вредному подражанію западу подпала и незначительная группа, сошедшихъ со своего историческаго пути, гвардейскихъ офицеровъ съ тою же знатью устроившихъ бунтъ противъ Императора Николая I, любившаго Россію и заботившагося о ея всестороннемъ развитіи и о ея достоинствѣ. Когда въ Парижѣ начали готовить къ постановкѣ въ театрѣ и широко рекламировать пьесу, во всемъ высмѣивавшую и унижавшую Россію и объ этомъ узналъ Императоръ Николай I, то Онъ послалъ французскому правительству бумагу слѣдующаго содержанія: «Прошу срочно увѣдомить Меня, когда будетъ идти пьеса, чтобы Я успѣлъ къ этому времени прислать посмотрѣть ее 30 Моихъ дивизій»... Конечно, послѣ такой просьбы, величайшая, благороднѣйшая и прекраснѣйшая Франція поспѣшила отмѣнить спектакль и о немъ больше никогда не было слышно. А «мрачный вѣкъ» царствованія Императора Николая I, такъ очерненный нашей профессурой и историками, все таки почему то называется «Золотымъ вѣкомъ Русской литературы». Правильную оцѣнку своего Императора далъ только одинъ Пушкинъ послѣ искренняго разговора съ Императоромъ Николаемъ I. (См. «Разговоръ Императора Николая I-го съ Пушкинымъ». «Наша Страна» 1953 г. ном. 183 и 184.).

Эти же «либеральныя» ученія запада привели и къ убійству Императора Александра II-го, — Императора, давшаго счастье народу, болѣвшаго его болью — не стало. Я поставлю вашимъ сердцамъ лишь краткій вопросъ — за что? — за то ли, что Онъ окончательно освободилъ крестьянъ, за то ли, что Онъ былъ жестокъ и несправедливъ, за то ли, что при Немъ мучилась и ослаблялась Россія, за то ли, что при Немъ нельзя было спокойно жить и дышать русскому человѣку? — О нѣтъ, лишь за то, что Онъ любилъ Россію, любилъ русскій народъ и всѣ Свои помыслы устремлялъ на величіе Россіи и счастье Своего народа, — за то, что Онъ подымалъ славу Монархіи и любовь къ ней у народа. Этого, обезумѣвшіе на задворкахъ Европы, недостойные «интеллигенты-соціалисты» простить не могли, во имя справедливости и правды, во имя свободы, равенства и братства они, въ угоду продавшейся демократіи запада, — убили достойнѣйшаго изъ Царей.

Недоброй памяти предатели декабристы ввели въ армію духъ измѣны и нарушенія присяги, который во время великой войны далъ такой пышный расцвѣтъ въ верхахъ нашей арміи. Но широкая масса безхитростнаго корпуса

офицеровъ не сворачивала со своего историческаго пути и готова была отдать свои жизни «За Вѣру, Царя и Отечество».

А гнусная пропаганда — работа передовой знати и «интеллигенціи» дѣлала свое предательское дѣло и подтачивала устои Государства, стремясь всѣми способами привлечь на свою сторону офицеровъ.

III

И вотъ настали 1905 и 1906 годы, показавшіе, что офицеры не желаютъ свернуть съ историческаго пути, — овѣяннаго славой и напоеннаго жертвенной кровью ихъ предковъ, и идти по пути измѣны, предательства и разрушенія прекраснаго Отечества объ руку съ передовой знатью и «интеллигенціей».

Тогда началась безудержная травля офицеровъ: ни въ одномъ «интеллигентномъ» обществѣ офицеръ не былъ желаннымъ гостемъ. Его высмѣивали, надъ нимъ издѣвались. — Бурбонъ, неучъ, казарменная душа, опричникъ, наемникъ, и проч. и проч. Вотъ были клички, которыми награждала никчемная знать и «интеллигенція» офицеровъ, за спинами которыхъ, въ гражданскую войну, она спасла свои жизни, а многіе и туго набитые чемоданы.

Поддержанные помощью изъ за границы, эти враги государства попробовали произвести революцію, возбудивъ пропагандой и наобѣщавъ всяческихъ благъ несчастнымъ, мало разбирающимся въ этой сложной игрѣ, рабочимъ и крестьянамъ, но эта попытка нарушить вѣками существовавшій въ Россіи строй управленія провалилась, быстро подавленная, оставшейся вѣрной Государю, арміей, а главнымъ образомъ ея командному составу. Распространившіеся во многихъ мѣстахъ аграрные безпорядки крестьянъ и забастовки фабричныхъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ были быстро, легко и почти безъ пролитія крови ликвидированы. Страна быстро вернулась къ порядку и при томъ настолько быстро, что ни одно изъ окружающихъ наши обширныя границы иностранныхъ государствъ не успѣло использовать безпорядки въ Россіи для себя. Революціонные главари расчитывавшіе на успѣхъ революція и опиравшіеся исключительно на низы населенія, — ошиблись и потому, круто повернувъ свою тактику, начинаютъ свою работу уже стараясь добиться желательныхъ имъ результатовъ «пропагандой» и разложеніемъ правящаго сословія.

Главное вниманіе революціонеровъ было обращено на армію и ея руководителей. Личность Государя и Его обаяніе въ народѣ старались и стараются и сейчасъ унизить, а на отвѣтственные посты выдвинуть людей уже зараженныхъ соціалистическими идеями или имъ сочувствующимъ, а особо же преданныхъ монархическому режиму старались очернить, а при возможности и убивали.

Офицерскій корпусъ арміи начинаетъ подвергаться систематическимъ нападкамъ и насмѣшкамъ этихъ измѣнниковъ и предателей, которые всѣми силами стремились создать вражду между частями арміи, — между пѣхотой и кавалеріей, между морскими и сухопутными силами, между гвардіей и остальной арміей. Долженъ подтвердить, что къ началу первой великой войны эта рознь среди различныхъ родовъ оружія была уже замѣтна, но, въ общемъ, армія оставаясь вѣрной и любя своего Государя, не боялась этой розни.

Но среди высшаго генералитета, дипломатическаго корпуса и высшаго чиновнаго люда «пропаганда» «соціалистическихъ идей» уже пустила глубокіе корни и Государя уже окружали не вѣрные, покорные Ему слуги, а вольнодумствующая и критикующая своего Монарха клика.

Эта клика предательской знати и «передовой интеллигенціи» повліяла на Государя согласиться на предложенные Америкой мирные переговоры съ напавшей на насъ Японіей, когда наша дѣйствующая на Дальнемъ Востокѣ армія, несмотря на всѣ трудности была доведена до количества обезпечивающаго поворотъ въ нашу пользу военныхъ дѣйствій.

Революціонерамъ необходимо было для лживой «пропаганды» проигрышъ войны, а не побѣда и они этого добились. Съ момента согласія Государя на мирные переговоры съ Японіей, для предательскихъ революціонныхъ партій стала совершенно ясна ихъ дальнѣйшая дѣятельность и всѣ усилія ихъ направились на разложеніе высшаго командованія арміей и на окружающихъ Государя и власть имущихъ лицъ.

Несмотря на усилія революціонеровъ, наша армія, оскорбленная отнятой отъ нея славой побѣды надъ Японіей и на практикѣ увидѣвшая наши ошибки и недочеты, упорно работая для усиленія, старалась поднять свою боеспособность. Государь Императоръ лично обращалъ очень много вниманія своей арміи и ея офицерскому составу — подъ Его руководствомъ, русскія войска были перевооружены, увеличены, снабжены новѣйшимъ оружіемъ. Былъ составленъ новый планъ мобилизаціи и призыва въ армію

запасныхъ, — словомъ къ 1914 году, т. е. только за десять лѣтъ русская Императорская армія успѣла стать опять первоклассной арміей, грозной всѣмъ злоумышлявшимъ противъ Россіи. Я, участникъ русско-японской войны, свидѣтельствую, что наша армія за эти небольшіе десять лѣтъ сдѣлала колоссальную работу и ея офицерскій составъ работалъ и день и ночь, чтобы поставить ее не только на уровень, но и выше считавшейся тогда наилучшей въ мірѣ Германской арміи. Для наглядности вотъ расписаніе занятій г.г. офицеровъ. Ежедневно занятія въ ротахъ съ солдатами отъ 7-12 и отъ 4-6, причемъ 5 часовъ строевыхъ и два словесныхъ, изъ нихъ часъ обученія грамотѣ, кромѣ того три раза въ недѣлю еще вечернія занятія г.г. офицеровъ отъ 6-8 состоящія изъ военной игры въ полку и одной лекціи офицера генеральнаго штаба въ гарнизонномъ собраніи. Значитъ ежедневно офицеръ работалъ 9 часовъ въ день, а три раза въ недѣлю 11. Для старшихъ офицеровъ капитановъ введены офицерскія стрѣлковыя школы, безъ прохожденія курса которыхъ капитану нельзя было надѣяться получить въ командованіе батальонъ. Для батальонныхъ же командировъ введены были полевыя поѣздки, на которыхъ они практиковались въ разрѣшеніи боевыхъ задачъ на мѣстности подъ руководствомъ полковника Генеральнаго Штаба. Несмотря на эти напряженныя занятія, офицеровъ называли бездѣльниками и тунеядцами, сидящими на шеѣ у народа.

Быстрые успѣхи и усиленіе россійской арміи не могло не обезпокоить нашего исконнаго врага Германію, мечтавшую захватить себѣ наши плодородныя земли на правомъ берегу Днѣпра. Нѣмецкій генеральный штабъ сознавалъ, что еще черезъ нѣсколько лѣтъ и русская армія станетъ настолько сильной, что съ мечтой объ отнятіи отъ Россіи Малороссіи придется навсегда разстаться и потому только искалъ предлога, чтобы объявить намъ войну.

Этотъ предлогъ они создали изъ Сараевскаго случая, гдѣ бомбой былъ убитъ Австрійскій Эрцгерцогъ. Несмотря на всю готовность Сербіи дать удовлетвореніе, отыскать и выдать злоумышленниковъ, Австрія предъявила непріемлимыя ни для какого государства требованія и мобилизовала свою армію, Германія, якобы обязанная по Австро-Германскому договору, немедленно сдѣлала тоже.

Несмотря на всѣ старанія нашего Государя не допустить войны, оба нѣмецкихъ Императора, мобилизовавъ свои арміи, заставили и Рѻссію сдѣлать тоже, дабы не оказаться беззащитной и кромѣ того не допустить родственныхъ намъ Сербовъ до полнаго ихъ уничтоженія Австро-Германцами. Въ отвѣтъ на мобилизацію нашей арміи трой-

ственный союзъ т. е. Германія-Австрія и Турція объявили Россіи войну.

Передъ самой мобилизаціей я и 7 офицеровъ Ровенскаго полка, какъ отличные стрѣлки изъ винтовокъ и наргановъ, были посланы командиромъ полка на вторую олимпіаду въ Ригу. Первая олимпіада была въ 1913 году въ Кіевѣ и я получилъ на ней нагрудный знакъ съ вензелемъ Великаго Князя Димитрія Павловича, покровителя первой русской олимпіады. Вторую олимпіаду въ Ригѣ мы не могли закончить, такъ какъ телеграммой изъ полка срочно были вызваны вернуться въ полкъ. Мы вернулись и, кажется, черезъ день была объявлена мобилизація.

Изложивъ подробно подготовку къ усовершенствованію русской арміи, я возвращаюсь къ работѣ нашихъ русскихъ предателей — «передовой интеллигенціи».

Издѣваясь надъ всѣмъ, что являлось оплотомъ государства, ненавидя и понося свою Армію, высмѣивая золото погонъ, ордена и разныя Царскія эмблемы, «интеллигенты» жадными руками тянутся къ арміи.

Они не могутъ скрыть своего стремленія выдѣлиться изъ того сѣраго стада, въ которое ихъ превратила демократическая уравниловка. Жажда хоть чѣмъ нибудь выдѣлиться изъ сѣрой массы охватываетъ всѣхъ. Посмотрите вокругъ, — какихъ только значковъ вы не увидите, съ гордостью носимыхъ въ петличкѣ... и платный значокъ Краснаго Креста и всевозможныя дощечки съ никому непонятными полосками, зигзагами, фигурками, аэропланами, паравозами, атлетами и прочее. Все — все можно увидѣть вплоть до маленькой гитары вдѣтой въ петличку. И эти люди смѣютъ смѣяться надъ погонами и орденами, покупавшимися не за деньги и членскіе взносы, а долгой службой, трудомъ на пользу государства, знаніями, опытомъ, готовностью на самопожертвованіе и смерть, и обильно пролитой офицерской кровью.

Погоны — это не гитара въ петличкѣ, съ которой можно нахамить, наскандалить и скрыться въ толпѣ. Погоны обязываютъ и даже не вполнѣ благородные, имѣя ихъ на плечахъ, держатся съ достоинствомъ.

Что высмѣиваніе военной формы совершалось не по сознательному къ ней предубѣжденію, а въ угоду демократической указки, страха ради іудейскаго, мы легко увидимъ оглянувшись на прошлое, когда во время войны зашевелились и стали выползать предательскія силы и начали организовываться вредныя и преступныя учрежденія, — появился и земгоръ. Вы, конечно, слышали о знаменитыхъ земгусарахъ, этихъ легальныхъ дезертирахъ, которые сотнями тысячъ хлынули въ земгоръ. Всѣ трусы и шкурники, не же-

лавшіе служить въ войскахъ, всѣ — кто удобства личной жизни и партійныя цѣли ставилъ превыше порядочности, чести, благородства и Отечества, въ комъ не было ни любви, ни совѣсти, ни долга, ни самолюбія, а одна звѣриная трусость, жадность, зависть и глупость, — всѣ пошли въ земгусары и первое, что они сдѣлали — одѣли военную форму. Защитные погоны съ непонятной на нихъ географіей, огромныя защитныя кобуры, сумки для картъ, противогазовые очки на фуражки, шашки замотанныя въ защитное сукно, чтобы не увидѣлъ противникъ, это то въ сотняхъ и въ тысячахъ верстъ отъ фронта. И на всѣхъ шпоры, шпоры и шпоры. Звонъ стоялъ на Руси, а пришпоривали они, — вы думаете коней, къ которымъ питали почтительный страхъ, — о, нѣтъ, русскаго «интеллигента» и чернь, чтобы поднять ихъ на бунтъ и русскую довѣрчивую казну. Въ такомъ храбро воинственномъ видѣ вся эта рать заполняла театры, концерты, рестораны и неустанно день и ночь гранила тротуары бряцая оружіемъ. — Помню, когда въ 1914 году раненымъ, я прибылъ въ Кіевъ и увидѣлъ всю эту земгусарскую рать дезертировъ, то былъ возмущенъ до глубины души и вспомнилъ я тогда наши кровавыя поля чести въ Галиціи, гдѣ у насъ во многихъ ротахъ не осталось ни одного офицера и роты сильно порѣдѣли. Вспомнилъ я и то, что никто изъ господъ офицеровъ не одѣлъ защитныхъ погонъ и не заматывалъ шашекъ въ защитное сукно. Тамъ, гдѣ гибли братья, гдѣ смерть равняла всѣхъ, гдѣ рѣшались вопросы бытія Отечества — не было мѣста чувству самосохраненія, а былъ долгъ и сознаніе офицерской чести. Русскій офицеръ еще твердо стоялъ на своемъ историческомъ пути.

Въ злостной клеветѣ на офицеровъ, знать и передовую «интеллигенцію» поддерживали и русскіе писатели типа клеветника Бальмонта и знаменитый Левъ Толстой, приложившій свою графскую руку къ разрушенію и предательству Отечества. — «Пусть намыленная веревка охватитъ мое старое горло...», писалъ по поводу повѣшенныхъ негодяевъ безумный старикъ въ своемъ знаменитомъ «не могу молчать», отлично сознавая, что Государь, по своему высокому благородству, изъ уваженія къ его прошлому таланту, оставитъ его не наказаннымъ.

Травля, клевета и лживая «пропаганда» дѣлали свое гнусное дѣло и нѣкоторые малодушные сходили съ историческаго пути и старались пріобщиться къ передовой знати и «интеллигенціи».

Правда, ихъ было мало, очень мало, — совсѣмъ мало среди широкой офицерской массы. Это были офицеры

третьяго сорта, — какъ образно говорилъ одинъ старый командиръ полка, — что есть господа офицеры, просто офицеры и офицеры просто сволочь. Первые — это были тѣ, которые въ тяжелые минуты не боялись брать на себя рѣшенія и принимать отвѣтственность и становились героями и которыхъ ничто не могло отвратить отъ Присяги, вторые добросовѣстно и честно выполняли свой долгъ и, не сворачивая съ историческаго пути, готовы были по первому приказу жертвовать своими жизнями «За Вѣру, Царя и Отечество», а третьи какъ я уже сказалъ «интеллигентнаго» типа, готовые идти любымъ путемъ, это тѣ, которые дѣлали заговоръ, знали о немъ и, вопреки Присяги, стыдливо молчали.

Разрушительная работа все шла и шла развращая «интеллигенцію» и дѣлая возможными, въ то время, какъ русскій солдатъ проливалъ свою кровь на поляхъ Манджуріи, такія грустныя и позорныя явленія, какъ поѣздку князя рюриковской крови въ Парижъ увѣщевать французовъ не давать Россіи займа, — какъ ликованіе передовой знати и «интеллигенціи» при нашихъ неудачахъ говорившей: «чѣмъ хуже — тѣмъ лучше», какъ посылку русскими студентами японскому Императору поздравленія съ побѣдой надъ русской арміей и получившихъ отъ Императора Микадо достойный отвѣтъ, гласившій: что онъ благодаритъ за поздравленіе, но счастливъ, что въ его странѣ нѣтъ подобныхъ предателей. — Бѣдные, бѣдные, сколько потомъ они пролили своей крови, сколько отдали жизней за прошлыя, глупыя заблужденія, навѣянныя имъ «передовой» профессурой.

И дальше и больше — убійства, грабежи, «иллюминаціи», покушенія, забастовки и проч. и проч. широко развернулись съ открытіемъ зловредной государственной думы, ставшей разсадникомъ всяческой смуты и предательства, приведшей къ убійству Столыпина, одной изъ самыхъ свѣтлыхъ и яркихъ фигуръ предвоеннаго времени. За что онъ палъ жертвой «интеллигента» — еврея провокатора? Да за то, что по приказу Императора хотѣлъ облагодѣтельствовать крестьянъ, проведя хуторскую систему и сдѣлать ихъ опорой Самодержавія.

Но, несмотря на всѣ усилія революціонеровъ, поддержанныхъ почти всѣмъ «интеллигентнымъ» обществомъ и знатью, свергнуть Самодержавіе не удавалось, — офицерскій корпусъ былъ на стражѣ своего Императора. Тогда передовое общество, руководимое государственной думой, повело атаку на высшій командный составъ, стараясь привлечь его на свою сторону. Ему льстили, его противо-

поставляли остальной «некультурной» офицерской массѣ, играли на чувствахъ честолюбія, жажды популярности и боязни высмѣиванія — и эта атака увѣнчалась успѣхомъ. Мозгъ арміи свернулъ съ историческаго пути и пріобщился къ зрѣвшей измѣнѣ. Офицерская масса оставалась въ невѣдѣніи, въ какомъ многіе, нежелающіе ничего слышать и читать, остаются и понынѣ.

Передовое «интеллигентное» общество и знать неиствовали и безумствовали. Не было той лжи и гнусности, которыя, дѣлая сами въ салонахъ и государственной думѣ, не возводили бы на Царскую Семью. Какое море грязи и клеветы было излито на Нихъ и никто, ни одинъ не оборвалъ сплетничавшаго негодяя и не поставилъ его должнымъ образомъ на мѣсто.

Клевета росла, ширилась и ползла по простецкой Руси, какъ моръ, какъ чума, все заражающіе на своемъ пути. И эту клевету съ хамскимъ сладострастіемъ смаковала часть нашей передовой знати и «интеллигенція». Страшно подумать о той неизмѣримой низости, охватившей часть знати и «интеллигенцію». Люди, требующіе къ себѣ уваженія, готовые вступиться за честь жены, матери, сестры и невѣсты, клеветали на ни въ чемъ неповинную, высоко моральную Царскую Семью. Даже многіе изъ профессуры, казалось бы, интересующіеся только наукой и тѣ съ наслажденіемъ зарывались въ зловонное болото, стараясь даже въ прошломъ выискивать только все отрицательное и искажая исторію, представляли всѣхъ Монарховъ въ отрицательномъ видѣ. Образцомъ искаженія, въ партійныхъ цѣляхъ, истины и исторіи, является исторія, написанная профессоромъ Милюковымъ и учебникъ исторіи для гимназій въ Югославіи Сухотина, — къ прискорбію одобренный русскимъ учебнымъ комитетомъ и разрекламированный, «русской профессурой», взращивающей въ дѣтскихъ душахъ русскую развѣсистую клюкву. Авторы сошли со сцены, но ихъ, растлѣвающіе дѣтскія души, учебники остались.

Мнѣ разсказывали, что одинъ изъ такихъ профессоровъ, въ прежніе годы, читая лекціи о великой Русской Императрицѣ, столько сдѣлавшей для блага Россіи, уснащалъ ихъ скабрезными анекдотами, съ вожделѣніемъ выслушиваемыми стриженными курсистками. Съ честью достойной послѣдняго хама, онъ позорилъ честь усопшей женщины. И ни одна изъ русскихъ дѣвушекъ не осадила обнаглевшаго профессора. За что и по чьей указкѣ это дѣлалось? У кого возможны такія постыдныя явлѣнія, кромѣ русской передовой «интеллигенціи»?

Вотъ въ этой тлетворной атмосферѣ, всѣми травимая широкая офицерская масса, вопреки всему, оставаясь вѣрной Историческому Завѣту, вступила въ Австро-Германскую войну.

Слово «знать» я опредѣляю такъ: знать это, зараженная иностраннымъ духомъ, прогрессивная часть служилыхъ людей, оторвавшихся отъ Церкви, народной массы и крутившихся около Царскаго двора, распускавшихъ сплетни о Царской Семьѣ, гордившихся своими чинами, дворянствомъ и происхожденіемъ. Одинъ ея представитель, не съумѣвшій воевать, но мечтавшій о Престолѣ, говорилъ до революціи, что «надо Императрицу заточить въ монастырь». И эта грѣховная гордость послужила гибели Россіи.

IV.

I-ая МІРОВАЯ ВОЙНА.

На солнцѣ оружьемъ сверкая,
Подъ звуки лихихъ трубачей,
По улицамъ пыль поднимая,
Проходилъ полкъ гусаръ—усачей.
А тамъ приподнявъ занавѣску,
Лишь пара голубенькихъ глазъ
Смотрѣли во слѣдъ проходящимъ
Ну, — будетъ не мало проказъ.

Мобилизація: Высочайшій приказъ о мобилизаціи всѣхъ вооруженныхъ силъ государства всколыхнулъ Россію отъ края до края. Не было уголка, гдѣ бы не провожали призванныхъ въ ряды войскъ съ искренними пожеланіями и благословеніями. Потянулись къ сборнымъ пунктамъ безчисленные воинскіе поѣзда, до отказа набитые людьми и нигдѣ ни одного случая безпорядка или выраженія какимъ либо инымъ образомъ неповиновенія приказу или недовольства имъ. Мобилизаціонный планъ, составленный комиссіей Генеральнаго Штаба незадолго передъ войной, оказался чрезвычайно хорошо обдуманнымъ и точнымъ въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ, такимъ образомъ, это исключало какую либо задержку или путаницу. Ко времени объявленія мобилизаціи я служилъ въ 166 пѣх. Ровненскомъ полку, расквартированномъ въ г. Кіевѣ. Какъ ближайшій къ Австрійской границѣ крупный желѣзнодорожный узелъ, Кіевъ уже черезъ 12 часовъ по объявленіи мобилизаціи буквально

былъ затопленъ моремъ прибывающихъ со всѣхъ сторонъ мобилизованныхъ, несмотря на это ни одного случая безпорядка не наблюдалось. Призываемые были радушно принимаемы жителями и сами вели себя выше всѣхъ похвалъ. Это съ очевидностью доказало, что простой русскій народъ вѣренъ своему Государю и охотно идетъ на Его призывъ защищать Отечество отъ враговъ.

По плану мобилизаціи полкъ, въ которомъ я имѣлъ честь служить, разворачивался въ два полка и еще маршевую роту, кромѣ того, полки по мирному составу насчитывавшіе не многимъ болѣе 2-хъ тысячъ, по мобилизаціи увеличивались вдвое. Несмотря на то, что разворачиваніе полка должно было окончиться къ вечеру третьяго дня, считая со дня объявленія Высочайшаго приказа, — мобилизація русской Императорской арміи прошла съ точностью хронометра, до того все было точно предусмотрено и согласовано.

Получивъ изъ рукъ полкового адъютанта большой желтый пакетъ, запечатанный пятью сургучными печатями, я прошелъ въ залъ полкового собранія, гдѣ уже собрались съ такими же конвертами въ рукахъ офицеры полка. Командиръ полка, полковникъ Бащокинъ, обратился къ намъ съ очень краткими словами, благодаря г.г. офицеровъ за службу въ полку и, выразивъ увѣренность, что мы всѣ исполнимъ свой долгъ передъ Государемъ и Отечествомъ, приказалъ распечатать пакеты. Въ пакетѣ было расписаніе формированія 2-ой роты 310 пѣхотнаго Шацкаго полка, командиромъ коей я назначался. И такъ, съ этой минуты, я уже переходилъ въ новоформировавшійся полкъ и разставался со своимъ прежнимъ начальствомъ и сослуживцами.

Работы по формированію роты, конечно, было очень много, такъ какъ изъ кадроваго полка, во вновь формировавшіеся полки переходили только офицеры старшей категоріи и очень небольшое число унтеръ-офицеровъ — все остальное мы должны были получить отъ воинскаго начальника.

Тѣмъ не менѣе, благодаря замѣчательно точному, согласованному между различными учрежденіями, указанію инструкціи, бывшей въ полученномъ мною пакетѣ — формированіе роты не представляло никакихъ затрудненій и моя рота, какъ и всѣ другія, къ концу 3-го дня была совершенно готова къ выступленію на театръ войны.

Ровненскій полкъ выступилъ, какъ первоочередной, а мы, какъ полки 2-ой очереди должны были ожидать еще нѣсколько дней, дабы дать возможность желѣзной дорогѣ справиться съ перевозкой полковъ первой очереди.

Трехдневный планъ мобилизаціи русской арміи оказался совершенной неожиданностью для нѣмецкихъ штабовъ, расчитывавшихъ на мобилизацію болѣе продолжительную, что дало бы возможность ихъ войскамъ сразу же проникнуть глубоко въ нашу землю, но получилось наоборотъ, такъ какъ наши войска ихъ предупредили и потому первыя столкновенія враждующихъ сторонъ произошли на нѣмецкихъ земляхъ.

Напряженная работа офицерскаго корпуса за время послѣднихъ десяти лѣтъ дала свои плоды и русская армія оказалась настолько хорошо подготовленной и снабженной, что противникъ, собиравшійся сдѣлать легкую военную прогулку, нарвался не только на сильное сопротивленіе, но былъ битъ и отброшенъ назадъ и иногда очень далеко.

Какой восторгъ, какая жажда подвига и самопожертвованія захватила офицеровъ первыхъ двухъ категорій, солдатъ и простой русскій народъ.

Русская Императорская армія весь 14 годъ и на всѣхъ фронтахъ оказывалась побѣдительницей, но къ сожалѣнію, военные спеціалисты всѣхъ государствъ сходились на мнѣніи, что благодаря силѣ современнаго оружія, война не можетъ быть затяжной и должна закончиться не дольше чѣмъ черезъ 4-5 мѣсяцевъ, на каковомъ мнѣніи и дѣлались всѣ расчеты и запасы.

Почти всѣ воюющія державы стали испытывать недостатокъ въ снабженіи своихъ армій къ концу этого времени. Россія, имѣвшая наибольшую растянутость своихъ границъ, а потому вынужденная имѣть громадную армію, чтобы эти границы оборонять и значительно меньшую индустрію, чѣмъ державы тройственнаго союза, конечно, въ нехваткѣ снабженія арміи пришла раньше ихъ и эта нехватка была болѣе острой и труднѣе исправлена, чѣмъ и объясняется, что нашей арміи пришлось перейти отъ наступленія къ оборонѣ, причемъ недостатокъ патроновъ, снарядовъ, да и вооруженія былъ настолько великъ, что русской арміи весь 15 годъ пришлось обороняться отъ оправившихся раньше Россіи, вражескихъ армій, надѣясь только на штыки и стойкость нашего солдата.

Тѣмъ не менѣе, наша армія, медленно отступая, огрызалась оченъ сильно и, неоднократно переходя въ штыковыя атаки, не только не была разбита, но и наносила врагу очень тяжкія потери.

На помощь военному вѣдомству въ этотъ грозный для Отечества часъ пришло почти все населеніе страны, въ значительной степени облегчившее правительство въ отношеніи санитарномъ и продовольственномъ. Но заказы необходи-

маго оружія и снарядовъ, сдѣланные военнымъ министерствомъ, не могли быть скоро получаемы и потому въ этомъ отношеніи произошла задержка — заставивши высшее командованіе войскъ перейти отъ маневреннаго къ окопному образу войны.

Война затягивалась, обѣ стороны стали рыть окопы и заплетаться колючей проволокой. Сидѣніе въ узкихъ, тѣсныхъ и грязныхъ окопахъ совершенно не соотвѣтствовало духу нашего солдата; сидя безъ дѣла въ окопахъ, солдатъ имѣетъ много времени, чтобы скучать, вспоминать объ оставленной семьѣ и своей землѣ; не понимая и не зная причинъ этого сидѣнья, солдатъ легко поддается всякимъ слухамъ и сплетнямъ враговъ, о какихъ то якобы измѣнахъ, предательствахъ или подкупахъ начальства. Населеніе же страны, не имѣя больше извѣстій о нашихъ побѣдахъ, о взятіи арміей непріятельскихъ городовъ и сотенъ плѣнныхъ враговъ — быстро потеряло тотъ подъемъ духа, который буквально овладѣлъ всей страной въ первые мѣсяцы войны. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались соціалистическіе революціонно-враждебныя Монархіи партіи и начали ожесточенную компанію противъ ненавистной для нихъ Монархіи и личности Государя.

Самая гнусная клевета и ложь служили главнымъ оружіемъ. Неизбѣжныя маленькія неудачи на фронтѣ раздувались на цѣлыя катастрофы — обвиняли царскихъ министровъ въ измѣнѣ и предательствѣ и даже Священныхъ Особъ Царскаго Дома обвиняли въ сочувствіи и помощи врагамъ. Несмотря на это военное министерство постепенно справлялось и даже очень успѣшно со своей трудной задачей. Заказанное заграницей и необходимое для арміи оружіе и патроны наконецъ стали поступать, а переходъ на производство снарядовъ нашихъ частныхъ фабрикъ и заводовъ, помогло государственнымъ заводамъ снабжать армію въ достаточномъ уже количествѣ патронами и снарядами и къ началу 17 года русская армія была уже, какъ говорится, вооружена до зубовъ и стала готовиться для перехода въ наступленіе и разгрому врага.

Войска были снабжены пулеметами, минометами и ручными гранатами, многочисленная полевая и тяжелая артиллерія стала за боевой линіей, въ большомъ количествѣ, были сформированы и стали въ резервѣ за первой линіей новыя пѣхотныя девизіи, — лощины заполнены сложенными въ штабеля артиллерійскими снарядами.

Духъ войскъ, благодаря надеждѣ окончить, наконецъ, очертѣвшее всѣмъ сидѣніе въ окопахъ, былъ великолѣпнымъ — всѣ рвались въ бой, будучи вполнѣ увѣрены, что нѣмецъ

будетъ побитъ и война будетъ скоро и побѣдоносно закончена. Какъ разъ въ это время я былъ раненъ и эвакуированъ въ Кіевъ. Городъ поразилъ меня разницей настроенія съ настроеніемъ дѣйствующихъ, стоявшихъ на позиціи, войскъ, откуда я только что пріѣхалъ. И въ разговорахъ со своими знакомыми, приходившими навѣщать меня въ госпиталь, да и среди мѣстной печати царило пораженческое настроеніе — никто въ нашу побѣду не вѣрилъ и потому прежняго стремленія помочь, чѣмъ только можно, войскамъ уже считалось лишнимъ и безцѣльнымъ. Тротуары Крещаника и прилегающихъ къ нему улицъ всегда были полны гуляющими молодыми людьми, такъ или иначе устроившимися въ тыловыхъ учрежденіяхъ, чтобы не идти на фронтъ, — на раненыхъ офицеровъ и солдатъ уже не обращали вниманія, они уже были какъ будто даже и непріятны — повсюду слышались толки о какихъ то измѣнахъ, предательствахъ и т. д.. Искать виновныхъ и именно среди лицъ Императорской Фамиліи и плести на Нихъ различныя небылицы стало модной клеветой въ гостинной. Словоблудіе пораженчества, являющееся коренной цѣлью «соціалистической» партіи — видимо сдѣлало громадные успѣхи.

Оставаться въ тылу для меня стало невыносимо тяжело и я, еще не совсѣмъ оправившись, вернулся на фронтъ. Здѣсь можно было вздохнуть болѣе чистымъ воздухомъ, въ противоположность тылу. Войска стремились въ наступленіе и со дня на день ждали соотвѣтствующаго приказа.

Сколько доблести, сколько благородства, сколько чести и подвиговъ было проявлено русскимъ офицеромъ и солдатомъ, жившихъ завѣтами предковъ — и смерть увѣнчала ихъ лавровымъ вѣнкомъ, за которымъ они, къ счастью, не видѣли скрывающагося звѣрииаго лика русскаго бунта, дѣла рукъ части нашей знати и «передовой интеллигенціи», — но, вы, честные русскіе люди, берегите память о нихъ, какъ берегутъ цвѣтокъ съ дорогой могилы.

Благодаря доблести г.г. офицеровъ и ихъ твердому движенію по русскому историческому пути, тягчайшій 1915 годъ былъ выдержанъ съ честью.

Вопреки всѣмъ сановнымъ авторитетамъ, твердившимъ тогда и пишущимъ вздоръ и теперь, армія, безъ всякаго сожалѣнія, приняла смѣну неудачнаго командованія Великаго Князя Николая Николаевича, которое повело бы ее за Уралъ, а съ чувствомъ восторга и увѣренностью въ прекращеніе отступленія, приняла своего Верховнаго Вождя -Императора, не только остановившаго, но быстро по-

ведшаго армію къ побѣдамъ и приведшаго ее вплотную къ столь жданной и уже недалекой окончательной побѣдѣ.

Война 1914 года подошла къ своему побѣдному концу. Неизбѣжныя въ боевой обстановкѣ неудачи были забыты и смѣнились большими лѣтними успѣхами 1916 года. На нашемъ боевомъ участкѣ насъ охватила полная увѣренность въ побѣдѣ. Никогда еще армія не была такъ блестяще подготовлена, какъ къ началу 1917 года. Безчисленное количество снарядовъ, патроновъ, гранатъ, минъ, пулеметовъ и всевозможной артиллеріи бросалось въ глаза. Орудія, невиданныя нами доселѣ, стояли на каждомъ шагу и даже, за недостаткомъ выгодныхъ позицій, въ лощинахъ, стояли на болѣе открытыхъ и неудобныхъ, замаскированныя вѣтвями. И это было на самыхъ дикихъ, глухихъ и трудно проходимыхъ Карпатахъ въ районѣ г. «Кимполунгъ — Якобени» Румынскаго фронта. У солдатъ даже сложилась поговорка: «не плюй — попадешь на пушку». Лучшаго настроенія у солдатъ нельзя было и желать, всѣ были почему то увѣрены въ апрѣльское всеобщее наступленіе «на землѣ, на морѣ и въ воздухѣ», какъ говорили солдаты, — и даже тыловыхъ обозниковъ охватилъ воинственный пылъ и они кричали, что пойдутъ бить нѣмцевъ. И пошли бы.

И, конечно, успѣй Государь начать наступленіе, Германія быстро была бы поставлена на колѣни и Русское Знамя развивалось бы на св. Софіи. А къ теперешнему времени Россія достигла бы полнаго духовнаго и матеріальнаго подъема, а также развитія всякаго безъ исключенія труда на пользу всего государства и его каждаго отдѣльнаго человѣка, и дала бы покой и миръ всему міру.

Къ началу 1917 года война уже была выиграна. Это подтверждаетъ даже и Англія, всегдашній врагъ и ненавистникъ Россіи. — Вотъ слова Черчиля: «Императорскій строй, существовавшій къ этому времени, выигралъ войну».

Нуженъ былъ только послѣдній апрѣльскій легкій щелчокъ, чтобы окончательно уже выдохшаяся Германія рухнула.

Но побѣда не улыбалась высшему передовому обществу, передовой «интеллигенціи» и иностраннымъ силамъ, она означала торжество Монархіи. И въ январѣ 1917 года въ Петербургъ пріѣхала союзная комиссія «благодарныхъ» итальянцевъ, французовъ, и англичанъ и послѣ совѣщаній съ Гучковымъ, кн. Львовымъ, Родзянко, генераломъ Поливановымъ, Сазоновымъ, англійскимъ посломъ Бьюкененомъ, Милюковымъ и другими русскими измѣнниками, представила Государю слѣдующія требованія:

1. Введеніе въ Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго союзныхъ представителей съ правомъ рѣшающаго голоса.

2. Обновленіе командного состава всѣхъ армій по указаніямъ державъ согласія.

3. Введеніе конституціи съ отвѣтственнымъ министерствомъ.

На этихъ глупыхъ и наглыхъ требованіяхъ Государь положилъ, полныя благородства и великодержавнаго достоинства, слѣдующія прекрасныя и правдивыя резолюціи:

по 1. Излишне введеніе союзныхъ представителей, ибо Своихъ представителей въ союзныя арміи съ правомъ рѣшающаго голоса вводить не предполагаю.

по 2. Тоже излишне. Мои арміи сражаются съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ арміи Моихъ союзниковъ.

по 3. Актъ внутренняго управленія подлежитъ усмотрѣнію монарха и не требуетъ указаній союзниковъ.

Послѣ этого въ англійскомъ посольствѣ состоялось засѣданіе при участіи пріѣхавшей союзной комиссіи и всѣхъ вышеупомянутыхъ русскихъ предателей. На немъ было рѣшено — «бросить законный путь и выступить на путь революціи» при первомъ же отъѣздѣ Государя въ ставку. — На усиленіе клеветнической агитаціи «благодарные и благородные союзные представители», утратившіе совѣсть и честь и забывшіе все, чѣмъ они обязаны Императору Николаю II, — выдали деньги, а наши подлецы приняли эти Іудины сребренники.

Въ дополненіе къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ «союзничковъ» является статья написанная профессоромъ Н. Краинскимъ подъ заглавіемъ «Рокъ» и напечатанная въ «Царскомъ Вѣстникѣ», издававшемся въ Бѣлградѣ Рклицкимъ (нынѣ архіепископъ Никонъ).

Вотъ выдержка изъ этой статьи: «...Громадный матерьялъ, который такъ упорно и долго игнорировала оффиціальная ученая наука, показываетъ, что фактовъ предвидѣнія и проникновенія въ будущее имѣется великое множество. Также безспорно и то, что существуютъ люди или состояніе людей, въ которомъ отдѣльные индивидуумы обладаютъ способностью ясновидѣнія въ пространствѣ и во времени. Таковы состоянія транса и опредѣленныхъ стадій гипнотическаго состоянія. Поразительно майнцевское пророчество. И въ обыденной жизни каждаго человѣка эти явленія бываютъ, но на нихъ обыкновенно не обращается вниманія и ихъ забываютъ.

На одномъ такомъ предвидѣніи я хочу остановить вниманіе русскихъ, такъ какъ оно касается одного изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашего прошлаго. Можетъ быть не слѣдуетъ теперь ставить точки надъ «і», но всѣ, кто помнитъ трагедію мазурскихъ озеръ возстановитъ въ своей памяти событія, которыхъ касается пророчество. Я, какъ участникъ боевъ на мазурскихъ озерахъ, хорошо помню всѣ переживанія нашихъ славныхъ войскъ, ринувшихся на подвигъ самоотверженія во имя спасенія Парижа и совершившихъ «чудо на Марнѣ». И, конечно, вмѣстѣ со своими соратниками я много лѣтъ переживалъ ту горечь неблагодарности забвенія и даже поношенія арміи Самсонова своею гибелью все же выполнившей долгъ и назначеніе.

Въ 1923 году въ сборникѣ «Пѣсни русской скорби и слезъ» напечатано стихотвореніе С. С. Бехтѣева «Союзникамъ» написанное въ тогдашнемъ королевствѣ С. Х. С. въ 1921 году. Основаніемъ ему послужили тѣ горькія переживанія русскаго патріота, которыя испытывали всѣ мы, участники трагедіи, начиная съ 1917 года. Далѣе послѣдовало забвеніе и упорное замалчиваніе и даже отрицаніе заслугъ и подвиговъ русской Императорской арміи на мазурскихъ озерахъ и въ помощи Вердену, путемъ отвлеченія силъ противника упорными боями и наступленіями.

Авторъ въ концѣ стихотворенія обращается къ бывшимъ нашимъ друзьямъ и союзникамъ:

«Не мы ли честно умирали
За васъ во рвахъ, у вражьихъ стѣнъ
Не мы ли грудью отстояли
И вашъ Парижъ и вашъ Верденъ?

За что жъ теперь душой коварной
Въ хмѣлю тріумфовъ и пировъ
Вы въ слѣпотѣ неблагодарной
Забыли подвигъ русскихъ львовъ!?

Ликуйте! Празднуйте побѣду!
Но будетъ день и битый врагъ
По окровавленному слѣду
Направитъ вспять зловѣщій шагъ.

Тогда на стонъ предсмертной муки,
На зовъ и вопли изъ Арденъ
Спасать не выйдутъ наши внуки
Ни вашъ Парижъ, ни вашъ Верденъ!»

Это предвидѣніе въ общей формѣ лежало въ душѣ каждаго русскаго человѣка какъ за рубежомъ, такъ и въ повергнутомъ въ рабство отечествѣ. Но предвидѣть, что временно побѣжденный при посредствѣ русской крови мощный противникъ «по окровавленному слѣду направитъ вспять зловѣщій шагъ» — это уже нѣчто большее чѣмъ простое предчувствіе.

Путь наступленія германской арміи до послѣдняго момента былъ неизвѣстенъ. Никто не думалъ, что возрожденная германская армія пойдетъ «по окровавленному слѣду» и что именно съ Арденъ раздастся первый зовъ о «чудѣ на Марнѣ». Увы! Упорно забывали о тѣхъ, кто его совершилъ... И только мы, участники мазурскихъ озеръ, пожимая плечами, говорили: «нѣтъ больше русскихъ корпусовъ, по первому призыву союзниковъ бросающихся спасать ихъ. Нѣтъ вѣрнаго долгу и союзникамъ Самсонова, поведшаго свои войска сознательно на гибель».

«Ардены» 1940-го года! Какъ будто бы раздвинулись границы времени и вдохновленный любовью къ родинѣ авторъ прозрѣлъ удары судьбы.

И рокъ возмездія.

Спятъ смертнымъ сномъ суворовскіе чудо-богатыри. Не двинулись сыновья самсоновскихъ героевъ спасать Парижъ! Не тронулись наслѣдники Брусилова въ прорывъ на помощь побѣждаемымъ! И вновь «чудо» заманчивымъ видѣніемъ виситъ надъ Марной! Но нѣтъ больше русской крови, которая широкою рѣкою лилась во имя спасенія ближнихъ!

«Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ...»

* * *

«Вамъ нужны великія потрясенія,
намъ нужна великая Россія».
П. А. Столыпинъ.

Передовая знать и «интеллигенція», руководимая и направляемая таинственными силами и иностранными деньгами, пользуясь кафедрой государственной думы поспѣшили и повели послѣднюю и рѣшительную атаку. Въ этомъ очагѣ измѣны, въ самый разгаръ войны, гремѣли рѣчи ораторовъ, творившихъ гибель державы. Когда международный авантюристъ-проходимецъ «купчишка» Гучковъ своей лживой и страшной фразой «отечество въ опасности» дѣйствительно толкнулъ Отечество въ пропасть, — когда сѣдовласый профессоръ — хамелеонъ Милюковъ своей крылатой, клеветнической фразой, «глупость или измѣна», дѣйствительно толкнулъ народную глупость на измѣну и предательство, — когда политическій шулеръ Родзянко, прикидываясь вѣрнымъ Царю, не принималъ никакихъ мѣръ сдержать наглыя и клеветническія рѣчи распоясавшихся предателей, а только старался запугать Императора, — всѣ они, объятые

честолюбіемъ, не отдавали себѣ отчета, чьи карты они подтасовываютъ и кому выдаютъ патенты на революціонныя безумства... — а можетъ быть были хорошо оплачены? И когда государственная дума, мечтавшая захватить власть, не подчинилась повелѣнію Императора о роспускѣ, то взрывъ рукоплесканій и подлаго «интеллигентскаго» восторга покрылъ ея преступное и безумное рѣшеніе, положившее прочное начало гибели Имперіи.

Всѣ они поспѣшили. И тутъ выявили себя и генералъ-адъютанты измѣнники.

Въ 1917 году начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералъ-адъютантъ Государя, генералъ отъ инфантеріи Алексѣевъ былъ тяжело боленъ и находился въ Крыму, но къ началу «революціи», еще больнымъ, поспѣшилъ вернуться въ ставку, — изолировалъ Государя и отъ арміи и отъ народа, объединился съ командующими фронтами, генералъ-адъютантами и измѣнниками и — началась гибель Россіи.

А если бы ген. Алексѣевъ былъ еще тяжелѣе боленъ, и не смогъ вернуться еще хоть два мѣсяца и по повелѣнію Императора началось апрѣльское наступленіе и тогда же побѣдоносно закончилась бы война, то не было бы «неизбѣжной революціи»-бунта несмотря на всѣ усилія генералъ-адъютантовъ измѣнниковъ и прочихъ предателей, подлыхъ героевъ февраля.

Но видно Богъ судилъ наказаніе Россіи, въ значительной степени отошедшей отъ Христа.

V.

«У лукоморья дубъ срубили,
Златую цѣпь въ торгсинъ снесли,
Кота на мясо изрубили,
А русскій духъ сослали въ Соловки.

Въ избушку пять семействъ вселили,
Изъ курьихъ ножекъ супъ сварили,
А ступу съ бабою Ягой
Утилизировалъ промстрой.

Русалку паспорта лишили,
Подохъ отъ голода Кащей,
Богатырей всѣхъ сократили
И вывели въ расходъ звѣрей.

Гдѣ медъ и пиво пили предки,
Тамъ красная звѣзда горитъ

И объ итогахъ семилѣтки
Хрущевъ всѣмъ сказки говоритъ».
(и вѣрять)

° ° °

На солнцѣ ничѣмъ не сверкая,
Въ оружьѣ какой теперь толкъ,
По улицамъ гвалтъ подымая,
Проходилъ нашъ «сознательный» полкъ.

А тамъ опустивъ занавѣску,
Лишь пара испуганныхъ глазъ
Глядѣла во слѣдъ проходящимъ,
Ну, — будетъ сегодня грабежъ.

И вотъ случилось самое страшное. Случился тотъ ужасъ, отъ котораго разрывается сердце и люди мгновенно сѣдѣютъ.

Грянула всепозорная, всепроклятая и всепродажная «великая, безкровная революція», залившая кровью Россію.

Проклятый 1917 годъ. Предательство и измѣна. Подлость и глупость. Трусость и обманъ.

Начался короткій 8-ми мѣсячный фарсъ, выявившій всю глупость и никчемность нашей «интеллигенціи» и части высшаго общества съ ихъ кумирами-паяцами, вышедшими изъ балагана — государственной думы.

Подъ улюлюканье государственной думы высшіе военачальники, обласканные Императоромъ, приближенные Имъ къ Себѣ, обязанные Ему всѣмъ, что имѣли, круто сошли съ историческаго пути офицера.

Одни еще до 2-го марта (ген. Лукомскій) сочиняли манифесты объ отреченіи, — другіе (ген.-адъют. Алексѣевъ) подсказывали отвѣты соратникамъ объ отреченіи, а третьи (ген. Рузскій) прямо употребили насиліе. Они думали, что только имъ принадлежитъ право рѣшать судьбы Отечества (какъ и сейчасъ думаютъ эмигрантскіе «вожди») и всю истину скрыли (скрываютъ и до сихъ поръ) отъ офицерской массы, своей кровью доказавшей и большую любовь къ Отечеству, и большую вѣрность долгу.

Вышелъ, распространенный Гучковымъ, приказъ № 1, плодъ преданности своему Отечеству русскаго «интеллигента» и объявленіе правъ солдата и безправія офицера.

Старшіе военачальники (ген. Брусиловъ) стали срывать съ себя царскіе вензеля и топтать ихъ ногами на глазахъ и въ угоду черни; стали разъѣзжать (ген. Гуторъ) по фронту на грузовикахъ въ обнимку съ обозниками; стали пожимать руки солдатамъ-комитетчикамъ и перестали подавать руку офицерамъ; стали говорить митинговыя рѣчи, полныя лжи, — какъ рѣчь, раздутаго потомъ въ національные герои, генерала Деникина, въ которой онъ, на офицерскомъ съѣздѣ, бросилъ отвѣтственную и лживо-страшную фразу: «...Вы,

бросавшіе послѣднюю горсть земли въ могилу брата, друга.., шедшіе въ атаку... подъ рѣдкій гулъ родной артиллеріи, измѣннически лишенной снарядовъ, вы ли теперь дрогнете?»... А Генеральнаго Штаба генералъ-лейтенантъ Деникинъ развѣ не зналъ, что у союзниковъ и у нѣмцевъ одновременно стало нехватать снарядовъ ибо у всѣхъ разсчетъ войны былъ на три-пять мѣсяцевъ, но имъ всѣмъ — фабричнымъ странамъ, было легко перейти на военное производство, — земледѣльческой же Россіи пришлось передѣлывать свои немногочисленныя фабрики. Союзники же, принявъ и получивъ впередъ деньги, заказовъ не выполнили,— приняла и выполнила только Японія. Генералъ Деникинъ все это зналъ, и солгалъ.

Такъ же генералъ-лейтенантъ Деникинъ оклеветалъ насъ, кадровыхъ Императорскихъ офицеровъ, когда онъ, по примѣру «интеллигенщины», всегда орущей отъ имени всего русскаго народа, позволилъ себѣ говорить отъ имени Императорской арміи, зная, что армія этого не услышитъ и некому будетъ должнымъ образомъ его осадить. На совѣщаніи 16 іюля 1917 года, въ Могилевѣ, въ ставкѣ, онъ, генералъ-лейтенантъ Деникинъ сказалъ въ своей рѣчи слѣдующее: «...ведите русскую жизнь къ правдѣ и свѣту подъ знаменемъ свободы! Но дайте и намъ реальную возможность за эту свободу вести войска въ бой подъ нашими старыми боевыми знаменами, съ которыхъ — не бойтесь! — стерто имя Самодержца, стерто прочно и въ сердцахъ нашихъ. Его больше нѣтъ, но есть Родина»... А. Ф. Керенскій поблагодарилъ автора, пожавъ ему руку. (см. «Очерки Русской смуты А. И. Деникина, томъ II стр. 186). Какая подлость!

И если у ген.-лейт. Деникина, какъ и у генералъ-адъютантовъ измѣнниковъ и прочихъ измѣнниковъ и предателей Россіи, имя Самодержца стерто прочно въ его сердцѣ, то это не давало еще ему права клеветать и на кадровыхъ господъ офицеровъ, и всей народной массы русскихъ солдатъ, у которыхъ не только не было «прочно стерто имя самодержца», а несмотря на всѣ давленія «вождей» это имя живетъ и сейчасъ.

Лорды! Господинъ Деникинъ сдѣлалъ ошибку помѣстивъ свою рѣчь въ свои «Очерки». Этимъ онъ намъ даетъ право еще разъ сказать, а развѣ генералъ-лейтенантъ Деникинъ не зналъ, что большинство честныхъ офицеровъ и солдатъ были вѣрны своему Царю и не измѣнили присягѣ? Онъ это зналъ и вновь оклеветавъ,—и своей измѣной Царю, нарушивъ святую присягу, презрѣвъ клятву предковъ

нашихъ 1613 года самъ себя лишилъ воинскаго званія и превратился только въ лѣваго оратора Деникина.

Тяжело это писать объ умершемъ человѣкѣ, но нельзя не смыть клевету съ кадровой царской арміи, неповинной въ февральскомъ бунтѣ 1917 года, который совершило тайкомъ невѣрное, отрекшееся отъ присяги, обласканное Царемъ, высшее военное начальство.

* * *

А военно-промышленный комитетъ Гучкова и «знаменитый земгоръ», наполненный земгусарами, придумалъ, прославившую ихъ, шулерскую комбинацію, — они на присылаемые изъ Японіи, по заказу генерала Сухомлинова, ящики со снарядами, а также и на ящики съ нашихъ заводовъ ставили только свое клеймо.

И удивительной развѣсистой клюквой является утвержденіе г. Орѣхова передъ бельгійскими корреспондентами журнала «Pourquoi Pas», что онъ (вѣроятно только одинъ) сражался съ генераломъ Гинденбургомъ рогатками и что въ 1925-омъ году уже не было ни одного монархиста (думаю, что только среди его друзей ихъ дѣйствительно не было и нѣтъ). Что это? «Писательская правда»? Воспоминанія уличнаго дѣтства? — Или злобная шутка надъ великой Россіей? Какъ это понять и назвать предоставляю читающимъ.

Въ эту тяжелую годину испытаній вожди арміи не сказали своего твердаго слова, которое произнесли 100 лѣтъ передъ тѣмъ другіе вожди арміи.

Въ Отечественную войну въ 1812 году военный совѣтъ въ Филяхъ не думалъ спасать Россію путемъ революціи и насиліемъ надъ Божіимъ помазанникомъ Императоромъ Александромъ I, а только обсуждали способы, какъ полезнѣе отдать свои жизни на спасеніе Россіи и Императора, — и Кутузовъ, выслушавъ своихъ генераловъ, сказалъ: «съ паденіемъ Москвы не погибнетъ Россія, если будетъ сохранена армія. Властью, данной мнѣ моимъ Императоромъ, приказываю отступать».

И армія 1912 года оставила Москву, запылавшую по приказу графа Растопчина и подожженную святой четверговой свѣчечкой, хранившейся въ каждомъ русскомъ домѣ. И зарево пожара Москвы, освѣтивъ всю Россію, согрѣло русскую душу и сожгло духъ арміи Наполеона.

Вожди арміи остались вѣрными присягѣ и Императору, а тогдашняя интеллигенція не говорила «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», и результатомъ твердой вѣры въ Бога и вѣрности завѣту «за Вѣру, Царя и Отечество» было спасеніе Россіи и вознесеніе ея на недосягаемую высоту.

Въ шапкѣ золота литого
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.

И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ.

Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ,
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою, —
Ахнулъ дерзкій и упалъ.

И упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

(Эту пѣсню пѣли у насъ въ полку. И. К.)

* * *

А спустя 100 лѣтъ начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, въ рѣшающій моментъ, ставъ вождемъ арміи, держа въ своихъ рукахъ судьбу Россіи и Императора, подсказалъ главнокомандующимъ фронтами отвѣтъ о необходимости отреченія. И главнокомандующіе, забывъ о долгѣ, отмахнувшись отъ совѣсти, измѣнивъ присягѣ и утративъ честь, отвѣтили согласіемъ на отреченіе. Въ безбожномъ же «интеллигентномъ» обществѣ уже давно отсутствовали святыя четверговыя свѣчечки. И результатъ безбожія, предательства и измѣны своему Царю, подлости, глупости и трусости въ отношеніи своего Отечества незамедлилъ сказаться и мы его испытываемъ на себѣ и сладость русскаго позора и униженія будемъ испытывать и впредь, пока не отрѣшимся отъ либерализма, вождизма и непредрѣшенчества, отъ преклоненія передъ всѣмъ иностраннымъ и не вернемся на древній историческій путь подчиненія законному Императору, завѣщанный намъ въ 1613 году нашими предками, которые были, какъ видно теперь, много умнѣе насъ.

Въ 1917 году среди высшихъ военачальниковъ не было ни господъ офицеровъ, ни просто офицеровъ и не нашлось ни одного героя — и нѣтъ ихъ и сейчасъ; а среди знати и «интеллигенціи», мечтавшей тогда, какъ и теперь, быть всѣмъ министрами, за рѣдкимъ исключеніемъ, просто не было порядочныхъ людей.

VI

И много Понтійскихъ Пилатовъ,
И много продажныхъ Іудъ,
ЦАРЯ своего распинаютъ,
Отчизну свою продаютъ.
(ген. Сухомлиновъ)

4-го марта 1917 года начальникъ 78 пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Добровольскій вызвалъ меня къ телефону и сказалъ: «Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю II благоугодно было для блага Отечества отречься отъ престола. Приказано мнѣ и я приказываю вамъ привести вашъ полкъ немедленно къ присягѣ какому то временному правительству».

На мои недоумѣнные вопросы, что происходитъ и какому временному правительству нужно присягать, начальникъ дивизіи отвѣтилъ, что кромѣ этого онъ и самъ ничего не знаетъ и ничего не понимаетъ, а передаетъ спѣшный приказъ изъ штаба арміи.

Согласно полученнаго приказа, полкъ былъ выстроенъ въ карэ по баталіонно и посреди получившейся площади былъ поставленъ столикъ для полкового священника, покрытый бѣлой скатертью. Знамя полка передъ полкомъ не приказалъ вынести, не хватило у меня духа совершить подобное кощунство, такъ какъ знамя вѣдь было съ вензелемъ Императора Николая II и передъ этимъ же знаменемъ, мы всѣ, еще такъ недавно, клялись Всемогущему Богу, служить Государю Императору и Его Наслѣднику престола до послѣдней капли крови.

Былъ яркій свѣтлый день, на голубой синевѣ небесъ не видно было ни облачка, не видно было также нигдѣ и такихъ привычныхъ намъ за три года войны облачковъ отъ разрывовъ непріятельской шрапнели — тишина была полная, нарушаемая только голосомъ священника у аналоя — какимъ то сконфуженнымъ тономъ онъ провозглашалъ сочиненныя, видимо, имъ въ этотъ моментъ слова присяги, изъ которыхъ только можно было понять, что клянемся такъ же служить до послѣдней капли крови какому то неизвѣстному временному правительству и чинить непріятелю самое твердое сопротивленіе. Лица солдатъ были хмуры, почти никто не поднялъ своихъ рукъ со сложенными какъ для клятвы пальцами, какъ это сказалъ полковой батюшка, почти никто не осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, но на глазахъ очень многихъ солдатъ я видѣлъ слезы не говоря уже о старыхъ

моихъ боевыхъ товарищахъ офицерахъ, изъ которыхъ многіе открыто плакали.

По окончаніи этой глупой комедіи приказалъ разойтись по ротно по землянкамъ такъ какъ полкъ стоялъ на отдыхѣ въ ближнемъ резервѣ. Фактически присяги не было и никто больше на ней не настаивалъ. Послѣ такой невиданной присяги солдаты мнѣ говорили, что они уже раньше присягали Богу и приказанія начальства будутъ исполнять. Никто ничего не понималъ. Всѣ ходили унылые, какъ ошалѣвшіе. Пѣсенъ не было больше слышно. Въ продолженіе цѣлаго дня, въ расположеніи полка, царила унылая тишина. Солдаты, повидимому, тяжело переваривали въ своихъ головахъ совершившееся событіе. Совершенно разбитый душевно и я сидѣлъ въ своей землянкѣ и въ мозгу копошились тяжелыя мысли, какъ же теперь быть и какъ, и чѣмъ заставить солдатъ сидѣть подъ пулями или идти въ атаку, и какъ ни размышлялъ ничто не годилось и все было плохо, что подтвердилъ и мой телефонистъ, старый малороссъ-солдатъ, вышедшій еще вмѣстѣ со мной въ походъ изъ Кіева. Видя меня такого удрученнаго, этотъ простой солдатъ просто и объяснилъ мнѣ, то, что таилось въ глубинѣ моего сердца: «теперь все пропало, ваше высокоблагородіе». Умный былъ солдатъ. И дѣйствительно, ничего впереди уже не можетъ быть хорошего и побѣды, такъ пламенно желаемой и такой уже близкой — никогда не бывать. Что же тутъ и раздумывать.

VII

ИЗМѢННИКАМЪ

...Еще недавно такъ склоняли выи,
Клялися вы ЕГО до гроба защищать,
И за Царя, Вождя, Хозяина Россіи,
Вы обѣщали жизнь безропотно отдать.
ОНЪ, вашъ исконный Царь, прямой и благородный,
Въ своей душѣ Онъ могъ ли помышлять
Что вы готовитесь измѣною крамольной
Россіи честь навѣки запятнать!

И гдѣ же, гдѣ слова, гдѣ праздные обѣты,
Гдѣ клятвы вѣрности, присущія войскамъ?

Гдѣ вашихъ праотцевъ священные завѣты?
Обманутый, ОНЪ твердо вѣрилъ вамъ...
Пройдутъ вѣка, но подлости позорной
Съ страницъ исторіи не вычеркнутъ года.
Отказъ Царя, прямой и благородный,
Пощечиной вамъ будетъ навсегда!

С. Бехтѣевъ.

«Генералъ-адъютанты измѣнники» (смотри брошюру генерала Доманскаго, которая была полностью перепечатана въ «Царскомъ Вѣстникѣ», издававшемся въ Бѣлградѣ) насъ всѣхъ жестоко обманули, отъ насъ даже скрыли прощальный приказъ къ арміи Императора, который я узналъ лишь въ эмиграціи въ Бѣлградѣ.

Вотъ этотъ приказъ:

«Въ послѣдній разъ обращаюсь Я къ вамъ, горячо любимыя Мной войска, послѣ отреченія Моего отъ престола Россійскаго, власть передана временному правительству, по почину государственной думы возникшему. Да поможетъ ему Богъ вести Россію по пути славы и благоденствія...

Исполняйте же вашъ долгъ, защищайте доблестно вашу великую Родину, повинуйтесь временному правительству, слушайтесь вашихъ начальниковъ, помните, что всякое ослабленіе порядка службы — только на руку врагу.

Твердо вѣрю, что не угасла въ вашихъ сердцахъ безпредѣльная любовь къ нашей великой Родинѣ. Да благословитъ васъ Господь и да ведетъ васъ къ побѣдѣ св. великомученикъ и побѣдоносецъ Георгій.

Николай.
Ставка 8 марта 1917 г.»

Какое величіе духа!

Какая любовь къ войскамъ, народу и Россіи!

Какое самопожертвованіе, напоминающее распятіе Христа!

Какая глубокая вѣра!

Какая отеческая забота и любовь къ великой Родинѣ!

Какое незлобіе къ личнымъ врагамъ!

Какое отсутствіе личной обиды!

Все это возможно было только для Бога-Сына и для святого Императора Николая II.

Читая этотъ прощальный приказъ невольно текутъ слезы, — его нужно всегда напоминать всѣмъ, ибо «не вѣдаютъ, что творятъ».

Кто бы могъ кромѣ святого Императора Николая II безъ сопротивленія отречься отъ всего личнаго!

Нашъ святой Царь сознательно пошелъ по пути распятаго Іисуса Христа.

Боже Вседержитель, прости и помилуй насъ, не поддержавшихъ и не спасшихъ своего Царя.

Никто не считалъ нужнымъ поставить армію въ извѣстность о происшедшемъ. А жаль, все могло бы обернуться иначе! Вѣдь къ этому времени война была уже выиграна Императоромъ Николаемъ II и даже маршалъ Фошъ, главнокомандующій западными союзными войсками, безъ колебанія заявилъ корреспонденту: «прошу особенно замѣтить, что если Франція не сметена съ карты Европы, то этимъ она въ первую очередь обязана Россіи». («Знамя Россіи» ном. 195. стр. 13).

Насъ, дѣйствующую армію, три года геройски защищавшую родную землю и положившихъ два милліона своихъ головъ за Царя и Отечество, насъ, которыми только и держалась Россія, насъ, за спинами которыхъ спряталась съ февральскими «нетлѣнными цѣнностями» «геройская» соціалистическая рвань, насъ не удостоили спросить. Насъ грубо обманули и за армію рѣшили нѣсколько генераловъ-измѣнниковъ съ генералъ-адъютантомъ Алексѣевымъ во главѣ. И сейчасъ старается соціалистическая клика опять намъ задурить головы своими глупыми и неосуществимыми «платформами» и насъ потихоньку надуть. Теперь опоздали. «Бильше нема дурнивъ», какъ говорятъ малороссы, которыхъ наша эмиграція и русскія газеты, въ угоду иностранцамъ и вышесказанной рвани почему то называютъ «украинцами», чѣмъ смѣшиваютъ насъ малороссовъ съ галичанами-уніатами, отрекшимися отъ древняго православія и древней своей Родины святой Руси.

Бросьте лживое и обидное для насъ малороссовъ австро-польское названіе «украинцы» съ ихъ совершенно для насъ непонятнымъ языкомъ. Мы гордимся, что отъ насъ, отъ матери русскихъ городовъ — Кіева, пошла, есть и будетъ великая Россія.

Тутъ умѣстно поставить вопросъ, — что это: глупость или еще не изжитое пресмыканіемъ передъ всѣмъ вреднымъ западнымъ, доведшимъ насъ до бунта?

Тщетно господа офицеры, вѣрные долгу и своимъ знаменамъ, дабы смыть рўсскій позоръ, кидались въ наступленіе, разстрѣливаемые сзади своими братьями солдатами и гибли на нѣмецкой проволокѣ подъ ругань обезумѣвшей солдатской массы, а нѣмцы, хороня ихъ, отдавали имъ почести. Отечество гибло.

Армія быстро превращалась, стараніями нахлынувшихъ на фронтъ агитаторовъ, въ тупое трусливое стадо, грозное только своему родному народу, а не нѣмцамъ.

Вамъ, павшимъ тысячами въ этихъ попыткахъ сохранить порядокъ, офицерамъ, принадлежитъ заслуга въ томъ, что это превращеніе дисциплинированной арміи въ буйную разбойничью массу, все же шло не такъ ужъ молніеносно, какъ оно по всѣмъ даннымъ должно было совершиться. Густая масса дезертировавшихъ солдатъ все же благодаря вамъ двигалась хотя и густо, но все же по линіямъ желѣзнодорожныхъ путей, а не напрямикъ всей многомилліонной массой черезъ поля и деревни и города, которые были бы въ этомъ случаѣ буквально сметены съ лица земли. Сколько жизней этимъ сохранилось, сколько несчастій этимъ предупреждено — невозможно подсчитать, но эту послѣднюю услугу своему Отечеству и своему народу отъ русского строевого офицера нельзя отнять — нельзя это обстоятельство и замалчивать.

Старый офицерскій составъ своими трупами и трупами старыхъ солдатъ, завалившій озера и лѣса восточной Пруссіи, пески Польши, долины и болота Галиціи, снѣжныя вершины Карпатъ и Малой Азіи, смѣнился молодыми людьми, одѣтыми въ офицерскую форму. Видя окружающее безуміе и высокіе примѣры подлости, ошалѣлъ русскій офицеръ и сошелъ со своего историческаго пути — и безъисходный позоръ, омываемый и до сихъ поръ слезами и кровью русскаго офицера окуталъ родную землю.

Подъ гордый пафосъ истерическихъ напутствій Керенскаго, русскаго главноуговаривающаго, совмѣстившаго въ своемъ лицѣ все несовмѣстимое, несчастная Россія покатилась въ бездну, на днѣ которой горѣла сатанинская звѣзда и кровавыя С.С.С.Р.

Часть русской передовой знати, «интеллигенція» и чернь въ какомъ то безумномъ экстазѣ, аплодируя Керенскому, не видѣла бездны и упивалась своимъ національнымъ позоромъ.

Въ подтвержденіе привожу разсказъ сестры милосердія, участницы I-го Кубанскаго похода А. И. Падчиной, которая недавно разсказала мнѣ свои впечатлѣнія о случаѣ, свидѣтельницей котораго она была въ Москвѣ, въ февралѣ 1917 г.

«Вторую половину февраля 1917 года я была въ Москвѣ. Въ самомъ концѣ февраля произошла революція. По улицамъ ходили толпы, всѣ съ красными бантами, повсюду были митинги и раздавались крики. Я очень любила Кремль и, когда у меня была минута свободная, я посѣщала Кремль

и Кремлевскій дворецъ. И въ этотъ день я изъ Иверской часовни прошла въ Кремль, но во Дворецъ входъ былъ закрытъ и такъ какъ я остановилась у сестры на Арбатѣ, я вышла въ другія ворота и шла вдоль Москвы-рѣки. Пройдя Храмъ Христа-Спасителя, я услышала крики «долой, долой» и увидѣла на углу толпу. Опять митингъ, — мелькнула у меня мысль и въ тотъ же моментъ увидѣла и оратора и поразилась: это былъ нашъ профессоръ Кизеветтеръ (нынѣ покойный). Я остановилась и слышу: «а вотъ памятникъ Пушкину — на что онъ намъ теперь? Долой его!» и толпа заорала — долой, долой. «А вотъ возвышается Храмъ Христа -Спасителя — развѣ онъ намъ нуженъ теперь? Долой его!» И снова слышу вопли: долой, долой! «Но народъ, который не чтитъ и не бережетъ свои памятники и съ пренебреженіемъ относится къ своему историческому прошлому, тоже недостоинъ своего дальнѣйшаго существованія — долой его!» И также послышались вопли: долой! А профессоръ Кизеветтеръ исчезъ и тогда только нѣкоторые осознали послѣднюю фразу профессора и смущенно замолчали».

Это описаніе характеризуетъ «сознательность» толпы, обезумѣвшей отъ февральскаго бунта, поднятаго государственной думой и прочими измѣнниками и предателями.

Какъ поле засѣянное культивированными маками, вся Россія пестрѣла красными бантами. Всѣ улицы и площади городовъ представляли изъ себя сплошное красное море.

Гдѣ вы теперь, носители красныхъ бантовъ — стыдливо скрываетесь? А вспомните ваши салоны и гостинныя, вѣдь за рѣдкимъ исключеніемъ, не было ни одного «интеллигентнаго» дома, гдѣ бы не красовался портретъ Керенскаго. На безконечныхъ балахъ и пиршествахъ, гуляньяхъ и концертахъ непременно устраивались американскія лотереи, на которыхъ неизмѣнно продавались за громадныя деньги его портреты, а въ это время, когда плясали и шелъ пиръ во время чумы, безвинный, достойнѣйшій изъ достойныхъ, благороднѣйшій изъ благородныхъ Царь со своей святой Семьей томился въ заключеніи... За что?

А гдѣ же были русскіе люди, — что дѣлало офицерство?

Дѣйствительно русскіе люди, все малочисленное, здоровое и честное сжалось и ушло въ себя, выжидая событій. Задавленные торжествующимъ хамомъ, умолкли протестующіе голоса, только красное предательство, подлость и глупость торжествовали въ гибнущей странѣ.

А офицерство — о, оно, боевое старое офицерство, единственно могшее противиться развалу, было обманомъ сведено со своего историческаго пути и по заранѣе обдуманному и искуссно проведенному плану, частью погибло

за честь родного знамени, свершая офицерскій прорывъ непріятельскаго фронта; частью было распято штыками на деревьяхъ позицій, принявъ на фронтѣ крестныя муки отъ руки своего же, обезумѣвшаго отъ пропаганды, брата-солдата; частью растерзано въ городахъ, брошено въ паровозныя и машинныя топки; частью на морскомъ днѣ съ привязанными къ ногамъ гирями стоятъ часовыми у офицерской чести. И понынѣ колышатся они на морскомъ днѣ, какъ нѣмой укоръ «красѣ и гордости русской революціи» и какъ вѣчное проклятіе «великой безкровной», — а часть ушла въ походы и примкнула къ борьбѣ съ поработителями родины. Нѣкоторые же продали свою шпагу, втоптали въ грязь царскіе вензеля, отреклись отъ присяги, долга и офицерской чести и, бозвозвратно сойдя съ историческаго офицерскаго пути, надѣли сатанинскую звѣзду. И кровь, кровь всего лучшаго, что было въ Россіи, захлестнула родную землю.

Я не виню бѣднаго, простого, темнаго солдата, — у него отняли Царя, вѣру въ присягу и ему не стало за что умирать. И ошалѣвшій, сбитый съ толку подлой пропагандой, онъ бросилъ фронтъ и поспѣшилъ домой, чтобы не опоздать къ дѣлежкѣ земли.

Кумиръ революціи Керенскій, глава временнаго правительства, самозванный главнокомандующій русской арміи, при первой опасности его драгоцѣнной жизни, бросаетъ фронтъ. И дальше прикрываясь защитой мальчиковъ-юнкеровъ и женскаго батальона Бочкаревой, скрывается изъ столицы и зимняго дворца русскихъ Императоровъ, куда не постѣснялся нахально забраться.

Измѣнники генералы, и приближенная къ Царю знать, пожинаютъ первые плоды своей измѣны.

Посѣянныя государственной думой сѣмена даютъ быстро всходы и черезъ 8 мѣсяцевъ власть легко переходитъ въ руки присланныхъ для развала россійскаго государства нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ — большевика Ленина и его помощниковъ.

Несчастные русскіе офицеры все же еще надѣются какъ то остановить разрушающій все на своемъ пути революціонный потокъ, они ищутъ мѣръ и точки опоры, гдѣ бы, собравшись вмѣстѣ, можно бы дать отпоръ бушующему по всей необъятной Россіи хаосу. Виноваты ли мы, кадровые офицеры, въ переживаемой Родиной катастрофѣ? Да виноваты: не могли быть обмануты, нашъ путь намъ былъ хорошо извѣстенъ и ясенъ: «дѣлай все что прикажетъ начальство, но противъ Бога и Государя ничего не дѣлай». Тутъ все ясно, все опредѣленно — офицеры не могли допу-

стить обмануть себя, что Государь добровольно отрекся отъ власти и за Себя и за Своего малолѣтняго Наслѣдника, а не былъ насильно къ этому принужденъ, не могли этому повѣрить и потому, что и Государь былъ не въ правѣ отмѣнить клятвы, данной не Ему, а Господу Богу.

Заглядывая въ самую глубину своей души, я не могу найти въ ней оправданія себѣ самому. Я сознаю, что измѣнилъ данной мною Господу Богу клятвѣ и способствовалъ, хотя и невольно, гибели всего того, что клялся защищать. Я не имѣлъ права исполнить приказанія генерала Добровольскаго и передъ полкомъ признать фактъ отреченія Государя — приказавъ полковому священнику привести полкъ къ присягѣ временному правительству. Оправданій, извиненій и объясненій можетъ быть много, но факта истины не измѣнишь. Я оказался противъ Бога и противъ Государя.

Думаю, даже вполнѣ увѣренъ, что и всѣ еще оставшіеся въ живыхъ господа офицеры Императорской арміи думаютъ такъ же, какъ и я и такъ же, какъ и я ежедневно молятся о прощеніи нашего общаго грѣха. Думаю, что и большинство, если и не всѣ, командиры полковъ дѣйствующей противъ Германіи арміи — отказавшись исполнить направленное «противъ Государя» приказаніе, могли измѣнить положеніе вещей и отказомъ своимъ, могли остановить зазнавшихся и охмѣлевшихъ отъ успѣха дѣятелей революціи. Можетъ быть, въ этотъ рѣшительный моментъ армія и могла еще спасти Отечество, какъ это она сдѣлала въ 1905 году — можетъ быть и нѣтъ — не знаю, но знаю, что слушаться приказаній направленныхъ во вредъ существовавшему государственному строю и присягѣ — исполнять было нельзя.

Знаю теперь, что молчаливое пріятіе нами факта революціи не спасло русскій народъ — милліоны погибшихъ, страданія длящіеся до сихъ поръ нашего народа и томительное, унизительное прозябаніе милліоновъ россіянъ за границей неоспоримый результатъ этого молчанія офицерскаго кадра арміи въ рѣшительную для жизни страны минуту.

А бездна все ближе и ближе. Вотъ, слушайте, звучитъ какъ гордо, — комитетъ по почину государственной думы возникшій, — а вотъ и безвременное правительство за нимъ, измѣнивъ, предавъ, расшатавъ и углубивъ, свершивъ свое Каиново дѣло, трусливо бѣжали, какъ мѣлкое жулье, пойманное съ поличнымъ. Самъ главковерхъ Керенскій, забывъ, что онъ Наполеонъ, потихоньку, на цыпочкахъ, въ женскомъ платьѣ, прихвативъ съ собой русское золото, бѣжалъ,

бросивъ свою «самую свободную» въ мірѣ армію, предоставивъ казарменной душѣ, опричнику, кадровому офицеру генералу Духонину умереть вмѣсто него на своемъ посту. И вмѣсто Россіи, какъ возмездіе, какъ проклятіе засверкали кровавыя С.С.С.Р.

Россія докатилась до бездны и рухнула внизъ подъ пяту масонскую, а русскій богатѣйшій пирогъ быстро перешелъ отъ нашихъ передовиковъ-февралистовъ къ коммунистамъ, ихъ роднымъ братьямъ.

VIII.

Иные ЕМУ измѣнили
И продали шпагу свою.

Воля народа... Избранники народа... И пьяный матросъ Желѣзнякъ пинкомъ ноги разгоняетъ избранниковъ — учредилку.

Въ туманѣ большевизма теряются остатки послѣдняго разума и пламя гражданской войны сжигаетъ Россію.

Такъ недавно ликовавшая часть знати и «интеллигенція», пользуясь растяжимостью человѣческой совѣсти, частью приспособилась, а частью храбро бѣжала за границу. А родину — родину забыли. Ее рѣшили спасать все те же офицеры, пополненные дѣтьми добровольцами, кадетами, гимназистами, юнкерами, студентами и женщинами.

«Интеллигенція» и тутъ проявила свою старую отчужденность отъ арміи, не поддержавъ ее рѣшительно ничѣмъ. А потомъ, сбѣжавшись на Донъ съ туго набитыми чемоданами, спряталась за спину этой же арміи. Дѣйствительно, нѣтъ предѣла человѣческой безсовѣстности, когда люди потеряютъ вѣру въ Бога.

За измѣну Царю, за презрѣніе къ прошлому, за оставленіе древняго историческаго пути расплата настала. И до сихъ поръ платитъ кровью Россія.

Мнѣ могутъ сказать — рядовой офицеръ не виноватъ. Нѣтъ, виноватъ — виноватъ, что имѣя остро отточенную шашку, онъ не рубилъ головъ, въ его присутствіи не стѣснявшихся клеветать на Царя и позорить власть, — виноватъ, что часто, зная о сборищахъ въ салонахъ, гдѣ велись противогосударственныя рѣчи, онъ не принималъ мѣръ по долгу присяги для искорененія зрѣвшей измѣны.

О, если бы мы знали подлую, клятвопреступную роль всѣхъ этихъ генераловъ-адъютантовъ измѣнниковъ: Алексѣева, Рузскаго, Брусилова, Корнилова и прочихъ обласканныхъ Государемъ; роль Родзянко, Милюкова, Гучкова и прочихъ, на что у насъ лишь въ эмиграціи открылись глаза, то всѣ бы мы... Нѣтъ! Я не «либеральный интеллигентъ», говорящій всегда и вездѣ, всюду и постоянно отъ имени всѣхъ офицеровъ, а скажу только о себѣ, да, я виноватъ, что, когда впервые 4-го марта 1917 года, будучи командиромъ полка въ глухихъ Карпатахъ, получивъ отъ начальства извѣщеніе, что Государю благоугодно было для пользы Отечества отречься отъ престола, я не усумнился въ добровольности отреченія и во всемъ повѣрилъ начальству, вѣроятно, также обманутому. Я долженъ былъ вдуматься и понять, — могъ ли Государь, неизмѣримо образованнѣе, развитѣе и опытнѣе всѣхъ насъ вмѣстѣ взятыхъ, бывшій въ полномъ курсѣ политики, наканунѣ рѣшительнаго наступленія, — могъ ли Онъ не понимать гибельности отреченія. Насъ учили: «дѣлай все, что начальство прикажетъ, противъ Государя не дѣлай». И вотъ тутъ я долженъ былъ понять, что это именно противъ Государя, что отреченіе вырвано силой, измѣной и подлостью. Я долженъ былъ командировать въ ставку вѣрнаго офицера, который среди штабныхъ, давно знавшихъ о зрѣвшей измѣнѣ, за стаканомъ вина и у телеграфистовъ, легко бы узналъ скрытую отъ насъ правду. А тогда мой полкъ еще былъ твердъ. Въ сосѣднихъ полкахъ много было отреченіемъ удрученныхъ. Я долженъ былъ повести полкъ или то, что быстро сорганизовалось бы изъ вѣрныхъ на ставку и Петроградъ. Украсить всѣ фонари Шпалерной улицы всей государственной думой въ полномъ составѣ, а фонари Невскаго взбѣсившейся частью знати и «интеллигенціей», перестрѣлять трусовъ, бунтовщиковъ и предателей въ Петроградѣ и тогда предстать передъ моимъ Императоромъ и если нужно, то заплатить жизнью за свое рѣшеніе. Но необдуманно и слѣпо, вѣря начальству, тоскуя и болѣя случившимся, я не выполнилъ своего долга, а покорно сошелъ съ историческаго пути офицера. Мы «дѣлали все, что прикажетъ начальство», и вышло, что дѣлали и противъ Государя.

А въ результатѣ — все трупы, трупы и трупы. Тысячи, милліоны, гигантскія горы труповъ. И кровь — кровь всюду и вездѣ. Стоны и вопли родного народа, стоны и безысходная тоска въ эмиграціи.

Вотъ къ чему привели уклоненіе, а затѣмъ исходъ обманутыхъ офицеровъ съ ихъ древняго историческаго пути

Все, что вѣками ковали предки своей доблестью и кровью — Полтава, Суворовскіе походы, Бородино, Крымъ, турецкія и кавказскія войны, все пошло прахомъ, не стало Царя — не стало и Россіи, ее распродали, расчленили; нѣтъ Латвіи, Эстоніи, Литвы, отошла Финляндія, Польша прихвативъ кусокъ исконной русской земли, Малороссія, продана Восточно-Китайская желѣзная дорога, и даже румынскій цыганъ укралъ Бессарабію. Отъ деникинской «единая и недѣлимая» осталось одно дѣлимое и продаваемое, къ которому какъ воронье стремятся наши эмигрантскіе «вождики», заканчивающіе свои призывы на «демократическихъ основахъ», а въ брюссельскомъ журналѣ «Pourquoi Pas» даже указана сумма 8-10 милліоновъ долларовъ. Дешево же наши «вождики» цѣнятъ нашу матушку Россію и чрезвычайно дорого расцѣниваютъ свои никудышныя силенки.

И много, много времени и много потоковъ крови потребуется для новаго собиранія земли русской подъ стягомъ своего законнаго Императора Самодержца Всероссійскаго. И казалось бы пора всѣмъ понять и сплотиться возлѣ Главы Династіи, вспомнивъ Его призывы и дать Ему мощь и опору.

Вѣдь уже шли за всѣми, кому не лѣнь было командовать. Поддерживали всѣхъ «вождей», которые появлялись, объединялись вокругъ всѣхъ и вся, вплоть до знаменитыхъ фюссенскихъ сонровъ, сборновъ, солидаристовъ, освобожденцевъ разныхъ варіацій, соціалистовъ всевозможныхъ оттѣнковъ, вплоть до коммунистическихъ и во главѣ съ одной «самой величайшей» и самой «извѣстнѣйшей» въ мірозданіи могучей державой — все-?-великой и все-?-премудрой казакіей, сбѣжавшихся на звонъ мизерной суммы американскихъ грошей, предназначенныхъ для расчлененія Россіи.

И все это ссорится, доказываетъ и выхваляетъ своихъ «вождей» и ихъ завѣты, но все тщетно, всѣ потуги многочисленныхъ руководителей, возглавителей, объединителей и «вождей», не дали, не даютъ и не дадутъ никакихъ результатовъ, несмотря на ихъ грозное размахиваніе бумажными мечами и перьями. А когда грянетъ часъ и мы, старые офицеры, не измѣнившіе присягѣ и вы, молодежь и новые эмигранты, станемъ грудью противъ смерти — ихъ не будетъ среди насъ. Одинъ разъ предавши Императора, много разъ предавая Родину, они будутъ спасать свои драгоцѣнныя жизни для новыхъ политическихъ интригъ и новыхъ предательствъ. И пусть, Россія обойдется безъ нихъ. А русскій народъ вымираетъ. Эмиграція разлагается и опускается.

Дѣти теряютъ свою національность и заражаются всѣми демократическими пороками.

Столько лѣтъ, казалось бы, жестокаго урока въ изгнаніи должны были бы научить многому, но честолюбіе и жажда власти и первенства хоть въ какомъ нибудь осколкѣ — крохотной, паршивенькой «самостійной» области, мѣшаютъ честно сознать свои заблужденія, а многіе замарали себя такъ, что дѣйствительно возврата къ старому для нихъ не можетъ быть. Видно мало еще ихъ била судьба, видно не наголодались и не наунижались они еще вдосталь по демократическимъ переднямъ.

Всѣхъ перебрали и все испробовали, во всѣхъ и во всемъ разочаровались, такъ почему не испробовать послѣдняго, еще неисчерпанаго и единственно вѣрнаго средства, объединиться возлѣ Главы Династіи, котораго Господь намъ сохранилъ изъ Дома Романовыхъ, которому Россія обязана всей своей былой мощью, — но нѣтъ, не пробуя, его отвергаютъ. Находятся малоумные, утверждающіе, что идея монархіи, идея утвержденная самимъ Богомъ, не пользуется популярностью. Ну а всѣ, перечисленныя партіи и объединенія популярны у народа, послушаетъ ли онъ ихъ? Много ли, кромѣ зла и разъединенія, они сдѣлали и дѣлаютъ? — Ничего.

Что бы ни говорили, но царское обаяніе еще живо въ народѣ, съ молокомъ матери, вѣками впитывавшимъ вѣру въ Божественную власть помазанника.

Значеніе авторитета царскаго имени поясню слѣдующимъ: вотъ вы сидите на пріемѣ. Вамъ называютъ каждаго входящаго: — предсѣдатель союза, руководитель, объединитель, возглавитель, вождь, профессоръ, банкиръ, торгово-промышленникъ, членъ государственной думы, прокуроръ, предводитель дворянства, графъ, губернаторъ, предсѣдатель палаты, — дамы, съ милой улыбкой, сидя, протягиваютъ руку, мужчины при рукопожатіи встаютъ. Далѣе, генералъ А, картина чуть-чуть мѣняется, г. г. офицеры, не утратившіе воинской дисциплины, сразу встаютъ, — царскій министръ, тутъ скажется обаяніе авторитета царской Россіи и всѣ мужчины встанутъ... Митрополитъ А. — встанутъ и дамы. И вотъ раздается возгласъ: Его Императорское Высочество Глава Династіи — дамы склоняются въ глубокомъ реверансѣ, и я убѣжденъ, что встала бы даже и бабушка русской революціи, и вся фюссенская пятерка со всѣми «казакіями». Вотъ вамъ, господа, значеніе обаянія царскаго имени. А что же, развѣ не сохранилось это и въ Россіи, особенно среди голодающаго народа, знавшаго

прекрасную, (по сравненію съ Европой) старую, сытую жизнь?

А вотъ и еще примѣръ, происшедшій у меня въ комнатѣ: меня посѣтилъ одинъ бывшій совѣтскій молодой офицеръ, родившійся послѣ 1920 года, бывшій комсомолецъ, во время войны попавшій въ плѣнъ и по окончаніи войны сбѣжавшій изъ лагеря, куда были собраны плѣнные для возвращенія въ СССР. Во время нашего разговора, я далъ ему для ознакомленія прочесть печатный листъ «Въ защиту храма въ священную память Государя Императора Николая II въ Брюсселѣ», гдѣ напечатана выдержка изъ письма генерала Маннергейма, въ которой приведены слѣдующія слова генерала Корнилова, обращенныя имъ къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ: «гражданка Александра Ѳеодоровна Романова, встаньте и выслушайте повелѣніе временнаго правительства».

Прочтя листовку, этотъ бывшій совѣтскій офицеръ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «какъ Корниловъ, обласканный Императоромъ, могъ такъ обратиться къ Царицѣ?»

Эхъ, если бъ наша профессура, историки, газеты, со всѣми пишущими въ нихъ и вся эмиграція были также чутки и правдивы, какъ этотъ, по нашему, немного грубоватый, бывшій комсомолецъ, то лучшаго не надо было бы и желать. Къ этому должно добавить, что этотъ бывшій совѣтскій офицеръ живетъ и работаетъ въ маленькомъ городкѣ, гдѣ у него нѣтъ никакихъ русскихъ знакомствъ, русскихъ газетъ не получаетъ, а значитъ не подвергся никакой нашей отрицательной «непредрѣшенческо-часовой» пропаганды, а демократическо-солидаристическая ему осточертѣла и въ СССР. Изъ сказаннаго можно заключить, что и подъ ярмомъ Сталина, какой то процентъ среди молодежи и, вѣроятно, очень большой, а вѣрнѣе всѣ сто, думаетъ какъ и этотъ бѣжавшій отъ совѣтовъ, и никакимъ «правильнымъ соціализмомъ» и февралемъ ихъ не заманишь. Довольно, поумнѣли.

И права была г-жа Аріадна Тыркова-Вильямсъ, написавшая въ «Русской мысли», что «краснымъ революціоннымъ знаменемъ тамъ никого не прельстишь. Надо готовить другое знамя».

Но какое же, какое?

Пустое — бѣлое? Но уже съ нимъ шли и... пришли въ эмиграцію, — серпъ и молотъ, выкрашенные въ солидаристско-розовое, черно-красное корниловское, полосато-непредрѣшенческое и всевозможныя другія разныхъ организацій?

Но русскій народъ отъ нихъ только отплюнется, — англійское, германское, французское, израильское и проч., съ парламентскими говорильнями и безвластными президентами, опоясанными почетными саблями? Этимъ тоже никого не заманишь и даже опоясанные саблями не унесутъ ногъ изъ Россіи.

Вы себѣ представляете потрясающее зрѣлище президента въ калошахъ, подъ зонтикомъ, опоясаннаго почетной саблей, ведущаго русскихъ солдатъ, такихъ же чудо-богатырей, какъ и суворовскіе? Хотя, вѣроятно, что золотая почетная сабля также украдена, какъ и знаменитое исчезнувшее золотое перо, которымъ подписывали «пактъ Келога».

«Величайшій, геніальнѣйшій, мудрѣйшій отецъ народовъ» Сталинъ много умнѣе, онъ все таки додумался одѣть старую военную русскую форму.

Такъ не пора ли вспомнить, такъ подло и глупо, почти всѣми забытое и замаранное, древнее, тысячелѣтнее, историческое знамя нашихъ предковъ съ символомъ «за Вѣру, Царя и Отечество». Другому не повѣрятъ, а за нимъ пойдутъ.

Вѣдь тысячу лѣтъ неисчислимое количество нашихъ предковъ, а въ будущемъ и безконечное количество нашихъ потомковъ, а не одно лишь наше бездарное поколѣніе, представляли черезъ исторію и осуществляли волю народа и будутъ ее осуществлять и представлять въ вѣкахъ; камень за камнемъ созидали и будутъ продолжать созидать, съ Божіимъ благословеніемъ великую Россію. Поколѣніе поколѣнію передавало и будетъ передавать свой завѣтъ (завѣщаніе) улучшать, собирать и сохранять Россію, а въ 1613 году на Соборѣ наши предки поклялись не только за себя, но и за будущія поколѣнія быть вѣрными Царскому Дому Романовыхъ и наложили свое проклятіе на тѣхъ, кто не исполнитъ ихъ завѣта. Вѣдь каждый изъ насъ, принимая наслѣдство, исполнитъ предсмертное завѣщаніе своего отца, дѣда, — и мы богатое наслѣдство и завѣщаніе приняли, а что сдѣлали.

Вѣдь если стать на сторону каждаго человѣка, то намъ было бы выгодно продать всю Россію оптомъ за... скажемъ 1000 милліардовъ, а въ розницу и много больше, эту сумму намъ дали бы сразу, безъ торга, это дало бы каждому живущему въ Россіи по 4.000 долларовъ. По плану «фюсенцевъ», желающихъ облагодѣтельствовать народъ, это живущимъ въ данный моментъ, было бы выгодно. Но купившіе въ складчину русскихъ дураковъ быстро вернутъ не только затраченныя деньги, но выжмутъ и соки, и мы бы оставили грядущимъ поколѣніямъ старые, драные штаны.

Чтобы сказало (я уже не говорю о предкахъ) новое поколѣніе принимая такое наслѣдство и завѣщаніе.

Надо быть послѣднимъ человѣкомъ, чтобы не выполнить завѣта (завѣщанія) предковъ, даннаго ими въ 1613 г.

Ошибочно думаютъ современники, утратившіе Бога, а съ Нимъ и совѣсть, и обязанность выполненія завѣщаній, что они умнѣе предковъ, считая ихъ отсталыми и дикими лишь потому, что предки не летали на зловредныхъ аэропланахъ и не смотрѣли подъ дикій джазъ бездарныхъ и омерзительныхъ фильмовъ и не трубили вездѣ, какъ трубятъ сейчасъ наши эмигранты, взращивая среди иностранцевъ огромную развѣсистую клюкву, объ отсталости и дикости нашихъ предковъ. А отсталые и дикіе наши предки построили самое лучшее, самое могучее государство — Россію, которую даже и Сталинъ не могъ уничтожить, и передали намъ богатѣйшее наслѣдство и, предвидя впередъ, передали намъ и свой мудрый завѣтъ. А мы? Мы только съумѣли за восемь мѣсяцевъ разрушить до основанія и пропить на банкетахъ полученное наслѣдство — Россію и посадить «отца народовъ». Нѣкоторые же не прочь и сейчасъ, на демократическихъ основахъ и съѣздахъ, пропить части Россіи.

Такъ кто же оказался глупѣе, предки или мы? — Мы, мы оказались ослами.

И хорошо бы было если бы наша молодежь, на плечи которой ляжетъ вся тяжесть возстановленія Россіи, задумалась надъ этимъ. Кто то сказалъ, что всякая революція кончается со смертью ее создавшихъ и ей сочувствующихъ. Молодежь скоро дождется этого счастливаго времени.

И если въ Россіи еще что нибудь можетъ и будетъ имѣть авторитетъ, то только царское имя.

Въ радостную и страшную минуту сверженія большевиковъ кровь зальетъ русскую землю, каждый будетъ рѣзать каждаго, будутъ даже сводить чисто личные счеты, безуміе и анархія охватитъ народъ. Никакихъ уговоровъ, никакихъ «вождей» и бѣлыхъ и розовыхъ самозванныхъ диктаторовъ не послушаетъ русскій народъ и только манифестъ «Божіей милостью Мы, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій повелѣваемъ»... остановитъ людей, какъ еще помнящихъ, такъ и знающихъ прошлое, а тогда съ опорой на нихъ и съ опорой на г.г. офицеровъ, ставшихъ на свой старый историческій путь, Императору будетъ легко водворить успокоеніе и порядокъ, и вывести Россію изъ того ужаса и позора, въ который ее ввергъ демократическій февраль.

Этотъ февраль, выигранную Императоромъ Николаемъ II войну, превратилъ въ безуміе, позоръ и ужасъ, а главноуговаривающій Керенскій, потерявъ вѣру въ свою «безъ анексій и контрибуцій, самую свободную въ мірѣ армію», бросилъ въ наступленіе, въ жестокій огонь противника остатокъ офицеровъ и бѣдныхъ русскихъ молодыхъ женщинъ баталіона Бочкаревой. Несчастныя женщины, оглушенныя никогда ими неслышанными разрывами тяжелыхъ артиллерійскихъ гранатъ и шрапнелей, покрывшихъ небесный сводъ зловѣщими, зеленовато-черными облачками дыма, потерявъ управленіе, сбились въ кучу, остановились и гибли подъ жестокимъ, какъ всегда, ружейнымъ, пулеметнымъ и артиллерійскимъ нѣмецкимъ огнемъ. И пусть смерть многихъ, безвинныхъ, несчастныхъ женщинъ, своимъ подвигомъ плюнувшимъ въ лицо, непошедшимъ въ атаку, солдатъ «самой свободной въ мірѣ арміи» ляжетъ на совѣсть Керенскаго, соціалистовъ и всѣхъ творившихъ революцію; а также гибель этихъ несчастныхъ женщинъ пусть будетъ отвѣтнымъ плевкомъ тѣмъ немногочисленнымъ американцамъ, которые въ газетахъ насъ поздравили съ февралемъ 1917 г. и желаютъ той же февральской свободы, которая привела къ гибели несчастныхъ женщинъ и Россію. Не желая никакого зла всѣму американскому народу, я отъ всего сердца желаю этимъ лицамъ, подписавшимъ въ газетахъ свое поздравленіе, чтобы Господь Богъ привелъ ихъ, не въ Америкѣ, а въ какой либо другой странѣ, уже обреченной коммунизму, лично на себѣ испытать нашъ «великій февраль 1917 г. и великую безкровную».

Начавъ похабнымъ февралемъ Керенскій предоставилъ сифилитику Ленину закончить войну похабнымъ миромъ.

Выигранная война была передовой знатью и «интеллигенціей» сдана въ американскія руки.

Нѣмцы не даромъ тратили свои деньги на революцію.

Задумайтесь хоть теперь, русскіе люди, надъ той правдой, которую я здѣсь, какъ передъ Богомъ изложилъ.

Война 1914 года постыдно закончилась.

IX.

ЗАРОЖДЕНІЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ

«До издыханія будь вѣренъ
ГОСУДАРЮ и Отечеству».
Суворовъ.

Послѣ вырваннаго генералъ-адъютантами измѣнниками у Государя Императора Николая II отреченія, парализованный фронтъ болѣзненно переживалъ случившееся. На фронтѣ затихли выстрѣлы. Мы ничего не понимали. Все еще было спокойно и фронтъ стоялъ твердо. Нѣмцы безмолвствовали.

Отмѣна дисциплины и передача всей власти въ комитеты на фронтѣ еще ничѣмъ не отразилась. Съ комитетами никто не былъ знакомъ и ихъ еще не существовало.

Послѣ принятія дѣйствующей арміей присяги все какъ будто осталось по старому. Нѣмцы совершенно прекратили обстрѣлъ и солдаты мало по малу привыкнувъ къ этой мирной обстановкѣ, нѣсколько повеселѣли. У меня въ полку не было ни одного случая неисполненія приказаній и мало мальски серьезныхъ нарушеній дисциплины или порядка. Выбранный полковой комитетъ въ мои дѣла и въ мои приказанія не вмѣшивался, а изрѣдка обращался только ко мнѣ съ маленькими просьбами, объ отпускѣ на родину того или иного, якобы неправильно и не по закону, призваннаго солдата. Правда, уже вскорѣ послѣ присяги временному правительству и полученія приказа № 1 мнѣ стало ясно, что удержать полкъ на позиціи, хотя и трудно, но все же еще возможно, но двинуть его впередъ въ атаку на нѣмецкіе окопы нельзя и думать. Объ этомъ я доносилъ начальству и знаю, что подобные же доклады отъ строевыхъ начальниковъ были массовыми.

Такъ продолжалось до 22/3-1917 г., когда я былъ вызванъ въ штабъ дивизіи для командировки въ городъ Яссы въ штабъ румынскаго фронта къ королю Фердинанду для полученія ордена «Михала Витіазиса» за бои полка въ январѣ 1917 года.

Вотъ точное описаніе этихъ тяжелыхъ, но славныхъ нашихъ послѣднихъ побѣдъ 1917 года. Копія приказа русскимъ войскамъ румынскаго фронта отъ 18 января 1917 года № 14:

«Части 26 армейскаго корпуса послѣ успѣха достигнутаго ими 14 января въ районѣ Якобени, 17 января вновь

совершили славное дѣло. Послѣ артиллерійской подготовки 312 Васильковскій и 311 Кременецкій полки повели стремительную атаку на сильно укрѣпленную высоту въ одной верстѣ и сѣвернѣе Пояна-Керулуй и на высоты 1180 и 1217. Наступая по поясъ въ снѣгу и преодолѣвъ завалы и 12 рядовъ проволоки Васильковцы дружнымъ натискомъ овладѣли редутомъ на высотѣ у Пояна-Керулуй, въ то же время Кременцы, ведя наступленіе по открытому мѣсту, несмотря на сильный заградительный огонь противника достигли гребня высоты 1180, гдѣ были встрѣчены контръ атакой сомкнутыхъ частей противника и вступили съ ними въ рукопашный бой. Подоспѣвшіе послѣ взятія редута три баталіона Васильковцевъ выйдя во флангъ австрійцамъ, дружнымъ штыковымъ ударомъ рѣшили исходъ боя въ нашу пользу и пустились преслѣдовать отходившаго врага. Командующій Васильковскимъ полкомъ полковникъ Киріенко, чтобы воспрепятствовать подходу подкрѣпленій противника со стороны высоты 1217, направилъ одинъ баталіонъ на эту высоту.

При этомъ частями 78 дивизіи захвачено 11 офицеровъ, свыше 1000 нижнихъ чиновъ, одно полевое орудіе, 10 пулеметовъ, 1 минометъ и бомбометъ. Радуюсь славнымъ дѣламъ частей 26 корпуса и особенно 78-ой дивизіи. Достойный примѣръ для подражанія, каковой и рекомендую всѣмъ арміямъ; надо именно такими дѣйствіями не давать отдыхать противнику. Спасибо Кременцамъ и удалымъ Васильковцамъ съ ихъ лихимъ командующимъ полковникомъ Киріенко. Г.г. офицеровъ, особенно достойныхъ участниковъ этого дѣла представить къ наградамъ, а на нижнихъ чиновъ представить мнѣ списокъ наиболѣе отличившихся, по расчету 2 креста и 3 медали на роту и каждую участвовавшую съ этими полками батарею.

Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ, батареяхъ и командахъ.

Подлинный подписалъ: генералъ отъ кавалеріи

Сахаровъ.

Вѣрно:

И. д. начальника штаба 78-ой пѣхотной дивизіи,

генеральнаго штаба полковникъ Окерманъ.»

Пріѣхавъ вечеромъ въ Кимполунгъ, гдѣ стоялъ штабъ нашей 78 пѣхотной дивизіи, я получилъ приказаніе начальника дивизіи генерала Добровольскаго на другой день утромъ 23/3 на штабномъ автомобилѣ ѣхать въ Яссы. Ночевалъ я въ обозѣ 1-го разряда полка у своего полкового

адъютанта, который мнѣ доложилъ, что только что прибыло большое пополненіе для полка и при томъ совершенно необычнаго типа изъ Петроградскаго округа, изъ рабочихъ Петроградскаго района, и прибыло подъ командой не офицера, а какого то комитета. Я приказалъ это пополненіе выстроить для присяги завтра въ 7 часовъ утра. Утромъ я вышелъ къ прибывшему пополненію и увидѣвъ его былъ пораженъ. Дѣйствительно, видъ былъ необычайный: нечто подобное линіи фронта выстроенныхъ солдатъ густо краснѣло приколотыми къ груди красными лентами, а впереди, подъ командой какого то штатскаго стояла толпа человѣкъ 15 съ огромнымъ краснымъ плакатомъ, на которомъ красовалась надпись — «смерть за свободу». Вы понимаете какъ меня эта картина взбѣсила, но, зная уже знаменитый приказъ № 1 объ отмѣнѣ дисциплинарной власти, разосланный Гучковымъ по арміямъ, я взялъ себя въ руки и поздоровался съ толпой, мало походившей на фронтъ солдатъ; отвѣтили въ разбродъ и кто какъ хотѣлъ: одни — здравія желаемъ, полковникъ, другіе — просто здравствуйте и еще какъ то. Присяга была по старому, лишь съ замѣной словъ Государю и Наслѣднику словами временному правительству. Послѣ присяги я обратился къ пополненію съ горячимъ «прочувствованнымъ словомъ». И поздравилъ ихъ съ прибытіемъ на фронтъ на защиту Родины отъ коварнаго врага, на насъ напавшаго и высказалъ надежду, что они дѣйствительно честно исполнятъ слова начертанныя на ихъ плакатѣ. Дальше сказалъ, что мы бьемся съ противникомъ всю зиму, сильно порѣдѣли, измучились и насъ заѣли вши и вотъ кстати пришли вы — такіе бодрые, нарядные и готовые за свободу отдать свои жизни. Какъ разъ намъ предстоитъ еще занять послѣднюю укрѣпленную нѣмцами высоту противника «и вотъ, когда я вернусь изъ Яссъ, то мы возьмемъ эту высоту и вы пойдете впереди и покажете намъ вашу доблесть и какъ надо умирать за свободу; но помните, я теперь не имѣю дисциплинарной власти, а потому за всякое нарушеніе и неисполненіе моего боевого приказа, виновныхъ буду предавать военно-полевому суду». Эти мои слова были моей лебединой пѣсней, а теперь я вижу, что это былъ Промыселъ Божій, сохранившій мнѣ жизнь. Закончивъ рѣчь я пошелъ къ ждавшему меня автомобилю и въ 8 часовъ утра выѣхалъ въ Яссы.

Вернувшись изъ Яссъ, я явился начальнику дивизіи, приказавшему мнѣ, чтобы я не возвращался въ полкъ, а немедленно бы уѣзжалъ въ Кіевъ, такъ какъ выбрали другого командира полка, полковника Гризера, котораго трижды водили на разстрѣлъ и онъ спасался только тѣмъ, что

показывалъ свою дѣйствительно страшную рану въ боку. Его супруга, бывшая сестрой милосердія въ полевомъ лазаретѣ, отъ этихъ ужасовъ сошла съ ума. Въ дополненіе къ этому разскажу слѣдующее: по полученіи приказа ном. 1 и прочихъ распоряженій временнаго правительства я не выдержалъ и собралъ офицеровъ (къ сожалѣнію господъ офицеровъ оказалось только двое, остальные были лѣвые молодые люди одѣтые въ офицерскую форму) и предложилъ сейчасъ же, отъ лица всего полка, послать временному правительству требованіе отмѣнить всѣ приказы касающіеся арміи подъ угрозой, въ случаѣ отказа, бросить фронтъ и двинуть полкъ на Петроградъ. Меня поддержали только полковникъ Гризеръ и подполковникъ Святополкъ-Мирскій остальные отказались. Съ душевной болью я сказалъ: «дай Богъ, чтобы я оказался плохимъ пророкомъ, но знайте, что при такомъ вашемъ рѣшеніи, отъ одного нѣмецкаго взвода весь полкъ побѣжитъ назадъ, какъ стадо барановъ. Мы трое встали и ушли.

Въ штабѣ дивизіи мнѣ разсказали, что въ день моего отъѣзда въ Яссы пополненіе, придя на позицію въ полкъ, вечеромъ устроило митингъ. Откуда то притащили столъ, обтянули его краснымъ кумачемъ, заботливо привезеннымъ, развѣсили вокругъ на деревьяхъ красныя тряпки и плакаты и согнали сюда весь полкъ. Прибывшій комитетъ усѣлся за столъ, а впереди стояло и сидѣло красное пополненіе, за нимъ сбились въ безсмысленную, ничего не понимающую кучу старые солдаты. Натренированный еще въ Петроградѣ красный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ ветеринарнаго врача-еврея, умѣло и сразу взялъ все въ свои руки и никто не нашелся ему противостать. Послѣ соотвѣтствующихъ рѣчей меня низложили, а выбрали несчастнаго полковника Гризера.

На другой день въ полкъ пріѣхалъ начальникъ дивизіи и хотѣлъ навести порядокъ, но ему красное пополненіе не дало много говорить и, когда начальникъ дивизіи, понявъ все, сѣлъ въ автомобиль и двинулся, то красное пополненіе проводило его камнями и соотвѣтствующими ругательствами.

Вслѣдъ за первымъ пополненіемъ начали прибывать все новыя такія же, которыя и избили генерала Миллера за его приказаніе «снять красныя тряпки».

Война закончилась. Не нужно было брать послѣднюю высоту. Срамъ, позоръ и ужасъ воцарились на фронтѣ. Ловко придумалъ, допустилъ и помогъ нѣмцамъ «господинъ генералъ-адъютантъ Алексѣевъ». Мое пророчество оправдалось. Черезъ день я долженъ былъ покинуть фронтъ. Штабъ 78 дивизіи мнѣ передалъ бумагу, гдѣ было написа-

но: «по несоотвѣтствію духу времени полковникъ И. К. Киріенко зачисляется въ резервъ». Да, духъ былъ дѣйствительно, отвратительный, такой, что ни одинъ кадровый, честный офицеръ соотвѣтствовать ему не могъ.

Я выѣхалъ утромъ и былъ удивленъ когда въ поѣздѣ увидѣлъ старшаго связи моего полка старшаго унтеръ-офицера Н., на мой вопросъ почему и куда онъ ѣдетъ, я получилъ краткій отвѣтъ: «насъ всѣхъ продали и воевать больше никто не будетъ. Тошно мнѣ, ѣду домой». Много еще отъ него я узналъ творящагося въ полкахъ и у меня стала проноситься мысль, что такъ нельзя, — надо что то предпринимать, а душу давила незаслуженная обида — 2 года и 7 мѣсяцевъ безпрерывной боевой страды, три раненія, послѣ которыхъ я немедленно возвращался въ полкъ еще не совсѣмъ залѣченнымъ, чтобы служить Царю и Отечеству, всѣ доступныя въ моемъ чинѣ высшія боевыя награды, любимыя мной больше жизни моя Родина, моя Россія, и... мой народъ отблагодарилъ меня демократическимъ плевкомъ.

Послѣ длительной поѣздки, по забитымъ путямъ, заполненнымъ тысячами солдатъ, бросившихъ фронтъ и спѣшившихъ домой дѣлить землю, я прибылъ въ Кіевъ, гдѣ увидѣлъ адъ, безуміе, предательство.

Еще по дорогѣ неотвязная мысль «надо начинать что то дѣлать» не выходила у меня изъ головы. Видя полный развалъ арміи, буйство и хамство, такъ недавно еще бывшихъ надеждой страны солдатъ я убѣдился, что это продолжаться дальше не можетъ и необходимо что то и кому то предпринять нечто рѣшительное, чтобы возстановить порядокъ.

Разлагающая всѣхъ и вся клевета и пропаганда разливалась все шире и шире. Я нѣсколько разъ бывалъ на разныхъ открытыхъ собраніяхъ, слушалъ сумасшедшія рѣчи и ничего не понималъ; нельзя было разобрать, гдѣ начиналась глупость и измѣна и гдѣ кончалось предательство. На одномъ изъ такихъ собраній я услышалъ и одного извѣстнаго генерала отъ кавалеріи Абрама Драгомирова, сказавшаго: «мнѣ ли, сыну моего отца (тоже очень извѣстнаго своимъ либерализмомъ и презрительнымъ отношеніемъ къ офицерамъ) идти противъ русскаго народа». А бѣдный русскій народъ ничего не понималъ, ни въ какихъ подлостяхъ, измѣнахъ и революціяхъ не участвовалъ и во всѣхъ деревняхъ и хатахъ моей родной Малороссіи, гдѣ мнѣ много пришлось побывать, я всюду видѣлъ у иконъ портретъ Императора Николая II. Много позже, уже въ Добровольческой арміи, мнѣ пришлось въ одной хатѣ для расплаты дать старику тысячерублевку Керенскаго съ изображеніемъ государ-

ственной думы. Крестьянинъ посмотрѣлъ на бумажку и вернулъ мнѣ ее, сказавъ: «домъ то хорошъ, да хозяина нѣтъ»; и еще характерный случай. Въ Симферополѣ я пошелъ купить новую фуражку. Въ магазинѣ патріархальный еврей запросилъ съ меня большую сумму, я ему сказалъ, что у насъ въ Кіевѣ раньше фуражка стоила 1 рубль двадцать копѣекъ, на это еврейчикъ мнѣ съ улыбкой отвѣтилъ: «но вѣдь это былъ царскій рубль». Да, а деникинскіе колокольчики и не звенѣли, и ничего не стоили. Царскій рубль и мы должны были и могли бы его возстановить, но три «вождя»-измѣнники этого не допустили, обманувъ всѣхъ насъ.

То, что я увидѣлъ въ Кіевѣ, еще больше убѣдило меня въ необходимости экстренныхъ мѣръ для водворенія порядка и въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ колебаній отъ одного проекта къ другому, я рѣшилъ попробовать создать хоть одну твердую точку, около которой могло бы собраться все, что еще не сошло окончательно съ ума; все, что еще оставалось лучшаго изъ нашей когда то побѣдоносной Христолюбивой арміи. Для образованія такой точки мнѣ казалось подходящимъ опереться на георгіевскихъ кавалеровъ, какъ на людей мужественныхъ и крѣпкихъ духомъ. Встрѣтивъ единомышленниковъ, въ числѣ которыхъ оказался мой другъ полковникъ Святополкъ-Мирскій, мы начали организовывать въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ союзъ Георгіевскихъ Кавалеровъ; у меня была надежда, что можетъ быть еще можно на нихъ опереться и сформировать георгіевскій полкъ исключительно изъ георгіевскихъ кавалеровъ, а то и нѣсколькихъ полковъ (тогда я еще вѣрилъ въ нихъ), которые, находясь въ распоряженіи старшихъ начальниковъ, могли бы остановить бѣгство солдатъ съ фронта, одурѣвшихъ отъ революціи, и продолжать войну.

Со своимъ планомъ я поѣхалъ въ ставку. Верховный главнокомандующій генералъ-адъютантъ Его Императорскаго Величества, генералъ отъ инфантеріи Алексѣевъ, свершившій свое каиново дѣло, какъ мавръ былъ устраненъ, а вмѣсто него былъ назначенъ другой мавръ — Брусиловъ, тоже генералъ-адъютантъ. Выслушавъ мой горячій докладъ, генералъ Брусиловъ согласился и приказалъ формировать сначала одинъ запасный георгіевскій полкъ въ Кіевѣ и выдалъ мнѣ соотвѣтствующій приказъ.

Вернувшись въ Кіевъ изъ ставки я не мѣшкая 1-го августа приступилъ къ формированію полка, долженъ отмѣтить, что это мое начинаніе встрѣтило полное сочувствіе въ лицѣ мѣстной администраціи, а также и въ средѣ солдатъ георгіевскихъ кавалеровъ, поэтому вопросъ о помѣще-

нія, необходимомъ снабженіи и вообще мелкіе хозяйственные вопросы, несмотря на безпорядокъ и неразбериху царившую тогда въ Кіевѣ, всѣ разрѣшилось довольно благополучно и потому формированіе шло успѣшно. По дѣламъ формированія мнѣ снова пришлось поѣхать въ ставку, гдѣ оказалось, что и второго мавра, Брусилова, сдѣлавшаго свое предательское дѣло, также убрали, а вмѣсто него верховнымъ главнокомандующимъ всѣхъ вооруженныхъ силъ государства россійскаго былъ назначенъ, очень мало кому извѣстный генералъ Корниловъ, ничѣмъ себя не выдвинувшій въ военномъ смыслѣ. Единственное, что знали о немъ въ Петроградѣ, это награжденіе имъ ун. оф. Кирпичникова георгіевскимъ крестомъ за убійство своего командира, о чемъ было напечатано въ газетахъ, въ томъ числѣ и въ суворинскомъ «Новомъ времени», при чемъ слово убійство было замѣнено словами «за гражданскій подвигъ», — и знали еще ползущіе неопредѣленные, непонятные и смутные слухи о его плѣненіи и о какихъ то двухъ фантастическихъ побѣгахъ генерала Корнилова изъ плѣна. Объ этомъ въ эмиграціи мнѣ разсказывалъ одинъ офицеръ, бывшій тогда въ Петроградѣ. Мы же ничего тогда не знали и продолжали вѣрить и безоговорочно подчинялись начальству. Выше пишу мало кому извѣстный потому, что въ дѣйствующей арміи пѣхотныхъ дивизій было много, а о громкихъ, особенныхъ подвигахъ, во время командованія генерала Корнилова одной изъ нихъ, мнѣ, прошедшему съ начала войны по всему западному фронту отъ Львовскаго направленія, Карпатъ и вплоть до Двинска, Пернова, а затѣмъ обратно до румынскаго фронта, никогда не приходилось слышать, также и съ нимъ встрѣчаться.

Въ послѣдующемъ мнѣ придется болѣе подробно остановиться на личности генерала Корнилова, какъ главнокомандующаго Добровольческой арміей, а пока вернусь къ формированію полка. Генералъ Корниловъ, выслушавъ меня, отнесся болѣе сочувственно къ моему дѣлу и не только подтвердилъ приказъ, полученный мною отъ его предшественника генерала Брусилова, но просилъ спѣшить съ формированіемъ и добавилъ, что отдастъ приказъ о формированіи еще трехъ полковъ изъ георгіевскихъ кавалеровъ, чтобы поставить ихъ по одному за каждымъ изъ 4-хъ фронтовъ, какъ сдерживающее средство противъ развала арміи. Слова свои генералъ Корниловъ исполнилъ и въ скоромъ времени я узналъ о началѣ формированія 2-го георгіевскаго полка въ Одессѣ — третій и четвертый же полки не успѣли начать формированіе.

Мой 1-ый георгіевскій полкъ къ этому времени уже насчитывалъ болѣе тысячи человѣкъ при тридцати офицерахъ и уже несъ караульную службу въ Кіевѣ, такъ какъ стоявшія части въ Кіевѣ отъ несенія карауловъ отказались. Обстановка для формированія была очень сложной, такъ какъ въ это время въ Кіевѣ открылась центральная «украинская рада» и появился какой то «украинскій полкъ» въ опереточной формѣ, состоящій частью изъ галиційскихъ украинцевъ, а частью изъ нашихъ ошалѣвшихъ самостійниковъ. Украинская рада очень косо смотрѣла на мой полкъ, всѣми силами стараясь привлечь солдатъ, награжденныхъ Георгіемъ, въ свои украинскія организаціи и вела совмѣстно съ мѣстными большевиками усиленную пропаганду какъ среди солдатъ полка, такъ и въ запасныхъ баталіонахъ и маршевыхъ ротахъ противъ моего формированія. Бедламъ начался полный, но надо отдать справедливость — украинцы очень умѣло и энергично повели свою пропаганду.

Въ описываемое время генералъ Корниловъ поссорился съ Керенскимъ и издалъ свои возванія призывая всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи поддержать его противъ временнаго правительства для спасенія арміи и страны ведомой этимъ правительствомъ къ гибели. Громадное количество этого возванія привезъ и передалъ мнѣ секретно пріѣхавшій изъ ставки главнокомандующаго ген. шт. полковникъ. Во исполненіе переданной этимъ полковникомъ просьбы распространить это возваніе я совмѣстно съ двумя моими сослуживцами полковникомъ Л. Святополкъ-Мирскимъ и подполковникомъ В. приготовивъ банки съ клейстеромъ, скрываясь какъ тати, поздно ночью занялись расклейкой возваній генерала Корнилова по стѣнамъ домовъ и на всѣхъ углахъ и телеграфныхъ столбахъ. Кромѣ расклейки мы ихъ совали въ двери и магазины. Къ разсвѣту все закончили. Дѣло было не только трудное, но и очень опасное, такъ какъ приходилось распространять это возваніе рѣзко противорѣчившее интересамъ не только временнаго правительства, но и хозяйничавшихъ въ городѣ украинцевъ самостійниковъ, а также и большевикамъ. Итакъ, мы три русскихъ кадровыхъ штабъ-офицера, расклеивающіе это корниловское возваніе во всякомъ встрѣчномъ прохожемъ, не говоря уже о многочисленныхъ украинскихъ патруляхъ и стражникахъ городской охраны, безусловно встрѣтили бы врага не задумавшагося бы всадить намъ штыкъ или пулю въ спину. Къ разсвѣту до крайности утомленные, мы все же выполнили эту задачу и взошедшее солнце уже освѣтило толпы кіевлянъ читающихъ это возваніе.

Къ несчастью для арміи да и всей страны генералъ Корниловъ, сдѣлавъ первый вѣрный наполеоновскій шагъ, вдругъ почему то на немъ остановился, и ограничился полумѣрами, не возглавивъ лично посланные имъ части на Петроградъ. Онъ долженъ былъ самъ сѣсть на бѣлаго коня и повести лично войска на Петроградъ и выгнать Керенскаго, что было ему сдѣлать очень легко, но наполеоновскаго духа у него хватило лишь на одинъ шагъ. Какъ генералъ Алексѣевъ погубилъ уже выигранную войну Государемъ Императоромъ Николаемъ II, такъ и ген. Корниловъ погубилъ вѣрное дѣло, не доведя рѣшительныхъ дѣйствій до конца, а поручилъ это генералу Крымову, не заинтересованному въ этомъ лично. Ген. Крымовъ не рѣшился на немедленныя дѣйствія, а остановивъ передъ Петроградомъ войска, отправился самъ для переговоровъ съ Керенскимъ, въ кабинетѣ котораго или самъ застрѣлился или былъ кѣмъ то убитъ. Вообще, несмотря на личную храбрость, дѣйствія генерала Корнилова, какъ правило, оканчивались плачевно, тотъ же конецъ имѣло бы и бѣлое движеніе, если бы судьба не избавила Добровольческую Армію отъ этого незадачливаго полководца, пославъ ему смерть отъ случайной гранаты.

X.

24/10-1917 г. взбунтовались и мои ошалѣвшіе, родные «хохлы» и объявили себя «украинцами». Я съ большей частью офицеровъ и малой частью солдатъ, не пожелавшихъ украинизироваться, перешелъ въ другое помѣщеніе.

Положеніе наше было, конечно, очень тяжелое, но изъ каждаго положенія, какъ бы оно тяжело не было, можно найти выходъ если не потерять духа — и я рѣшилъ начать опять формированіе вѣрной части уже на другихъ основаніяхъ: — через газету «Кіевлянинъ», редакторомъ которой былъ В. В. Шульгинъ я выпустилъ возваніе къ буквально наполнявшимъ тогда городъ Кіевъ г.г. офицерамъ, оставшимся благодаря развалу фронта безъ дѣла. Горько сознаться, что изъ десятка тысячъ офицеровъ числившихся на учетѣ у воинскаго начальника на мой горячій призывъ откликнулось не болѣе 300 человѣкъ, были и отставные генералы. Всѣ взяли винтовки. Съ этой небольшой воинской частью я явился къ начальнику округа генералъ-лейтенанту

Квицинскому, у котораго былъ начальникомъ штаба полк Трухачевъ, и предложилъ свою часть въ его распоряжені. Это оказалась единственная сила въ рукахъ начальника кі евскаго военнаго округа для поддержки порядка и борьбы съ большевиками, уже безчинствовавшими на окраинах города и товарной станціи Кіевъ II-ой. Мы начали драться съ большевиками.

Командующій кіевскимъ военнымъ округомъ генералъ лейтенантъ Квицинскій, человѣкъ нерѣшительный и слишкомъ мягкій, не имѣвшій никакихъ вѣрныхъ частей для того чтобы справиться съ той неразберихой разныхъ властей и хаосомъ царившихъ въ городѣ, очень обрадовался моему предложенію и приказалъ немедленно же сосредоточить отрядъ въ штабѣ округа. Къ вечеру этого же дня я занялъ своимъ отрядомъ зданіе штаба-округа (и о чудо: писари стали очень услужливыми), расположенный напротивъ штаба домъ инженера Городецкаго, а въ сторонѣ Печерска уже занятаго бандами большевиковъ выставилъ сторожевое охраненіе съ главной заставой во дворцѣ командующаго войсками, расположенной въ концѣ Александровской улицы какъ разъ передъ крѣпостными воротами и дамбой, соединяющей Липки съ Печерскомъ. Мѣры эти были необходимы какъ для охраны штаба округа и также онѣ перерѣзывали главный путь въ городъ со стороны Печерска, гдѣ находились арсеналъ и большія мастерскія, занятыя бандами большевиковъ. Около 11 часовъ вечера изъ сторожевой заставы, находившейся въ Царскомъ саду, мнѣ донесли, что изъ оконъ дворца, занятаго окружнымъ солдатскимъ комитетомъ, было произведено нѣсколько выстрѣловъ по офицерамъ патрулировавшимъ садъ. Я приказалъ немедленно же очистить зданіе дворца, а всѣхъ кто откажется оставить дворецъ арестовать и доставить ко мнѣ. Уже черезъ часъ, подъ конвоемъ двухъ офицеровъ, мнѣ былъ доставленъ небольшого роста и неряшливо одѣтый человѣкъ, съ большой нечесаной шевелюрой и такой же бородкой. На мой вопросъ кто онъ и почему оказался во дворцѣ этотъ мозглякъ гордо отвѣтилъ, что фамилія его Пятаковъ (потомъ былъ министромъ финансовъ при Ленинѣ), что онъ лидеръ большевицкой фракціи солдатско-рабочаго комитета и что онъ никакого другого начальства, кромѣ этого комитета не признаетъ. Я приказалъ запереть Пятакова въ одну изъ кладовокъ штаба, рѣшивъ доложить объ этой пойманной птицѣ генералу Квицинскому лишь утромъ, но уже черезъ часъ, самъ былъ позванъ генераломъ, у котораго въ кабинетѣ сидѣлъ, развалившись въ креслѣ, какой то писарь. Генералъ, нѣсколько сконфуженнымъ голосомъ, спросилъ меня на какомъ осно

ваніи мои офицеры разогнали засѣданіе солдатско-рабочаго комитета и почему арестовали члена этого комитета товарища Пятакова. Я объяснилъ генералу, что это сдѣлано по моему распоряженію, вызванному стрѣльбой изъ зданія дворца и что арестованный Пятаковъ не желалъ оставить помѣщеніе дворца и пытался оказать сопротивленіе. «А вотъ, сидящій здѣсь предсѣдатель этого комитета жалуется мнѣ на вашихъ офицеровъ, говоритъ, что никакихъ выстрѣловъ изъ дворца не было и требуетъ освобожденія арестованнаго. Такъ чтобы не вызывать обостреній, коихъ я не хочу, я приказываю тотчасъ же арестованнаго Пятакова освободить, такъ какъ только на этомъ основаніи онъ обѣщаетъ удержать своихъ товарищей отъ какихъ либо нарушеній порядка». Мнѣ возражать категорическому приказанію не приходилось и Пятаковъ былъ отпущенъ. Слѣдующій день прошелъ довольно спокойно, не считая рѣдкихъ снарядовъ трехъ-дюймовыхъ орудій, падавшихъ откуда то изъ за зданій крѣпости въ районъ занятый моимъ отрядомъ и попадавшихъ иногда въ стѣны дворца командующаго войсками занятаго одной изъ моихъ заставъ, при этомъ, случайно попавшимъ на крышу снарядомъ, убитъ былъ юнкеръ Константиновскаго пѣхотнаго училища, поставленный на чердакъ для наблюденія за выходомъ изъ Печерской крѣпости на дамбу черезъ крѣпостной ровъ.

Въ этотъ день генералъ Квицинскій приказалъ мнѣ непремѣнно присутствовать на вечернемъ засѣданіи, которое онъ собираетъ и постараться помочь ему это собраніе какъ возможно дольше затянуть — «мнѣ это нужно, сказалъ генералъ, они будутъ говорить — говорите тоже и вы, говорите чаще и дольше».

Когда я вошелъ въ большую залу, гдѣ происходило совѣщаніе, я засталъ ее уже полной самой разнообразной рванью: тутъ были и какіе то подозрительные типы, вѣроятно отъ большевиковъ, были солдаты-дезертиры разнузданнаго вида, были нѣсколько писарей и офицеровъ, повидимому, изъ штабныхъ и нѣсколько странныхъ субъектовъ съ бритыми на чисто головами и пучкомъ еще не отросшихъ до нужной величины волосъ на самой макушкѣ — вѣроятно представители центральной украинской рады. Рядомъ съ командующимъ округомъ сидѣлъ какой то довольно прилично одѣтый господинъ, съ которымъ генералъ все время шушукался, а когда говорилъ что нибудь, то именно къ нему и обращался. Какъ потомъ узналъ, это былъ представитель (комиссаръ) временнаго правительства при кіевскомъ округѣ и по ироніи судьбы мой однофамилецъ. Все это сборище спорило, кричало, вскакивало съ мѣстъ и немило-

сердно дымило папиросами и люльками. Предсѣдатель со: датскаго комитета требовалъ передачи комитету всей власт: грозя въ противномъ случаѣ забастовкой трамваевъ, служ: щихъ телеграфа и телефона и освѣщенія. Генералъ и одинъ за другимъ говорили о безпорядкахъ на улицах· объ ужасномъ разнузданомъ видѣ солдатъ, о торговлѣ им на углахъ папиросами и т. д. Этой никчѣмной говорильн не было видно конца.

2 часа ночи. Рѣзкій стукъ. Входныя въ залъ двеј широко распахнулись и въ ихъ рамкѣ появился нѣкто, н не въ сѣромъ, а въ военномъ защитномъ френчѣ, при шаі кѣ и револьверѣ, безъ погонъ и, конечно, со шпорами обращаясь къ генералу онъ отчетливо и громогласно за: вилъ: «господинъ генералъ, я, комиссаръ Юго-Западна фронта, привелъ въ ваше распоряженіе самую лучшую твердую часть изъ войскъ фронта — чешскую бригаду». Ср зу же шумъ весь прекратился. — Картина: кислыя, испуга ныя физіономіи «великихъ демокрадовъ», неслышное п решептываніе и полная растерянность. Начальникъ окру сраженіе выигралъ. Всталъ и обратился къ сборищу со сл вами: «въ вашихъ совѣтахъ больше не нуждаюсь, но сов: тую оставаться спокойными. Собраніе закрываю». «Велик демократы» съ поджатыми хвостами, какъ побитыя соб ченки, тихо и быстро исчезли изъ зала. Теперь мнѣ толы стала понятна странная просьба генерала помочь ему зат: нуть собраніе. Сраженіе этого дня генералъ выигралъ. При бытіе твердой многочисленной и дисциплинированной част въ его распоряженіе, сразу же извѣстное всѣмъ лицамъ р: ководящимъ безпорядками въ гарнизонѣ и городѣ, дѣла безполезнымъ какіе либо споры о какихъ либо мѣрахъ уступкахъ, такъ какъ у генерала въ рукахъ оказалась сил могущая какой угодно безпорядокъ жестоко прекратит И тутъ у генерала Квицинскаго произошла роковая ошиб ка, подобная ошибкѣ генерала Корнилова. Генералъ Кв цинскій, вмѣсто того, чтобы немедленно ночью же двину бригаду и къ разсвѣту захватить опорный пунктъ больш виковъ — крѣпость и весь Печерскъ и этимъ покончить в Кіевѣ съ большевиками, украинской радой и прочимъ сбр домъ — назначилъ на утро смотръ чешской бригадѣ! Первы полкъ состоялъ изъ чеховъ, взятыхъ въ плѣнъ на австрій скомъ фронтѣ или перебѣжавшихъ къ намъ по собственно охотѣ, всѣ изъявившіе добровольно желаніе сражаться пр тивъ своихъ вѣковыхъ угнетателей нѣмцевъ. Командир полка и большинство офицеровъ были русскіе боевые оф церы. Въ общемъ полкъ представлялъ изъ себя доволы внушительную дисциплинированную и хорошо обученну

часть. Второй же полкъ оказался не чешскимъ, а корниловскимъ ударнымъ полкомъ. Состоялъ онъ изъ очень разнообразнаго элемента, плохо обученнаго, набраннаго изъ добровольцевъ, по приказу генерала Корнилова, призванныхъ служить примѣромъ для солдатъ — показать какъ надо умирать за свободу и защищать завоеваніе революціи. Этихъ добровольцевъ трудно было назвать солдатами, такъ какъ они добровольно явились съ одной опредѣленной цѣлью. Да и форма у нихъ была иная чѣмъ въ арміи, а именно черно-красный погонъ, а на лѣвомъ рукавѣ нашитъ большой бѣлый черепъ съ скрещенными костями подъ нимъ. Этимъ полкомъ командовалъ капитанъ Нѣженцевъ. Почему онъ сталъ чешскимъ полкомъ я не знаю.

Командующій войсками генералъ Квицинскій отдалъ приказъ на слѣдующій день и указалъ этой бригадѣ обойти крѣпость съ тыла и очистить Печерскъ (крѣпость) отъ засѣвшихъ тамъ большевиствующихъ саперныхъ запасныхъ частей и рабочихъ кіевскаго арсенала. Я остался охранять главные ворота, выходъ изъ крѣпости въ самый Кіевъ. Но, опять, по какому то злому року время было упущено, и прежде чѣмъ мы разошлись, чтобы принять соотвѣтствующее расположеніе, очень скоро генераломъ Квицинскимъ былъ отданъ приказъ, что боевое заданіе отмѣняется, такъ какъ уже получена была телеграмма отъ чешскаго президента Масарика: «чешской бригадѣ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Украины».

Наша же борьба съ большевиками въ Кіевѣ, благодаря вмѣшательству Масарика, была проиграна. Чешская бригада ушла съ ней же ушелъ и корниловскій полкъ. Корниловцы не остались и не послушались своего русскаго генерала, а послушались «благодарнаго» чешскаго президента Масарика и ушли.

«Культурный и благодарный» Россіи и Царю Масарикъ и его «культурный, самый твердый и вѣрный полкъ» бросили на гибель древній, славянскій Кіевъ, а впослѣдствіи, эти же «культурные чешскіе полки» выдали Колчака, ограбили всю Сибирь и бывшее при Колчакѣ русское золото, на которое, кажется, потомъ построили въ Прагѣ чешскій банкъ легіонеровъ, и, удирая изъ Россіи, загнали въ запасные тупики уходившіе поѣзда, гдѣ и заморозили на смерть спасавшихся русскихъ, своихъ братьевъ-славянъ, стариковъ, женщинъ и дѣтей. (См. ген. Сахаровъ «Бѣлая Сибирь»). Вотъ «высокая культура просвѣщеннаго запада»! А мы же дикіе, отсталые, некультурные русскіе за благоденствіе славянъ, за освобожденіе почти всѣхъ государствъ, своими трупами устилали всѣ земли къ намъ всегда враждебныя.

Думаю, что русскій народъ достаточно поумнѣлъ и впредь никого спасать не будетъ.

Въ ночь съ 29 на 30 октября мнѣ было приказано вый-ти изъ Кіева и расположиться въ рощѣ у кадетскаго кор-пуса. Центральная «украинская рада» взяла на себя полную отвѣтственность за порядокъ въ городѣ. Въ часъ ночи мы вышли. Начальникъ округа со штабомъ также выѣхалъ съ нами и расположился въ артиллерійскомъ военномъ учили-щѣ въ полутора верстахъ отъ кадетскаго корпуса.

Когда утромъ на слѣдующій день 31 октября я пошелъ къ начальнику округа за приказаніями, то ни его, ни нач. штаба полк. Трухачева, ни адъютанта въ артиллерійскомъ училищѣ не оказалось. Я выяснилъ, что глубокой ночью въ училище прибыли члены украинской центральной рады, аре-стовали начальника округа и его штабъ и увезли ихъ. Я остался одинъ со своимъ небольшимъ отрядомъ. Дальнѣй-шая судьба генерала мнѣ неизвѣстна.

Грустно было ходить по заламъ и коридорамъ кор-пуса, въ который маленькимъ 10-лѣтнимъ мальчикомъ я былъ приведенъ моимъ отцомъ, чтобы научиться не только наукамъ, но главное любить Государя и Родину и вѣрно служить имъ. Корпусъ доживалъ уже свои послѣдніе дни: кадетъ было мало, вѣроятно остались только тѣ воспитан-ники, которыхъ родители не успѣли забрать къ себѣ на свою отвѣтственность, да еще тѣ, которымъ благодаря «ве-ликой безкровной» некуда было уѣхать, такъ какъ они уже не имѣли ни родителей, ни дома, погибшихъ отъ объявлен-ныхъ государственной думой свободъ.

Итакъ, никакого начальства у меня не стало, приходи-лось самому что то предпринимать, такъ какъ и мнѣ, и бывшимъ со мной офицерамъ, оставаться въ Кіевѣ было безполезно и очень рисковано. У меня оставалось два вы-хода: ѣхать въ ставку къ генералу Духонину, или на Донъ къ генералу Каледину, гдѣ еще можно было надѣяться по-служить на спасеніе Отечества отъ охватившей его красной лихорадки. Я послалъ телеграмму въ ставку генералу Духо-нину, выразивъ свое намѣреніе выѣхать со своей ротой къ нему и просилъ указаній — отвѣта не получилъ. 2-го ноября 1917 г. хотѣлъ послать вторую телеграмму, но на телеграфѣ сказали, что всякая связь со ставкой прервана и поѣзда ту-да не ходятъ. Обдумавъ положеніе я рѣшилъ ѣхать на Донъ къ генералу Каледину, гдѣ, казалось мнѣ, все было спокой-но и твердо и откуда можно было попробовать продол-жать борьбу.

Я объявилъ объ этомъ своимъ офицерамъ и солдатамъ и предложилъ не желающимъ разойтись.

3-го ноября 1917 г. вечеромъ я, съ оставшимися моими Георгіевцами, въ количествѣ 16 офицеровъ и 10 солдатъ, въ казачьемъ вагонѣ, выѣхалъ на Донъ.

XI.

Если скованы угрозами и безсиліемъ тѣ, кто въ плѣну, тѣмъ паче передъ Богомъ и совѣстью обязаны дѣйствовать тѣ, кто на свободѣ.

Я, смиренный Антоній, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, старѣйшій изъ русскихъ архипастырей, находящихся волею Божіей на свободѣ отъ краснаго плѣна, возвышаю свой голосъ, дабы возвѣстить русскому народу:

Православные христіане! Вставайте всѣ противъ власти краснаго антихриста! Не слушайте ничьихъ призывовъ примириться съ нимъ, отъ кого бы сіи призывы не исходили! Нѣтъ мира между Христомъ и Сатаною. Властію, данной мнѣ отъ Бога, разрѣшаю и освобождаю всѣхъ вѣрующихъ отъ присяги, данной совѣтскому самозванному правительству, ибо христіане Сатанѣ не подданные. Властію, данной мнѣ отъ Бога, благословляю всякое оружіе, противъ красной сатанинской власти подымаемое, и отпускаю грѣхи всѣмъ, кто въ рядахъ повстанческихъ дружинъ или одинокимъ народнымъ мстителемъ сложитъ голову за русское и Христово дѣло.

1930 г. Митрополитъ Антоній.

«Государь въ родной средѣ» — Н. Тальбергъ приводитъ разсказъ А. Ф. Гирса слѣдующаго содержанія: «... затѣмъ онъ (академикъ С. Ф. Платоновъ) сталъ говорить объ основателѣ полка (Преображенскаго) царѣ Петрѣ, какъ величайшемъ преобразователѣ, не имѣвшемъ въ мірѣ себѣ равнаго. Наслѣдникъ (Николай Александровичъ — сынъ императора Александра III-го) замѣтилъ: «Царь Петръ, расчищая ниву русской жизни и уничтожая плевелы, не пощадилъ и здоровые ростки, ук-

рѣплявшіе народное самосознаніе. Не все въ до-Петровской Руси было плохо, не все на западѣ достойно подражанія».

6-го ноября 1917 года на разсвѣтѣ мы благополучно пріѣхали въ Новочеркасскъ. У меня уже созрѣлъ планъ начала формированія добровольческаго отряда или, какъ я назвалъ, І-го Георгіевскаго полка, печать котораго я взялъ съ собой, для начала планомѣрной борьбы съ охватившей страну анархіей.

Выйдя изъ вагона мы пошли въ городъ. Начинало свѣтать, утро обѣщало быть хмурымъ и сырымъ, на улицахъ еще не было движенія, лишь лаяли гдѣ то собаки, да изрѣдка въ разныхъ концахъ города слышались ружейные выстрѣлы. Обойдя и осмотрѣвъ городъ, мы отправились къ коменданту, гдѣ симпатичный казачій полковникъ любезно насъ принялъ и узнавъ о моихъ намѣреніяхъ, пообѣщалъ намъ полную помощь и сказалъ, что будетъ намъ выплачивать и причитающееся жалованіе, что и выполнилъ, и тутъ же намъ указалъ помѣщеніе: большой, двухэтажный пустующій лазаретъ на Барочной улицѣ № 4. Окрыленные такимъ быстрымъ и легкимъ успѣхомъ, мы, въ радостномъ настроеніи, отправились искать Барочную улицу. По дорогѣ я зашелъ въ магазинъ и купилъ плотной оберточной бумаги на которой, придя въ лазаретъ, гдѣ насъ очень любезно приняли сестры, первымъ дѣломъ мы написали возваніе съ призывомъ въ ряды добровольческаго отряда. Написавъ возванія, я далъ всѣмъ моимъ георгіевцамъ направленія и приказалъ въ разныхъ городахъ развѣсить объявленія на вокзалахъ и площадяхъ. По дорогѣ къ вокзалу повелъ всѣхъ представить атаману генералу Каледину. Пріемъ, оказанный намъ комендантомъ и то, что мы увидѣли на улицахъ казачьей столицы, дали мнѣ надежду, что на этотъ разъ, мои старанія будутъ успѣшны. Но, какъ всегда, «судьба играетъ человѣкомъ» и впослѣдствіи, когда прибыли «вожди», измѣнившіе присягѣ, долгу, совѣсти и чести, то они, вторично обманувъ всѣхъ насъ, повели добровольцевъ по лѣвому февральскому пути.

У ГЕНЕРАЛА КАЛЕДИНА.

Былъ вѣренъ до смерти.

Прибывъ ко дворцу, у крыльца котораго прохаживался казакъ-часовой, войдя мы были встрѣчены молодымъ сотникомъ, адъютантомъ атамана, который сказалъ, что генералъ сейчасъ къ намъ выйдетъ. Едва успѣли мы выстроиться по

старшинству чиновъ, какъ открылась дверь и на порогѣ показался генералъ Калединъ. Я скомандовалъ — г-да офицеры, и подошелъ къ генералу съ полагающимся въ такихъ случаяхъ рапортомъ. Генералъ поздоровался сначала со мной, а потомъ и со всѣми стоящими строемъ офицерами и солдатами. Я доложилъ вкратцѣ происшествія въ Кіевѣ и причину вынудившую насъ пріѣхать на Донъ и добавилъ, что если генералъ не имѣетъ ничего противъ, то хотѣлось бы попытаться создать здѣсь на Дону добровольческій отрядъ, пользуясь для этого не казачьими силами. Генералъ Калединъ, со вниманіемъ выслушавъ мой докладъ, началъ задавать мнѣ разные вопросы и спросилъ, что я думаю дѣлать и не хотимъ ли мы быть зачисленными въ Донскую армію. Я отвѣтилъ, что мы уже заготовили воззванія о формированіи и сейчасъ, если ваше высокопревосходительство разрѣшите, я отправлю офицеровъ въ разныхъ направленіяхъ. На это генералъ Калединъ сказалъ: «ну, что жъ, дѣло хорошее, начинайте и помоги вамъ Богъ».

Итакъ, 6-ое ноября 1917 года фактически является и должно считаться началомъ Добровольческой Арміи на Дону, а не 17-ое, выдуманное несвѣдущими и не бывшими въ самомъ началѣ въ Новочеркасскѣ лицами. Въ этотъ день 6-го ноября 1917 года, я получилъ разрѣшеніе отъ хозяина войска Донского, его перваго выборнаго атамана, на формированіе отряда изъ добровольцевъ. Прощаясь съ нами генералъ Калединъ сказалъ: «будьте увѣрены, что съ Дона выдачи нѣтъ», и еще добавилъ, что 2-го ноября въ Новочеркасскъ, въ штатскомъ, пріѣхалъ и генералъ Алексѣевъ. У меня захватило духъ: генералъ Алексѣевъ, генералъ-адъютантъ, начальникъ штаба Государя, ближайшее, самое Государю преданное лицо! Чего же желать лучшаго! Вотъ вождь, который укажетъ и направитъ — скорее къ нему. Радостный, я спросилъ у генерала Каледина, гдѣ могу найти генерала Алексѣева? Генералъ Калединъ отвѣтилъ: сейчасъ онъ на вокзалѣ, на самомъ дальнемъ запасномъ пути въ тупикѣ, въ вагонѣ 1-го класса и распрощался съ нами. Выйдя отъ генерала Каледина я приказалъ вывѣсить на площади воззваніе съ призывомъ къ г.г. офицерамъ и добровольцамъ. Радостные, мы быстро направились къ вокзалу, гдѣ также вывѣсили воззваніе. Оставивъ свою команду на вокзалѣ ожидать свои поѣзда для развозки воззваній, я съ подполковникомъ Святополкъ-Мирскимъ пошли разыскивать генерала Алексѣева.

Сердечный пріемъ оказанный намъ генераломъ Калединымъ и его одобреніе нашихъ начинаній не оставляли

сомнѣній, что и генералъ Алексѣевъ, бывшій начальникъ штаба Государя Императора и Его генералъ-адъютантъ, отнесется къ нашимъ начинаніямъ также вполнѣ одобрительно и поможетъ нашему дѣлу и своимъ опытомъ и авторитетомъ.

О, если бы я тогда зналъ преступную роль генералъ-адъютанта Алексѣева, то уже, конечно, я не пошелъ бы искать его, пріѣхавшаго на Донъ лишь для спасенія своей жизни и ожидавшаго пріѣзда семьи думаю, чтобы выѣхать за границу.

А вотъ и вагонъ 1-го класса.

У ГЕНЕРАЛА АЛЕКСѢЕВА.

ГЛАВА 27-ая.
Евангеліе отъ Матѳея.

«3. Тогда Іуда, предавшій Его, увидѣвъ, что Онъ осужденъ, и раскаявшись, возвратилъ тридцать сребренниковъ первосвященникамъ и старѣйшинамъ,

4. говоря: согрѣшилъ я, предавъ кровь невинную. Они же сказали ему: что намъ до того? Смотри самъ.

5. И, бросивъ сребренники въ храмѣ, онъ вышелъ, пошелъ и удавился».

Поднявшись на площадку вагона и, постучавъ въ купэ, мы вошли. Въ купэ сидѣлъ худой, маленькій старичекъ въ сѣренькомъ плохенькомъ костюмчикѣ, въ которомъ я съ трудомъ узналъ генерала Алексѣева. Я подошелъ къ нему съ рапортомъ и доложилъ ему кіевскую обстановку и причину, заставившую меня выѣхать на Донъ. Выслушавъ меня, генералъ Алексѣевъ спросилъ, что же вы тутъ думаете дѣлать? Я доложилъ, что хочу формировать добровольческій отрядъ и уже разослалъ вербовщиковъ по всѣмъ направленіямъ и какъ доброжелательно отнесся къ этой идеѣ генералъ Калединъ. Генералъ Алексѣевъ иронически улыбнулся и, отвернувъ голову къ окну, какъ бы нехотя сказалъ: «ну что жъ, попробуйте». Это меня немного смутило и мелькнула мысль, что онъ пріѣхалъ какъ частное лицо только спасаться и боится, что наше присутствіе здѣсь его выдастъ. Но я тотчасъ же отогналъ эту мысль. На этомъ и конч

лись наши разговоры. Попрощавшись, мы повернулись уходить, но генералъ Алексѣевъ еще добавилъ: «зайдите ко мнѣ, если можете, завтра послѣ обѣда». — Слушаюсь. — Мы вышли изъ вагона, посмотрѣли другъ на друга и подполковникъ Святополкъ-Мирскій удивленно воскликнулъ: «ну и вождь», и все таки еще вѣра въ генерала Алексѣева не умерла.

На другой день, въ указанное время, я и подполковникъ Святополкъ-Мирскій пришли къ генералу Алексѣеву и онъ сразу сообщилъ: «я говорилъ съ атаманомъ по поводу формированія отряда изъ добровольцевъ въ Новочеркасскѣ и атаманъ боится, какъ бы формированіе не вызвало неудовольствія въ войсковомъ кругѣ, а потому лучше поѣзжайте въ Ставрополь и тамъ начните ваше формированіе.(?) Ставрополь не казачій городъ и тамъ вы будете вполнѣ независимы. Вотъ вамъ письмо объ этомъ къ комиссару(?) города и поѣзжайте немедленно». Тутъ меня охватила тревога — не хочетъ ли генералъ Алексѣевъ просто избавиться отъ насъ посылая къ комиссару Керенскаго. Я рѣшилъ выяснить это у генерала Каледина и отвѣтилъ, что съ первымъ же поѣздомъ выѣду, но такъ какъ могутъ начать прибывать добровольцы, то я вернусь и попробую еще обратиться къ генералу Каледину. Мой отвѣтъ, внушенный мнѣ Богомъ, и могущій выяснить роль генерала Алексѣева очевидно ему не понравился. Въ глубинѣ моей души я началъ подозрѣвать, что разговоръ съ атаманомъ генералъ Алексѣевъ передалъ мнѣ не точно и что генералу Алексѣеву не улыбается оставаться на Дону и начинать здѣсь формированіе, и зависѣть отъ донского атамана.

Я и подполковникъ Святополкъ-Мирскій къ вечеру пріѣхали въ Ставрополь. Все шло удачно. Воинскій начальникъ оказалъ намъ полную поддержку, сказалъ, что имѣетъ винтовокъ на цѣлый полкъ, городъ предоставлялъ для казармъ большое зданіе гимназіи и обѣщалъ отпустить сто тысячъ рублей на начало формированія. Тамошнему начальству уже достаточно успѣли надоѣсть безчинствовавшіе въ городѣ запасные солдаты и дезертиры съ Кавказскаго фронта, а наше формированіе обѣщало внести въ жизнь города и безопасность для жителей, и порядокъ.

Я былъ опять радъ и продолжалъ вѣрить въ генерала Алексѣева, но гдѣ то уже началъ копошиться червь сомнѣнія, что генералу Алексѣеву непріятно наше прибываніе въ Новочеркасскѣ.

Вернувшись на слѣдующій день въ Новочеркасскъ, я хотѣлъ идти прямо къ генералу Каледину, но дисциплина

взяла верхъ, да и генералъ Алексѣвъ былъ тутъ же въ вагонѣ. А жаль, если бы я пошелъ раньше къ генералу Каледину, то можетъ быть у меня бы открылись глаза на предательскую роль генерала Алексѣева и въ ставкѣ противъ Императора, и теперь, и дѣло пошло бы совсѣмъ иначе.

Придя къ генералу Алексѣеву я ему доложилъ о полномъ успѣхѣ въ Ставрополѣ, но неожиданно мой докладъ встрѣченъ былъ довольно сухо. Генералъ Алексѣевъ не дослушавъ до конца сказалъ: «обстоятельства за это время измѣнились, сегодня я былъ у генерала Каледина, который все выяснилъ и онъ разрѣшаетъ вамъ оставаться въ Новочеркасскѣ и здѣсь продолжать ваше дѣло(?) и вамъ не нужно идти къ атаману, занятому большой работой».(?) Меня и подполковника Святополка-Мирскаго поразилъ сухой пріемъ и почему генералъ Алексѣевъ говоритъ все такъ отвлеченно и подчеркиваетъ «ваше дѣло, ваше формированіе», какъ будто это дѣло не его и не каждаго русскаго? Теперь я понимаю, что главная причина такого отношенія была та, что при первомъ посѣщеніи, говоря о борьбѣ съ большевиками, а потомъ и съ нѣмцами я упомянулъ и о возвращеніи на престолъ Императора Николая II-го, но тогда я еще былъ слѣпъ. Подобное отношеніе генерала Алексѣева къ намъ охладило нашъ пылъ и тутъ въ первый разъ пожалѣли, что дисциплина заставила насъ обратиться къ присутствующему старшему военному начальнику, то есть къ генералу Алексѣеву, а не использовать его инкогнито въ Новочеркасскѣ и остаться въ распоряженіи только донского атамана генерала Каледина.

Не знаю причинъ и обстоятельствъ, заставившихъ генерала Алексѣева не воспользоваться выгодной обстановкой для формированія добровольческой арміи въ Ставрополѣ, т. к. тамъ онъ являлся полнымъ хозяиномъ, тогда какъ на Дону былъ только гостемъ, только терпимъ. Ставропольская губернія одна изъ самыхъ богатыхъ хлѣбомъ губерній въ Россіи. Городъ Ставрополь лежитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ главной артеріи, связывающей Кавказъ съ центральной частью страны и потому волна «товарищей», двигавшихся съ Кавказскаго фронта, главной своей массой протекала бы мимо на Батайскъ — Ростовъ — Новочеркасскъ. Но такъ или иначе полученному распоряженію надо было подчиниться и оставаться въ Новочеркасскѣ.

XII.

Придя на Барочную въ лазаретъ я былъ пріятно удивленъ: тамъ уже набралось 60 добровольцевъ и 4 молоденькія барышни въ военной формѣ съ золотыми погонами прапорщика, изъ женскаго баталіона Бочкаревой. Впослѣдствіи: княжна Черкасская была убита подъ ст. Морская, баронесса де Боде погибла во время 1-го Кубанскаго похода въ конной атакѣ Буденнаго и изъ двухъ сестеръ XX одна была убита также въ 1-омъ походѣ, а вторая тяжело ранена. Всѣ мои 15 офицеровъ вернулись съ винтовками, а одинъ съ пулеметомъ. Тогда вооружаться было легко — продажная цѣна у солдатъ (товарищей) была — винтовка 3 рубля, пулеметъ 5 рублей, орудіе безъ лошадей 10 рублей съ лошадьми по торгу.

Прошло еще 2 дня и насъ уже набралось 120 человѣкъ. Это была сила равная по тогдашнему времени 2 полкамъ (товарищей). Это я хорошо зналъ и рѣшилъ дѣйствовать.

Въ предмѣстіи Новочеркасска на Хотункѣ, въ казармѣ были расположены два запасныхъ пѣхотныхъ полка небольшого состава, которые буйствовали и безчинствовали въ городѣ, устраивали митинги, на которыхъ произносились угрозы перерѣзать наѣхавшую въ Новочеркасскъ золотопогонную сволочь, т. е. офицеровъ, грабили по ночамъ и довольно таки надоѣли не только мнѣ, но и донскому атаману, который не зналъ какъ отъ нихъ избавиться. Это меня безпокоило и я рѣшилъ ихъ разогнать. Никому ничего не сказавъ, около часа ночи я поднялъ свою роту, растолковалъ людямъ задачу, приказалъ взять карандаши и бумагу и двинулъ свое войско въ походъ на казарму запасныхъ (товарищей). Въ казармѣ всѣ поголовно спали. Никакихъ дневальныхъ, конечно, не было. Къ пирамидамъ съ винтовками стали наши часовые и послѣ этого стали будить запасныхъ. Мои офицеры начали писать отпускные билеты, прикладывая къ нимъ печать 1-го Георгіевскаго полка, которую я захватилъ съ собой изъ Кіева и раздавать билеты запаснымъ и объявили имъ, чтобы немедленно всѣ убирались изъ города и ѣхали по своимъ домамъ, а если кто не уѣдетъ изъ города и будетъ захваченъ патрулями, то будетъ патрулемъ тутъ же на мѣстѣ разстрѣлянъ. Къ разсвѣту все было кончено. Запасные забравъ свои вещи оставили казармы и разъѣхались. Въ Новочеркасскѣ стало тихо. Въ награду намъ осталось кромѣ такъ необходимыхъ винтовокъ еще довольно большіе запасы сахара и другого добра, найденные нами въ одномъ изъ цейхгаузовъ.

Къ полудню я и Святополкъ-Мирскій явились къ генералу Алексѣеву и преподнесли ему мѣшочекъ сахару, котораго уже въ городѣ не имѣлось и генералъ пилъ чай съ леденцами, что мы видѣли вернувшись изъ Ставрополя. Я доложилъ генералу Алексѣеву о разгонѣ запасныхъ и видно было, что проявленной нами иниціативой онъ доволенъ и, даже похвалилъ насъ, сказавъ: «это вы хорошо сдѣлали».

Черезъ 2—3 дня отъ юнкеровъ казачьяго кавалерійскаго училища я узналъ, что въ с. Лежанка Ставропольской губерніи стоитъ батарея 39-ой Артиллерійской бригады, бросившая Кавказскій фронтъ, солдаты которой безчинствуютъ и пьянствуютъ въ селеніи, а орудія ими очень плохо, вѣрнѣе, совсѣмъ не охраняются.

Не теряя времени и договорившись о перевозочныхъ средствахъ съ казачьими юнкерами, вызвавшимися быть проводниками и отлично знающихъ эту мѣстность, я назначилъ 15 моихъ офицеровъ-георгіевцевъ подъ командой поручика Тимофеева захватить, если окажется возможнымъ, одно или два орудія этой батареи. Конный отрядъ выступилъ ночью, чтобы никто не могъ знать не только данной ему задачи, но и направленія по которому онъ двинулся. Молодецъ поручикъ Тимофеевъ отлично справился съ этимъ труднымъ дѣломъ и вернувшись черезъ сутки доставилъ 2 трехдюймовыхъ орудія съ полной упряжкой и снарядами, да въ придачу денежный ящикъ этой батареи и великолѣпную коляску съ парой лошадей. У насъ появилась первая артиллерія Добровольческой арміи. Денежный ящикъ нераскрытый, какъ находившійся на казачьей землѣ, былъ сданъ мною генералу Каледину, а коляску, какъ трофей, оставилъ для полка. Впослѣдствіи, выступивъ въ 1-ый кубанскій походъ, я отдалъ коляску генералу Алексѣеву, шедшему пѣшкомъ, и онъ ѣхалъ въ ней въ походѣ.

Жизнь въ Новочеркасскѣ была очень тревожная: приходили казачьи части съ фронта и отъ нихъ распространялись по городу слухи о намѣреніи новой большевицкой власти двинуть свои банды на Донъ, чтобы вырѣзать всѣхъ собравшихся тамъ со всѣхъ сторонъ буржуевъ, а ихъ т. е. «интеллигенціи» дѣйствительно набралось уже черезъ чуръ много. Поддерживая и углубляя революцію эти «господа» сами попали подъ ножъ разгулявшейся черни и спасаясь отъ него стекались въ Новочеркасскъ и Ростовъ, но не для борьбы съ большевиками, а чтобы спрятаться за спины тѣхъ самыхъ черносотенцевъ, офицеровъ и казаковъ, противъ которыхъ они такъ яро недавно возставали и подстрекали. Казачьи полки придя на Донъ были регулярно распускаемы по своимъ станицамъ и хуторамъ, для заслуженнаго ими

отдыха и такимъ образомъ у генерала Каледина не было въ рукахъ, кромѣ моего полка, готовыхъ къ отпору большевиковъ, достаточныхъ силъ. Только въ концѣ декабря 1917 г. есаулъ Чернецовъ устроилъ въ помѣщенiи войскового круга собранiе и выступилъ съ призывомъ спасать Донъ и онъ закончилъ свою рѣчь приблизительно такими словами: «и только сейчасъ же, прямо отсюда, идемъ со мной въ казарму, возьмемъ винтовки и не задерживаясь двинемся къ границѣ». Послѣ этихъ словъ одинъ за другимъ люди исчезали; остались только донскiе кадеты и гимназисты, которые и выступили съ есауломъ Чернецовымъ къ ст. Звѣрево. Образовался еще конный небольшой отрядъ полковника Семилѣтова, сформированный изъ донскихъ семинаристовъ. Оба отряда успѣшно отбивали попытки мѣстныхъ большевицкихъ бандъ продвинуться къ столицѣ. Но всѣмъ было ясно, что этимъ героямъ долго не выдержать, такъ какъ потери убитыми и ранеными превышали пополненiе добровольцами, которымъ съ каждымъ днемъ все труднѣе и труднѣе становилось обманывать всюду поставленныя большевицкiя заставы и пробираться на Донъ.

Продовольственный вопросъ тоже становился очень острымъ благодаря переполненiю городовъ всемъ этимъ, спасающимся за нашими спинами, ртами и уменьшенiю подвоза изъ окружныхъ станицъ, частью занятыхъ большевиками. Да и зачѣмъ было везти? Какiя деньги горожане могли платить? Не керенками ли уже со дня своего выхода почти не имѣвшихъ цѣны?

21-го ноября въ Нахичеванѣ (пригородъ Ростова) вспыхнуло возстанiе мѣстныхъ большевиковъ. Доложивъ объ этомъ находящемуся въ вагонѣ генералу Алексѣеву и получивъ его одобренiе, двинулся и я со своей ротой въ Нахичевань на помощь мѣстнымъ казакамъ. Возстанiе было немедленно же прикончено, т. к. большевицкая гордая коммунистическая демократiя, не принявъ боя, сразу же разбѣжалась. Я пригрозилъ при повторенiи сжечь районъ Нахичевани, населенный рабочими и вернулся въ Новочеркасскъ 23 ноября, гдѣ былъ очень обрадованъ прибывшими ко мнѣ изъ средней Россiи добровольцами и группой въ 40 человѣкъ кадетъ, 5, 6 и 7 классовъ, во главѣ со своимъ воспитателемъ. Наши объявленiя съ призывомъ сдѣлали свое дѣло, а стоустая молва разнесла по Россiи вѣсть, что на Дону въ Новочеркасскѣ формируется добровольческiй отрядъ. Несмотря на всѣ старанiя большевицкихъ заставъ помѣшать, все же смѣлые и рѣшительные люди, тянувшiеся къ этой точкѣ опоры, большею частью къ намъ добирались. Прибывшiе мнѣ сообщили, что проѣхать на Донъ очень трудно,

всюду смотры и контроль, но все таки уже хлынули въ Ростовъ массы испуганной и ошалѣвшей «интеллигенціи». Всѣ создатели «великаго февраля» стремились къ морю и заграницу, по примѣру Керенскаго, а спасать Россію приходили одиночками старые офицеры, молодежь, да женщины. Прибылъ генералъ Марковъ и генералъ отъ кавалеріи Эрдели. генералъ Марковъ въ костюмѣ босяка пришелъ ко мнѣ съ визитомъ; мы побесѣдовали и онъ ушелъ.

Все это время я не видѣлъ генерала Алексѣева, у меня почему то исчезло желаніе его посѣщать. Что онъ дѣлалъ, я не знаю, но, очевидно, рѣшилъ проявить свою власть и 28-го ноября прислалъ за мной. Со Святополкъ-Мирскимъ мы явились въ тотъ же вагонъ на запасномъ пути. Генералъ Алексѣевъ сообщилъ, что атаманъ Калединъ лично повелъ казачій отрядъ на Ростовъ, захваченный большевиками и хорошо бы было, чтобы я со своимъ полкомъ пошелъ ему въ помощь. Это было первое его распоряженіе, переданное мнѣ въ формѣ полуприказанія.

Съ первымъ же отходящимъ вечеромъ поѣздомъ я съ полкомъ 300 человѣкъ выѣхалъ. Прибывъ въ Кизетеринку, поступилъ въ распоряженіе генерала Каледина. Забылъ упомянуть, что генералъ Алексѣевъ, отправляя меня въ помощь генералу Каледину еще добавилъ: «необходимо, чтобы и наши части помогли казакамъ, гостепріимствомъ которыхъ мы пользуемся» .

Утромъ 30-го ноября 1917 года генералъ Калединъ изъ бывшей при немъ казачей батареи, открылъ огонь по окопамъ, вырытымъ большевиками за чертой города и отдалъ приказъ атаковать окопы. Немногочисленные казачьи сотни атаковали въ конномъ строю; я, развернувъ полкъ въ цѣпь и, развивъ возможно сильный ружейный огонь по окопамъ, началъ атаку. Передъ началомъ атаки у меня произошло столкновеніе съ кадетами, они желали идти въ атаку, а мнѣ жаль было ихъ пускать и я пошелъ на хитрость, сказавъ имъ, что т. к. нѣтъ полевыхъ телефоновъ, то атаманъ приказалъ кадетамъ стать цѣпочкой на 50 шаговъ дистанціи другъ отъ друга и перебѣгая передавать приказанія атамана и обратно донесенія наступающихъ. Съ кислыми лицами кадеты выполнили задачу и дѣйствительно немного бѣгать имъ пришлось. Когда атака стала приближаться къ окопамъ противника, то коммунистическая демо к р а д і я храбро разбѣжалась и мы вошли въ Ростовъ не встрѣтивъ тамъ никакого сопротивленія. Генералъ Калединъ, занявъ городъ, назначилъ тамъ своего коменданта. Генералъ Калединъ съ ка-

заками вернулся въ Новочеркасскъ. Я же, не получивъ ни отъ кого никакихъ приказаній, рѣшилъ остаться съ полкомъ въ Ростовѣ, дабы большевики опять его не заняли.

4 или 5 декабря ко мнѣ въ Ростовъ пріѣхалъ генералъ отъ кавалеріи Эрдели и передалъ устный приказъ генерала Алексѣева полку вернуться въ Новочеркасскъ. Я отвѣтилъ, что немедленно выѣзжаю и добавилъ, разъ генералъ Алексѣевъ, наконецъ, принимаетъ на себя высшее командованіе, чему я очень радъ, то прошу доложить, что до сихъ поръ полкъ жилъ и кормился на мои деньги и на милость лазаретныхъ сестеръ и я прошу въ этомъ отношеніи мнѣ помочь. Генералъ Эрдели молча вынулъ 5.000 рублей и передалъ мнѣ. Поясню какъ у меня получились мои деньги; кромѣ своихъ личныхъ денегъ, въ небольшомъ количествѣ, я въ самомъ началѣ, черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Новочеркасскъ, получилъ извѣщеніе изъ банка, что на мой счетъ получено 40.000 рублей и письмо отъ оставшагося въ Кіевѣ квартирмейстера моего развалившагося запаснаго Георгіевскаго полка, въ которомъ онъ сообщалъ, что полкъ весь разошелся. Въ Кіевѣ нѣтъ никакихъ военныхъ властей, и идетъ разгулъ и грабежи, массы населенія бѣгутъ изъ Кіева и онъ, узнавъ о моемъ призывѣ, посылаетъ мнѣ на мои формированія хранившіеся въ денежномъ ящикѣ сорокъ тысячъ рублей. Честный былъ русскій человѣкъ. И еще прибывшая изъ Москвы сестра милосердія Нестеровичъ-Берсъ вручила мнѣ 3.000 рублей на мои формированія.

5-го декабря я съ полкомъ вернулся въ Новочеркасскъ и опять расположились въ нашемъ лазаретѣ на Барочной улицѣ.

Генералъ Алексѣевъ уже переѣхалъ изъ вагона въ одинъ изъ домовъ города, имѣлъ уже около себя охрану и кое какой, немногочисленный правда, штабъ. По его распоряженію полковникъ Борисовъ началъ формировать баталіонъ юнкеровъ, а полковникъ X (фамилію забылъ) началъ формированіе кавалерійскаго полка, пока еще безлошаднаго, изъ прибывающихъ офицеровъ кавалеристовъ. Всѣ эти формированія, а также и допущеніе для формированія множества ячеекъ изъ трехъ человѣкъ одного полка, очень неторопившихся съ формированіемъ, разбивали силы по мелочамъ и очень мѣшали пополненію моего полка, представлявшаго единственную боевую силу. Этими распоряженіями и ограничилась пока вся дѣятельность генерала Алексѣева. А когда въ серединѣ января 1918 года пришлось по настоящему воевать съ наступавшимъ на Донъ корпусомъ Сиверса, то вся тяжесть борьбы пала на мой Георгіевскій полкъ, кото-

рому генералы Алексѣевъ и пріѣхавшій Деникинъ помѣшали достаточно пополниться.

5-го декабря 1917 года я былъ уже въ Новочеркасскѣ. При мнѣ стали съѣзжаться въ Новочеркасскъ высшіе генералы. Въ декабрѣ пріѣхалъ генералъ Деникинъ съ генераломъ Романовскимъ, Элснеръ и еще мнѣ неизвѣстные генералы. «Основателя, первосоздателя» добровольческой арміи генерала Корнилова еще не было. Сталъ открываться огромный штабъ съ массой адъютантовъ, ординарцевъ, комендантовъ и десятковъ разныхъ начальниковъ; какъ грибы росли всевозможныя учрежденія: медицинскія, инженерныя, казначейскія, снабженія, столовыя, гдѣ хорошо кормились, уже насчитывающіеся сотнями, разные ненужные штабные, а я продолжалъ кормить свой Георгіевскій полкъ на свои деньги и по милосердію сестеръ лазарета, а на мой докладъ черезъ генерала Эрдели генералу Алексѣеву о продовольствіи для моего полка отвѣта не послѣдовало. Съ завѣдующимъ лазарета я имѣлъ очень печальный разговоръ: онъ сообщилъ мнѣ, что и деньги и пищевые продукты, имѣвшіеся у него въ запасѣ приходятъ къ концу и что онъ уже не сможетъ въ ближайшемъ же времени помочь мнѣ кормить моихъ людей. Было надъ чѣмъ призадуматься. Меня начало охватывать безпокойство, что Георгіевскій полкъ до сихъ поръ не былъ причисленъ ни къ какому интенданству, ни къ отдѣлу снабженія.

Допустить, чтобы люди не получали продовольствія отъ полка, я никакъ не хотѣлъ, я боялся, что голодные люди перейдутъ въ концѣ концовъ на самоснабженіе, т. е. станутъ грабить населеніе, что впослѣдствіи широчайше развилъ «талантливый» генералъ Деникинъ, но, очевидно, эта простая истина не была извѣстна «основателямъ» Добровольческой арміи, во главѣ съ генераломъ Алексѣевымъ и они не находили необходимымъ, раньше чѣмъ формировать новыя воинскія части, позаботиться о ихъ снабженіи. Банкъ тоже меня не баловалъ и выдавалъ мнѣ деньги керенками и разными купонами, а эти деньги падали все ниже и ниже. 10 рублей царскихъ равнялись 100 рублямъ керенками, а въ банкѣ было много золота и царскихъ денегъ. Вотъ какъ «бѣлые вожди» заботились о насъ, уже начавшихъ боевыя дѣйствія.

Мы продолжали жить на Барочной въ лазаретѣ. Жизнь вели по всей строгости устава внутренней службы Россійской Императорской арміи, т. е. безъ разрѣшенія выходить нельзя, велись кое какія занятія съ неумѣвшими обращаться съ винтовками. Каждый вечеръ въ 9 часовъ пѣли общую молитву и сейчасъ же послѣ молитвы пѣли «Боже, царя

храни». Моя строгая дисциплина не отталкивала отъ меня людей прибывшихъ дѣйствительно для борьбы, а не для занятій тыловыхъ должностей, они полностью мнѣ довѣряли. Добровольцевъ прибывало немного, зато штабы росли какъ грибы, распухая отъ налетѣвшихъ фазановъ.

Нѣсколько приличныхъ чиновъ штаба меня предупредили, что ген. Алексѣевъ и его штабъ на установленный мною строгій режимъ и особенно пѣніе гимна смотрятъ косо, считая это, опять таки, несоотвѣтствующимъ духу времени (тѣ же слова, что и на фронтѣ, когда меня отчислили въ резервъ). Конечно, всѣмъ приложившимъ, такъ или иначе, руку къ разрушенію монархическаго строя, старый нашъ порядокъ и пѣніе гимна, могли быть для нихъ несоотвѣтствующими, но отъ офицеровъ и другихъ чиновъ, довѣрившихъ мнѣ свои молодыя жизни я никогда не слышалъ, да и не видѣлъ никакихъ признаковъ неудовольствія.

Формированіе полка шло слабо, т. к. то небольшое количество добровольцевъ, которымъ удавалось пробраться къ намъ въ Новочеркасскъ, было разбрасываемо по всѣмъ новымъ формированіямъ (многіе и до конца борьбы не закончили свои полковые формированія), разрѣшенныя генераломъ Алексѣевымъ, да еще по разнымъ штабамъ, контръразвѣдкамъ и учрежденіямъ, которыя росли и множились. Въ штабѣ я былъ только 2 раза и каждый разъ приходилось проходить цѣлую цѣпь адъютантовъ, докладчиковъ, секретаршъ, которымъ я отвѣчалъ коротко: «это васъ не касается». Все это вмѣстѣ взятое сильно мучило меня, такъ какъ внушало мнѣ опасеніе, что и на этотъ разъ дѣло начатое мною, умретъ не успѣвъ принести ожидаемые плоды.

На душѣ становилось все болѣе и болѣе смутно. Ни генералъ Алексѣевъ, ни генералъ Деникинъ, ни генералъ Романовскій, ни генералъ Корниловъ, пріѣхавшій въ разгаръ боевъ моего 1-го Георгіевскаго полка у Матвѣева Кургана, ни одинъ изъ называемыхъ «основоположниками Добровольческой арміи» не сочли своимъ долгомъ посѣтить маленькій, но уже съ начала ноября дравшійся мой 1-ый Георгіевскій полкъ и этимъ хоть выразить свое вниманіе и показать, что и они прибыли для борьбы — спасать Россію. Но имъ было не до насъ, уже имѣвшихъ убитыхъ и раненыхъ. Они прибѣжали на Донъ спасать свои жизни и присматривались пора ли имъ бѣжать къ морю и дальше или, можетъ быть, что либо выйдетъ изъ попытокъ моего 1-го Георгіевскаго полка.

Изъ остальныхъ прибывшихъ генераловъ тоже никто кромѣ генерала Маркова, не посѣтилъ мой полкъ, какъ будто мы дѣлали ненужное чужое дѣло.

А если бы не было моего полка и призыва добровольцевъ, то два запасныхъ полка на Хотункѣ, которыхъ мой полкъ разоружилъ и выгналъ изъ Новочеркасска, пополнившись дезертирами съ Кавказскаго фронта и мѣстными коммунистами, захватили бы Новочеркасскъ и, конечно, былъ бы грабежъ и рѣзня, и участь генерала Алексѣева была бы подобной генерала Рузскаго, изрубленнаго шашками и еще живымъ зарытаго въ землю (правда, Рузскій эту казнь вполнѣ заслужилъ). «Вождямъ» изъ Быховской тюрьмы, Корнилову, Деникину и другимъ некуда было бы бѣжать, развѣ что припасть къ стопамъ императора Вильгельма II, разъ они отреклись отъ своего Императора Николая II и предали Его, или по примѣру такого же предателя генерала Брусилова продолжать службу Ленину.

На мой призывъ пріѣзжали офицеры, юнкера, кадеты, добровольцы и женщины. Генералъ Алексѣевъ не выпустилъ ни своего приказа, ни своего призыва, а приказъ-призывъ начальника штаба Императора генералъ-адъютанта Алексѣева тогда еще имѣлъ бы колоссальное значеніе, и это указываетъ, что ген. Алексѣевъ пріѣхалъ на Донъ вовсе не для борьбы, а только спасаться и поджидалъ семью, чтобы уѣхать за границу.

Генералъ Деникинъ въ «Очеркахъ» пишетъ, что онъ настаивалъ передъ генераломъ Алексѣевымъ, чтобы онъ какъ верховный главнокомандующій, выпустилъ свой приказъ собираться на Донъ, но генералъ Алексѣевъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ это сдѣлать, такъ какъ не имѣетъ средствъ. Я тоже не имѣлъ средствъ, но распространилъ свой призывъ, распространившійся по всей Россіи и давшій притокъ добровольцевъ, и пока «основоположники Добровольческой арміи» не знали, что имъ дѣлать, мой полкъ уже давно дрался и не [безъ успѣха. Такъ кто же основоположникъ Добровольческой арміи? И почему всѣ непредрѣшенцы вопятъ, что «основоположниками и создателями» являются: генералъ Алексѣевъ, который отказался, генералъ Деникинъ, пріѣхавшій лишь въ декабрѣ и генералъ Корниловъ, который пріѣхалъ еще позже? И всѣ эти вопли являются лживыми, не честными и глупыми. Меня можно ненавидѣть за мои монархическія убѣжденія, но нельзя отнять, что я пишу правду.

Намъ было обидно и непонятно, ибо измѣнниковъ и подоплеки сатанинскаго бунта — революціи мы тогда еще не знали и не понимали.

Такъ почему же, непредрѣшенцы и общественное мнѣніе присвоило званіе «основоположниковъ» Добровольческой арміи тремъ «вождямъ», которые вначалѣ никого не вели и ничего не основывали? А о дѣйствительномъ основоположникѣ моемъ 1-омъ Георгіевскомъ полку, не только умалчиваютъ, но бѣснуясь съ пѣной у рта, кричатъ, что это клевета, а разсказать толкомъ о самомъ началѣ Добровольческой арміи никто ничего не можетъ, да и не знаетъ. Не смогъ это и генералъ Деникинъ, такъ какъ не зналъ и въ своихъ «Очеркахъ» начало основанія Добровольческой арміи онъ обошелъ.

А почти весь 1-ый Георгіевскій полкъ въ открытой борьбѣ «за Вѣру, Царя и Отечество» сошелъ въ могилу и никто не преклонилъ передъ нимъ голову и теперь не желаютъ признать за нимъ заслуженную имъ благодарность.

Нѣтъ! Ни генералъ Алексѣевъ, ни генералъ Деникинъ, ни тѣмъ болѣе генералъ Корниловъ не были основоположниками и создателями Добровольческой арміи. Этими основоположниками были мы георгіевцы и я ихъ командиръ.

И никакимъ непредрѣшенцамъ не удастся въ освобожденной, возстановленной тысячелѣтней царской самодержавной Россіи обманомъ прикрѣпить «героическій ореолъ» къ измѣнникамъ и предателямъ.

Божія правда восторжествуетъ!

Въ дальнѣйшемъ, не отдавая приказа о призывѣ, не принимая офиціально на себя командованіе «штабъ» генерала Алексѣева началъ перехватывать людей, прибывавшихъ ко мнѣ по моему призыву и вмѣсто того, чтобы всѣхъ направлять ко мнѣ для созданія сильнаго кулака, «умный штабъ» началъ формировать разныя ячейки: кавалерію безъ коней, артиллерію безъ пушекъ, саперныя, совершенно тогда не нужныя, офицерскія, юнкерскія и студенческія ячейки, и много другихъ, не говоря уже о хозяйственныхъ и медицинскихъ.

Штабы разбухали, ячейки множились, но воевать эти «герои» не желали и не пошли, а мой полкъ несъ потери убитыми и ранеными.

Такими мѣрами генералъ Алексѣевъ расчитывалъ выиграть добровольческую борьбу.

Наконецъ, 21 декабря 1917 года я получилъ «повелѣніе отъ верховнаго главнокомандующаго генерала Алексѣева» (хотя приказа о принятіи ген. Алексѣевымъ на себя командованія Добровольческой арміей объявлено не было, все дѣлалось какъ то шито-крыто), перейти въ Ростовъ. Въ тотъ же день я со своимъ Георгіевскимъ полкомъ выѣхалъ по назначенію.

XIII.

Въ Ростовѣ мы расположились въ лазаретномъ городкѣ № 12 за городомъ и первое, что мы сдѣлали вновь развѣсили по Ростову объявленія съ призывомъ, но приходило немного — старые господа офицеры и молодежь.

Жить въ Ростовѣ стало нѣсколько легче, такъ какъ лазаретъ оказался довольно хорошо снабженнымъ запасами, да и завѣдующій лазаретомъ оказался очень ловкимъ по полученію необходимаго изъ различныхъ складовъ еще существовавшихъ въ Ростовѣ и принадлежащихъ земскому и городскому союзамъ. Кормили насъ очень скромно, но достаточно и Ростовъ, хотя и переполненный до отказа пробирающимися за границу, «храбрѣйшими» бѣженцами, все же еще въ смыслѣ снабженія продуктами питанія, находился въ лучшемъ положеніи чѣмъ Новочеркасскъ. По прибытіи въ Ростовъ меня поразило громадное количество болтающегося праздно по городу «офицерства», вѣрнѣе «ахвицерства» — толпами оно фланировало по главной улицѣ и заполняло многочисленные рестораны, кофейни и кондитерскія. Многочисленныя призывныя воззванія, расклеенныя по городу, производили на нихъ очень слабое впечатлѣніе, оказывается, что это ахвицерское хулиганье, носящее офицерскіе погоны, осмѣлилось даже устроить митингъ, на которомъ было рѣшено въ добровольческія организаціи не записываться, какъ несоотвѣтствующія духу времени. Опять этотъ проклятый духъ! А когда мы вернулись изъ 1-го Кубанскаго похода, то узнали, что красные сатанисты разстрѣляли около 15.000 этихъ офицеровъ — сами виноваты. Этотъ проклятый духъ и привелъ наше Отечество къ тому позору, отъ коего оно не оправилось и понынѣ.

А офицеровъ на Донъ и въ Ростовъ сбѣжалось десятки тысячъ, но несмотря на это я все же заканчивалъ формированіе четвертой роты.

Помню и такой случай въ богатомъ Ростовѣ: улицы до отказа полны нарядной толпой. Лоснящіяся физіономіи чудо дезертировъ призывного возраста въ отличныхъ штатскихъ костюмахъ. Ихъ было много, такъ много, что если бы они всѣ были порядочными людьми и стали бы въ строй, то въ два мѣсяца можно было бы прикончить россійскій сатанинскій бунтъ. Тогда я уже думалъ объ этомъ и я бы силой поставилъ ихъ въ строй, если бы не сбѣжались на Донъ спасать свои жизни всѣ «вожди» и, пользуясь моимъ невѣденіемъ, не связали бы меня по рукамъ и ногамъ. Среди этой громадной толпы на улицѣ изрѣдка проходили

на развѣдку мои офицерскія роты, да время отъ времени рыдалъ похоронный маршъ и трогательное умиляющее душу слезами – Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ, заглушаемые бравурной музыкой, гремѣвшей во всѣхъ садахъ и ресторанахъ. Это былъ сатанинскій пиръ во время чумы.

Видъ этихъ офицерскихъ отрядовъ, плохо одѣтыхъ, не вызывалъ ничего, кромѣ презрительныхъ улыбокъ. Вотъ за такимъ отрядомъ по главной улицѣ движется походная кухня. Офицеръ съ черной повязкой на глазу правитъ заморенными лошадьми, а другой, прихрамывающій, вѣроятно кашеваръ, идетъ рядомъ съ кухней. Толпа останавливается, смотритъ съ любопытствомъ, смѣется, слышатся плоскія шутки, и никто не видитъ глубокой и страшной русской трагедіи; только особнякомъ стоящій старый отставной генералъ смотритъ на офицера-кашевара, на офицера-конюха и горькія нескрываемыя слезы струятся по старому честному лицу. Не знаю – быть можетъ онъ плакалъ надъ погибшей арміей и офицерскими завѣтами, а можетъ быть плакалъ надъ безумной и жестокой толпой его окружавшей – не знаю, но оба офицера, увидя плачущаго старика генерала, подчеркнуто отчетливо отдали ему честь, какъ бы желая выразить свое презрѣніе толпѣ и сказать: «старый начальникъ, вѣрь, что пока мы живы, пока еще бьется въ офицерахъ русское сердце, не погибли завѣты Императорской арміи».

За все время я получилъ отъ генерала Деникина, который командовалъ не знаю чѣмъ (приказа о его назначеніи не было) только одинъ приказъ перевезти изъ Ростовскаго Государственнаго банка въ Новочеркасскій банкъ золото. Условившись съ директоромъ банка, я съ одной ротой въ 11 часовъ вечера прибылъ въ банкъ. Подводы стояли у банка. Золото въ небольшихъ запечатанныхъ мѣшечкахъ по 10.000 въ каждомъ переносили и грузили только мои офицеры. Я стоялъ на подъѣздѣ. Вдругъ ко мнѣ подбѣгаетъ офицеръ и показываетъ распоровшійся уголокъ. Всѣ заволновались, достали гдѣ то бичевку и мы накрѣпко завязали распоровшійся уголокъ. Настроеніе у всѣхъ было повышенное и если бы выпалъ хоть одинъ червонецъ, то всѣ бы бросились и его розыскали и всунули бы въ мѣшечекъ. Вѣдь это было русское золото, – золото государства россійскаго, какъ могло быть иначе.

Впослѣдствіи, когда мы уходили въ 1-ый Кубанскій походъ, казаки къ намъ не присоединились, а пошли въ зимовники и по свѣдѣніямъ изъ штаба увезли съ собой и это золото. А что же думали «мудрые вожди», объявившіе себя

верховными главнокомандующими? Почему генералъ Алексѣевъ не взялъ это золото, какъ золото государства россійскаго и больше принадлежавшее намъ? Возьми онъ это золото и пойди вмѣстѣ съ казаками въ степь-зимовники, а не на ненужный и очень опасный Екатеринодаръ, тогда бы не было у насъ такихъ тяжелыхъ боевъ и не везли бы мы съ собой 1.500 раненыхъ.

Да, мудрые были вожди, до того мудрые, что привели къ крушенію добровольческое движеніе.

Въ самомъ концѣ декабря или въ началѣ января 1918 года генералъ Алексѣевъ со штабомъ переѣхалъ въ Ростовъ и расположился въ особнякѣ Парамонова. «Основоположника и первосоздателя» Добровольческой арміи генерала Корнилова все еще не было. Пышно расцвѣтшій штабъ генерала Алексѣева и Деникина поражалъ своими размѣрами, у нѣскольких дверей стояли вѣстовые, много вылощенныхъ «героевъ» адъютантовъ и какихъ то офицеровъ слонялись по корридору съ дѣловымъ видомъ, молоденькія, хорошенькія машинистки шныряли со смѣхомъ по длинному корридору, часть ихъ стучали на машинкахъ, на дверяхъ всюду надписи — отдѣлъ такой то. Казалось, что эта Добровольческая армія насчитываетъ, вѣроятно, нѣсколько корпусовъ или дивизій. Невольно подумалось: не слишкомъ ли много командующихъ для той маленькой горсточки честныхъ русскихъ людей, держащихъ винтовки въ рукахъ?

Въ другомъ домѣ Парамонова было общежитіе для служащихъ чиновъ штаба, по вечерамъ собирались по комнатамъ всѣ «храбрые адъютанты, офицеры» и служащія молодыя барышни, пили вино, хохотали и раздавались женскія взвизгиванія. Скромно говоря, когда по всей Россіи текла кровь, здѣсь, тыловые герои и героини справляли сатанинскій шабашъ на Лысой горѣ. При штабѣ открыли столовую, гдѣ хорошо кормили штабныхъ. Мы же до самаго выхода въ 1-ый Кубанскій походъ снабжались и кормились моимъ завѣдующимъ хозяйствомъ фасолью и картошкой, мои деньги таяли, раненыхъ перевязывали мои доброволки, а молодыхъ и обученыхъ сестеръ милосердія въ санитарномъ отдѣлѣ было много. Въ общежитіи штаба стоялъ смѣхъ, пьянствовали и флиртовали во всю и никто изъ этихъ «господъ» не подумалъ, что ихъ мѣсто тамъ, гдѣ съ завтрашнего дня начнетъ обильно литься наша кровь. До самаго 1-го Кубанскаго похода я отъ штаба не получилъ ни одного добровольца, ни одного врача, ни одной сестры милосердія. Ни верховному главнокомандующему, ни просто главнокомандующему не было времени подумать о сража-

ющихся. А вѣдь одинъ штабъ моіъ дать хорошую офицерскую роту.

Невольно вспоминаются «Очерки русской смуты» генерала Деникина изъ его молодости, и какъ онъ подготовлялся къ роли вождя. Въ чинѣ капитана Деникинъ отбывалъ цензъ командира роты въ 183 Пултусскомъ полку и ввелъ въ своей ротѣ «сознательную дисциплину». Кончилось командованіе, рота оказалась хуже всѣхъ остальныхъ. «Послѣ моего ухода (какъ писалъ потомъ уже ген.-лейтенантъ Деникинъ въ своихъ очеркахъ), старый сверхсрочный фельдфебель Сцепура выстроилъ роту, поднялъ многозначительно кулакъ въ воздухъ и произнесъ внятно и раздѣльно: «теперь вамъ не капитанъ Деникинъ. Поняли?» — «Такъ точно, господинъ фельдфебель». Послѣ этого рота быстро оправилась и стала не хуже другихъ». Такъ вотъ, будучи капитаномъ, Деникинъ разложилъ роту, а въ чинѣ генерала разложилъ и погубилъ Добровольческую армію.

Если бы генералъ Деникинъ и остальные «основоположники», со своей быховской программой, бросились спасаться въ Сибирь, какъ хотѣлъ генералъ Корниловъ, то у меня быстро организовался бы полкъ, а вскорѣ и два полка и, держа связь и руководствуясь указаніями генерала Каледина, мы бы свободно два-три мѣсяца большевиковъ на Донъ не пустили, вѣдь народъ, уже достаточно вкусивъ коммунизма, тоже насъ поддержалъ бы. А въ апрѣлѣ пришелъ полковникъ Дроздовскій со своимъ отрядомъ, возстали казаки и сила наша выросла бы въ большую, тогда первое что мы, я и Дроздовскій, сдѣлали бы: взяли одинъ изъ полковъ и бросились бы спасать Государя и Его Семью. Иначе быть не могло, вѣдь полковникъ Дроздовскій и я были кадеты одного класса Кіевскаго Владимірскаго Кадетскаго Корпуса.

Пробраться въ Екатеринбургъ было гораздо проще, чѣмъ полковнику Дроздовскому съ Румынскаго фронта. Захватить на рѣкѣ Донъ пароходъ или два доѣхать до Царицына, а тамъ по Волгѣ на захваченныхъ опять пароходахъ до Самары и дальше по желѣзной дорогѣ на Уфу и Екатеринбургъ. Задержать насъ никто не посмѣлъ бы, настоящихъ коммунистическихъ войскъ не было, была сатанинская коммунистическая рвань опоясанная патронами, но разбѣгающаяся при первомъ выстрѣлѣ. Распускали бы слухъ, что идемъ войной на золотопогонника адмирала Колчака. Чтобы не подвергнуть опасности царскую семью, вѣроятно, пришлось бы снять погоны. Спасенные Царь и Его Семья, по ихъ указанію и желанію, были бы доставлены въ безопасное мѣсто, а русскіе крестьяне, рабочіе и опомнив-

шіеся красноармейцы, вкусившіе коммунизмъ и узнавшіе, что Царь и Его Семья спасены, сами свергли бы коммунизмъ безъ помощи генералъ-адъютантовъ и просто нѣкоторыхъ генераловъ измѣнниковъ и лѣвыхъ «интеллигентовъ», которые только портили всякое нужное дѣло.

И тогда я увѣренъ, что нашъ Императоръ Николай II повернулъ бы колесо исторіи такъ, что наше многострадальное Отечество продолжало бы исполинскими шагами свой тысячелѣтній историческій путь.

Нѣмецкія войска были бы изгнаны изъ Россіи.

На храмѣ св. Софіи въ Константинополѣ водруженъ православный крестъ.

Всѣ народы получили бы миръ и тишину, а не теперешній сатанинско-коммунистическій, соціалистическій и демократическій трусливый бедламъ.

А если бы народы вздумали бы на насъ напасть, то мы вторично заняли бы Парижъ, но уже съ другими результатами, не щадя своихъ «союзничковъ».

XIV.

14/1 1918 года я, наконецъ, былъ вызванъ въ «штабъ Добровольческой арміи», какъ было написано въ предписаніи.

Послѣ опросовъ, я былъ торжественно введенъ къ генералу Деникину, который мнѣ сообщилъ, что на Ростовъ наступаетъ изъ Кіева красная армія Сиверса, что я зналъ раньше и уже велъ развѣдку. Мнѣ немедленно выѣхать на станцію Неклиновку, гдѣ полковникъ Кутеповъ съ отрядомъ защищаетъ Таганрогъ и я у него получу соотвѣтствующія указанія. Потомъ, впервые, поинтересовался сколько я имѣю людей и я отвѣтилъ, что три полныхъ роты. Больше генералъ Деникинъ мнѣ ничего не сказалъ. Задача была огромная, но не было указано никакихъ данныхъ для ея осуществленія.

Оставивъ въ Ростовѣ полковника Индѣйкина заканчивать формированіе 4-ой роты и начать формированіе 2-го баталіона, я вечеромъ выѣхалъ съ тремя ротами своего Георгіевскаго полка и утромъ 15-го января прибылъ на станцію Неклиновку. На станціи стоялъ одинокій паровозъ съ

двумя вагонами, гдѣ жилъ полковникъ Кутеповъ. Станція была мертва. При полковникѣ Кутеповѣ было только два офицера. Когда я разсказалъ полковнику Кутепову о Таганрогѣ и его отрядѣ и что онъ долженъ дать мнѣ указанія, то полковникъ Кутеповъ отвѣтилъ, что уже больше недѣли какъ онъ оставилъ Таганрогъ, а отрядъ его состоялъ изъ нѣсколькихъ десятковъ таганрогской молодежи, кое какъ вооруженной, которая послѣ столкновенія съ мѣстными большевиками, не захотѣла оставлять Таганрогъ и разошлась, а у него только 18 его гвардейскихъ офицеровъ, высланныхъ какъ охраненіе въ направленіе на Кіевъ, о чемъ онъ послалъ донесеніе въ штабъ и никакихъ указаній больше не имѣетъ. Великій вождь былъ генералъ Деникинъ.

Обсудивъ съ полковникомъ Кутеповымъ обстановку и принявъ во вниманіе, что въ Таганрогѣ только рабочіе, а значитъ красногвардейцы, то есть рвань, которая не можетъ и не посмѣетъ двинуться на Ростовъ, мы рѣшили оставить безъ вниманія Таганрогъ, подъ наблюденіемъ остатковъ 1-ой Кіевской школы прапорщиковъ, вышедшихъ и собравшихся за городомъ, какъ заслонъ, а мой полкъ бросить на встрѣчу Сиверсу, двигавшемуся отъ Иловайской.

Ночью я выслалъ роту на развѣдку и приказалъ ей, выйдя за селеніе, выставить сторожевое охраненіе. Выставляя охраненіе рота была встрѣчена безпорядочными выстрѣлами, рота отвѣтила наугадъ однимъ залпомъ и противникъ смолкъ. Къ несчастью, прекраснѣйшій офицеръ поручикъ Тимофеевъ, шальной пулей былъ убитъ. Ночь прошла спокойно. На разсвѣтѣ противникъ открылъ крайне безпорядочный дальній огонь. Я повелъ свои три роты въ наступленіе. Противникъ бѣжалъ. У меня были раненые, ихъ перевязывали мои доброволки баталіона Бочкаревой, которыхъ я въ бой не пускалъ и они на меня очень сердились. Мы преслѣдовали противника по пятамъ, не давая ему передышки. Къ ночи съ налета захватили станцію Ряжное. Съ разсвѣтомъ я опять началъ наступленіе; большевики немедленно начали отступленіе, превратившееся въ бѣгство, оставляя по пути своихъ убитыхъ и раненыхъ, много винтовокъ и всюду разбросанныхъ патроновъ.

Мы продвигались вдоль линіи желѣзной дороги и послѣ короткаго боя захватили станцію Матвѣевъ-Курганъ и брошенные большевиками два поѣзда, а за околицей деревни захватили два орудія. На захваченныхъ поѣздахъ мы отправляли въ Ростовъ раненыхъ, число которыхъ все росло. Была убита на батарѣе княжна Черкасская.

Занявъ станцію Матвѣевъ-Курганъ 18/1 1918 г., я остановилъ наступленіе, такъ какъ за станціей протекала рѣка

Міусъ, хотя и не широкая, но глубокая и покрытая тонкимъ слоемъ льда. Берегъ и желѣзнодорожный мостъ по ту сторону рѣки были укрѣплены и тамъ стояли пулеметы. Да и пора было остановиться. Мы чрезвычайно утомлены, да и роты мои значительно порѣдѣли, потери были, хотя правда, небольшія, но очень чувствительныя. Мы были уже въ двухдневномъ пути по желѣзной дорогѣ отъ Ростова и дальше двигаться уже на Кіевъ съ моей горсточкой людей было безразсудно. Зарываться впередъ и рѣшиться на форсированіе моста не приходилось, такъ какъ мы уже были слишкомъ далеко отъ своей базы, да и резервовъ у меня, кромѣ полковника Кутепова съ его конвоемъ въ 18 гвардейцевъ, не было.

Выставивъ противъ моста черезъ Міусъ заставу, я далъ людямъ отдыхъ, а раненыхъ офицеровъ и солдатъ отослалъ на захваченномъ поѣздѣ въ Ростовъ, туда же командировалъ и подполковника Святополкъ-Мирскаго съ приказомъ доложить генералу Алексѣеву обстановку и постараться привезти съ собой патроновъ, снарядовъ, а главное какъ можно больше людей, потому что благодаря малочисленности моего полка и его оторванности приходилось охраняться по ночамъ со всехъ сторонъ, что совершенно измотало людей и они стоя въ сторожевомъ охраненіи часто невольно засыпали, что я обнаруживалъ обходя ночью посты.

Съ тѣмъ же подполковникомъ Святополкъ-Мирскимъ я отправилъ подробное донесеніе и полковнику Кутепову, прося его также со своей стороны нажать на штабъ, чтобы прислали мнѣ подкрѣпленія, находившіеся въ Ростовѣ.

А что же наши «вожди»? Съ 17 на 18 января 1918 г. прибылъ генералъ Корниловъ. И даже онъ, прославляемый даже и теперь за свой ненужный безумный походъ на Екатеринодаръ, не додумался взять всѣ ячейки, адъютантовъ и все что было въ Ростовѣ, и пріѣхать мнѣ на помощь въ Матвѣевъ-Курганъ и загнать Сиверса обратно въ Кіевъ, а вѣдь я и полковникъ Кутеповъ бомбардировали штабъ просьбами о присылкѣ резервовъ. Отсутствіе здраваго смысла и ненависть ко мнѣ монархисту заставила «вождей» оставить меня на гибель и тѣмъ сохранить за собой лживое званіе «основоположниковъ и первосоздателей Добровольческой арміи». Но Господь спасъ меня и я живъ до сихъ поръ и своими воспоминанiями не дамъ восторжествовать лжи теперешнихъ «вождиковъ» о трехъ «великихъ вождяхъ».

Въ это время, одинъ нашъ телеграфистъ, какъ то включился въ телефонную линію, благодаря забытому большевиками въ будкѣ стрѣлочника телефону и я посадилъ офицера записывать слышанное и онъ записалъ разговоръ

коменданта станціи Закадычное, находившейся по ту сторону моста, съ самимъ Сиверсомъ. Комендантъ, товарищъ Архиповъ, жаловался на неудачи и просилъ помощи. Сиверсъ ему отвѣтилъ, что завтра онъ прибудетъ съ 4-мя дивизіями въ Закадычное. Былъ еще записанъ разговоръ коменданта съ начальникомъ сторожевого поста, находившимся въ желѣзнодорожной будкѣ по ту сторону моста. Начальникъ поста просилъ выслать къ разсвѣту патроны, пулеметныя ленты и какой пароль будетъ у несущихъ; комендантъ отвѣтилъ, что боевое снаряженіе пришлетъ къ утру, а завтра самъ Сиверсъ съ одной дивизіей подойдетъ къ мосту и тутъ же комендантъ имѣлъ неосторожность назвать пароль и мы его узнали. На этомъ паролѣ я составилъ планъ своихъ дѣйствій. Незадолго до этого въ бою за Матвѣевъ-Курганъ ко мнѣ на выстрѣлы приблудился отрядъ Семилѣтова. 30 молодыхъ казачатъ партизанъ. Они имѣли при себѣ и подрывной матеріалъ а, будучи конными, очень мнѣ помогли, бросившись въ конную атаку съ громкимъ гикомъ во флангъ противника.

Я уже нѣсколько разъ посылалъ черезъ полковника Кутепова донесенія въ штабъ, съ просьбой выслать мнѣ подкрѣпленія, но ни подкрѣпленія, ни отвѣта не было. Я вызвалъ полковника Кутепова и онъ немедленно, на паровозѣ, съ двумя офицерами пріѣхалъ ко мнѣ. Показавъ ему на мѣстѣ обстановку и записанные разговоры, я сказалъ, что хочу попробовать операцію съ цѣлью задержать Сиверса, для чего ночью пошлю 15 отборныхъ офицеровъ, которые днемъ нашли бродъ на мѣлкомъ мѣстѣ и наладили что то вродѣ мостика, перейти рѣчку и, зная пароль, подойти съ тыла къ будкѣ, сказать пароль и безъ стрѣльбы переколоть караулъ. Конному партизанскому отряду изъ 30-ти казачатъ Семилѣтова съ наступленіемъ темноты переправиться по найденному броду черезъ Міусъ, какъ можно дальше обойти Закадычное и ровно въ 2 часа ночи сильно взорвать на желѣзнодорожной линіи какой нибудь мостикъ или віадукъ и возвращаться. Этотъ взрывъ будетъ сигналомъ для дальнѣйшихъ дѣйствій: двѣ роты сядутъ на поѣздъ, на который уже поставили два захваченныя орудія и превратили его въ бронепоѣздъ и этотъ поѣздъ, услыша взрывъ, долженъ броситься черезъ мостъ, все время стрѣляя на ходу по станціи Закадычное и ворваться на станцію, гдѣ ротамъ испортить всѣ желѣзнодорожныя сооруженія.

Полковникъ Кутеповъ одобрилъ, а такъ же и согласился, что въ дальнѣйшемъ, если не будетъ прислано поддержки, то при отходѣ взорвать мостъ.

Все произошло точно какъ я намѣтилъ. На другой день снова былъ записанъ разговоръ коменданта съ Сиверсомъ, что ночью перекололи его караулъ, захватили два пулемета, станцію разрушили и гдѣ то въ тылу что то взорвали. Въ этотъ же день мы минировали мостъ.

Семилѣтовцы ушли съ моей и всѣхъ насъ горячей благодарностью.

Наконецъ совершилось неизбѣжное. Оставаться съ горсточкой людей безъ надежды на прибытіе изъ Ростова подкрѣпленія было безуміемъ. Сиверсъ приблизился къ мосту. Я взорвалъ мостъ. Другой отрядъ Сиверса двигался по другую сторону рѣчки Міусъ, обходя мой лѣвый флангъ. Я началъ отступленіе, отправивъ въ тылъ нашъ хозяйственный «бронепоѣздъ» съ нѣсколькими ранеными, а самъ рѣшилъ задержаться до темноты, которая уже приближалась. Вскорѣ пришелъ изъ поѣзда развѣдчикъ и доложилъ, что въ трехъ верстахъ за нами сняты рельсы и поѣздъ ждетъ указаній. Мы отходили взводъ за взводомъ, разсыпанными въ рѣдкую цѣпь и огрызались противъ противника, обстрѣливавшаго насъ артиллерійскимъ огнемъ съ фронта и лѣваго фланга. Уже въ темнотѣ мы подошли къ нашему поѣзду-«броневику», который мѣтался туда и сюда отъ снятыхъ рельсъ и обратно, перестрѣливаясь своими двумя орудіями съ батареями противника, расположенныхъ за рѣчкой на холмахъ. Мой «бронепоѣздъ» замолкъ, снаряды всѣ разстрѣляны и въ это время граната противника попала въ паровозъ, окутавшійся со свистомъ паромъ. Съ поѣздомъ было кончено. Я приказалъ двумъ артиллеристамъ капитану Падчину и капитану Завальевскому испортить орудія, снять замки и забросить ихъ въ ближайшее болото. Я выслалъ къ станціи Ряжное развѣдку, гдѣ были расположены 18 гвардейскихъ офицеровъ. Развѣдка вернулась и доложила, что на станціи никого нѣтъ, одинъ желѣзнодорожникъ имъ разсказалъ, что офицеры ушли, а также и станція Неклиновка, гдѣ былъ полковникъ Кутеповъ, занята обошедшими красными. Зная, что до сихъ поръ и большевики двигались вдоль желѣзной дороги, я, забравъ больныхъ и раненыхъ, двинулся въ сторону отъ желѣзнодорожной линіи. Ночью мы натолкнулись на маленькую деревушку, гдѣ взяли нѣсколько подводъ и погрузивъ своихъ раненыхъ, усиленными маршами двинулись къ Ростову кружнымъ путемъ, подальше отъ линіи желѣзной дороги. На третіи день похода мои развѣдчики мнѣ сообщили, что подъ Таганрогомъ идетъ бой, слышна артиллерійская стрѣльба, значитъ тамъ кто то сражается съ красными. Движеніе на выстрѣлы. Я круто свернулъ къ линіи желѣзной дороги и вышелъ на линію на

высотѣ станціи Морская. Дѣйствительно, станція оказалась въ рукахъ моего подполковника Святополкъ-Мирскаго, державшаго тамъ фронтъ, приведенной имъ изъ Ростова 4-ой ротой, состоявшей изъ 120 добровольцевъ, поступившихъ за время моего отсутствія въ Георгіевскій полкъ, а также и небольшого числа гвардейцевъ, бывшихъ на станціи, а самъ полковникъ Кутеповъ, уѣхалъ въ Ростовъ къ генералу Алексѣеву.

Возмущенный подполковникъ Святополкъ-Мирскій сообщилъ мнѣ довольно непріятныя и удивительныя новости, а именно, что въ городѣ открыто много вербовочныхъ бюро. Довольно было появиться тремъ офицерамъ какого либо полка и заявить о своемъ желаніи формировать свой полкъ и они получали разрѣшеніе на формированіе; формировались сразу кавалерійскіе полки и артиллерійскія батареи безъ лошадей и орудій, саперныя части, юнкерскій баталіонъ, студенческій и даже какой то отрядъ «черная рука». Появился отрядъ въ лисьихъ шапкахъ сь длинными лисьими болтающимися хвостами изъ женскихъ горжетокъ — дань «отъ благодарнаго населенія», какъ называли въ Добровольческой арміи награбленныя вещи. Все это болталось по Ростову, но на фронтъ не посылалось и еще формировалось много какихъ то учрежденій, это только позволяло уклоняться отъ поступленія въ ряды арміи и затрудняло учетъ офицерства и добровольцевъ и что для отличія уже записавшихся въ ряды какой либо части, отъ праздношатающихся и уклоняющихся, приказано поступившимъ уже въ армію носить на лѣвомъ рукавѣ нашитый уголъ изъ трехцвѣтной національной ленты, а благодаря всѣмъ этимъ бюро, поступленіе добровольцевъ въ 1-ый Георгіевскій полкъ, находящійся въ тяжелыхъ бояхъ, прекратилось. Поэтому онъ привелъ ко мнѣ всѣхъ имѣвшихся у полковника Индѣйкина людей — 4-ую роту-120 человѣкъ, оставивъ нѣсколько человѣкъ для охраны помѣщенія и кое какого нашего полкового имущества.

Тутъ я узналъ еще одну новость. Когда у меня были самые горячіе бои у Матвѣева-Кургана въ Ростовъ прибылъ съ 17 на 18 января 1918 года, генералъ Корниловъ еще однимъ «геніальнымъ вождемъ» стало больше. Генералъ Корниловъ сталъ верховнымъ главнокомандующимъ, а генералъ Алексѣевъ оказался верховнымъ «основателемъ и первосоздателемъ Добровольческой арміи». Все верховные и верховные, а при выходѣ въ 1-ый Кубанскій походъ вся армія не превышала трехъ баталіоновъ.

На станціи Морская я соединился съ подполковникомъ Святополкъ-Мирскимъ. За время моихъ боевъ на Донъ въ

Ростовъ прибыли части корниловскаго ударнаго полка подъ командой капитана Нѣженцева, распѣвавшіе свой «корниловскій гимнъ», гдѣ была строфа: «мы былого не жалѣемъ, царь намъ не кумиръ». Теперь чуть чуть одумались и эту строфу замалчиваютъ, это тотъ самый полкъ, который въ составѣ чешской бригады явился въ распоряженіе начальника кіевскаго военнаго округа и въ тотъ же день ушедшій съ чехами, бросивъ своего начальника русскаго генерала, русскій древній Кіевъ, русскихъ моихъ родныхъ малороссовъ на разрушеніе и гибель, а послушался предателя чешскаго президента Масарика. Этотъ корниловскій полкъ по приказанію генерала Корнилова былъ оставленъ въ Ростовѣ и усиленно снабжался и пополнялся людьми. И все это верховными и просто главнокомандующими для чего то держалось въ тылу, а мы на фронтѣ рѣдѣли и рѣдѣли, каждый день отправляя десятки раненыхъ.

Стыдно и больно вспоминать, что творилось въ тылу и это «верховные» видѣли, знали и допускали, подкрѣпленій не присылали. Съ кровавыми боями, чтобы не быть окруженнымъ все прибывающими новыми красными силами, я началъ безконечный отходъ съ боями на Ростовъ, а тамъ еще продолжали плясать. Такъ съ безпрерывными боями я понемногу отошелъ отъ самаго Ростова. На смѣну мнѣ были высланы казачьи добровольческія части, сформированныя изъ бѣжавшихъ изъ станицы Глиновской казаковъ, а я, по приказанію генерала Деникина, вернулся въ прежнее помѣщеніе полка. 150-200 раненныхъ и убитыхъ — цѣна геройскаго сопротивленія моего полка красному потоку, движущемуся на Ростовъ. Этимъ сопротивленіемъ, задерживая противника, полкъ далъ возможность новорожденной Добровольческой арміи сформироваться и нѣсколько устроиться. Умирая мы помогали формируемымъ частямъ усиливаться, устраиваться и приготовляться, а сами были совершенно при этомъ забыты; отъ насъ только требовали, но ничего не давали. А если бы мнѣ бросили въ помощь всѣ ячейки, корниловскій полкъ и всѣхъ кто зря болтался при штабахъ, то не пришлось бы «вождямъ» удирать въ 1-ый Кубанскій походъ. Ни одинъ «верховный» главнокомандующій, ни одинъ просто командующій «арміей» изъ 2.000 въ тылу и 200 человѣкъ моего Георгіевскаго полка на фронтѣ, не пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы выяснить обстановку и помочь мнѣ.

Постепенно умирая къ 6/II 1918 года мы отступили до самаго Ростова.

Сколько доблести, сколько жертвенности и подвиговъ было проявлено 1-мъ Георгіевскимъ полкомъ. Больше 150 убитыхъ и раненныхъ. А въ это время въ тылу формиро-

вались, хорошо кушали, пили вино, флиртовали, дебоширили и плясали, а мы ѣли картошку и фасоль, и то лишь на мои деньги. Все это знали «верховные», но не знали одного — фронта гдѣ умираютъ.

У меня сохранилось подлинное циркулярное письмо генерала Алексѣева отъ 18 января 1918 года № 7, которое привожу ниже:

Генералъ Алексѣевъ
18 января 1918 года
№ 7
Ростовъ на Дону — Циркулярно

Командирамъ: Особаго Юнкерскаго баталіона и артиллерійскаго дивизіона; полковнику Кутепову.

По почину супруги начальника Ростовскаго гарнизона Вѣры Николаевны Чернояровой и сочувствующихъ дѣлу лицъ, въ Ростовѣ собрано 28.414 руб. 35 коп. на устройство елки участникамъ боевъ въ ноябрѣ-декабрѣ 1917 г. и январѣ 1918 г. по соглашенію съ жертвователями суммы эти распредѣлены мною такъ:

1. 14.207 руб. 17 коп. офицерамъ и юнкерамъ Особаго Юнкерскаго баталіона и артиллерійскаго дивизіона, участвовавшихъ въ бояхъ подъ Нахичеванью и Ростовомъ съ 26-го ноября по 3-е декабря 1917 года

2. 14.207 руб. 13 коп. тѣмъ частямъ Добровольческой арміи, участвовавшимъ въ бояхъ 13—17 января 1918 г. между ст. Неклиновка—Матвѣевъ-Курганъ. Не зная перечня всѣхъ частей принимавшихъ участіе въ этихъ бояхъ, причитающую сумму передать полковнику Кутепову.

Предписываю въ каждой группѣ составить комиссію изъ участниковъ всѣхъ частей по назначенію начальствующихъ лицъ.

Комиссіи должны разработать вопросъ, какъ желательно использовать полученные деньги. Краткій отчетъ въ использованіи долженъ быть представленъ мнѣ для ознакомленія жертвователей.

Генералъ отъ инфантеріи
Алексѣевъ.

Для свѣдѣнія командиру
1-го Георгіевскаго полка.

Коснусь неправильностей, допущенныхъ въ циркулярномъ письмѣ № 7, свидѣтельствующихъ о полномъ незнаніи

генераломъ Алексѣевымъ какія части существовали, гдѣ они сражались, и кѣмъ и когда формировались.

Всякій начальникъ, принявшій командованіе, долженъ знать всѣ свои части, объявивъ приказомъ о своемъ вступленіи въ командованіе. Генералъ Алексѣевъ никакого приказа о вступленіи въ командованіе «арміей» не издалъ, что подтверждаетъ въ «Очеркахъ русской смуты» ген. Деникинъ.

Генералъ Алексѣевъ въ циркулярномъ письмѣ пишетъ объ участіи особаго юнкерскаго баталіона и артиллерійскаго дивизіона въ бояхъ подъ Нахичеванью, Ростовомъ и съ 13–17 января 1918 г. между станціей Неклиновка и Матвѣевъ-Курганъ.

Все это неправда!

1. 21 ноября 1917 года подъ Нахичеванью никакого особаго юнкерскаго баталіона не было и онъ еще не существовалъ, а генералъ Алексѣевъ тихонько сидѣлъ въ вагонѣ на вокзалѣ въ тупикѣ. Возстаніе въ Нахичевани прикончилъ я со своей ротой и, вернувшись, доложилъ объ этомъ генералу Алексѣеву въ его вагонѣ.

2. Никакого артиллерійскаго дивизіона не было, а было всего два орудія, захваченныхъ мною въ Лежанкѣ и два моихъ артиллериста, капитанъ Падчинъ и капитанъ Завальевскій, подъ Нахичеванью орудія не участвовали, а генералъ Алексѣевъ эти два орудія громко и грозно называетъ дивизіономъ.

3. 30-го ноября 1917 г. я съ 1-мъ Георгіевскимъ полкомъ, 300 человѣкъ, прибылъ въ Кизетеринку и поступилъ въ распоряженіе донского атамана генерала Каледина, у котораго было нѣсколько конныхъ сотенъ и батарея. Никакихъ другихъ отрядовъ не было, ни «особыхъ юнкерскихъ», ни «двухпушечныхъ дивизіоновъ». Ростовъ быстро былъ занятъ генераломъ Калединымъ, которому я помогалъ пѣшей атакой.

4. Бои, отъ станціи Неклиновки по станцію Матвѣевъ-Курганъ включительно и при отходѣ, велъ одинъ только я съ тремя ротами 1-го Георгіевскаго полка, да въ тылу было у полковника Кутепова 18 гвардейскихъ офицеровъ.

Изъ изложеннаго видно, что «вожди» никого не вели и ничего не знали. Распоряженіе о выдѣленіи въ комиссію, для разработки вопроса о деньгахъ, непременно участниковъ боевъ, то есть ослабить сражающуюся часть, было совершенно неразумно и я распоряженія генерала Алексѣева отказался выполнить и никакой комиссіи не послалъ, чтобы не ослаблять свой и такъ малочисленный полкъ, а ограничился, для этой цѣли, назначеніемъ оставленнаго въ Ростовѣ полковника Индѣйкина. Въ результатѣ, вѣроятно въ видѣ

наказанія, никакихъ денегъ ни отъ кого я не получилъ. Предполагаю, что причитающіеся только намъ двумъ, мнѣ и Кутепову, деньги пошли на устройство штабныхъ пирушекъ или разнымъ «особымъ» баталіонамъ и полкамъ — изъ 3-хъ человѣкъ, въ бояхъ не участвовавшихъ.

Среди всеобщаго помраченія глухо прозвучалъ выстрѣлъ атамана генерала Каледина, но не всколыхнулъ онъ казачество, прострѣливъ честное офицерское сердце, онъ не разбудилъ, обросшее шерстью, сердце народа.

Не давъ полку передохнуть и, конечно, не кормивъ его, 9-го февраля 1918 г. насъ вновь послали въ самый тяжелый бой подъ Гниловской станицей.

XV.

Іуда, осознавъ свое преступленіе, пошелъ и удавился на осинѣ, а генералы Алексѣевъ, Деникинъ и Корниловъ такъ и не осознали своихъ преступленій.

І-ый КУБАНСКІЙ ПОХОДЪ.

Въ 8 часовъ вечера 9-го февраля 1918 года «армія» выступила изъ Ростова въ общемъ составѣ, со всѣми адъютантами и прочими ненужными чинами, не больше двухъ съ половиной тысячъ человѣкъ, въ томъ же числѣ было не больше 30-ти, (а не 160, какъ указано въ журналѣ «Часовой») женщинъ и обозъ съ какимъ то вывозимымъ имуществомъ, среди котораго находилась и казна добровольческой арміи, охраняемая ѣхавшими на двухъ подводахъ женщинами-ударницами изъ баталіона Бочкаревой. Большинство же раненыхъ, не могущихъ передвигаться, было оставлено въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ. Послѣ возвращенія изъ похода опять въ Ростовъ я узналъ, что почти всѣ они были перебиты большевиками, спаслось только очень небольшое число, спасённыхъ сестрами милосердія, спрятавшими ихъ по частнымъ домамъ у своихъ знакомыхъ.

Городъ Ростовъ замеръ. Ни живой души. Не видно ни одного огонька. Ни одна дверь не открылась. Ни одна рука не протянулась благословить уходящихъ въ неизвѣстное своихъ защитниковъ, столько времени закрывавшихъ своей грудью городъ отъ затопленія озвѣрѣвшими красными

сатанистами. Жутко. И только пушистыми хлопьями, искрящимися въ лунномъ свѣтѣ, снѣгъ падалъ на уходившихъ, заметая за ними Россію.

Впереди пѣшкомъ, опираясь на палку, шелъ генералъ Алексѣевъ, рядомъ шли генералъ Корниловъ, генералъ Деникинъ, генералъ Романовскій, генералъ Марковъ и другіе, мнѣ неизвѣстные, старшіе генералы, такъ же шли какіе то штатскіе, очевидно изъ политическаго отдѣла арміи.

Съ остатками 1-го Георгіевскаго полка, всего 120 человѣкъ, шелъ я впереди и протаптывалъ въ снѣгу дорогу. Видя старика Алексѣева съ трудомъ шедшаго и скользящаго по довольно глубокому снѣгу, мнѣ стало грустно и жалко, и я взялъ изъ своего обоза экипажъ, захваченный при набѣгѣ на с. Лежанку, ссадилъ изъ него жену и одну сестру милосердія, и предложилъ экипажъ генералу Алексѣеву, который ѣхалъ въ немъ весь походъ.

Итакъ Добровольческая армія двигалась за шедшими впереди своими «вождями» въ неизвѣстномъ ей направленіи и къ неизвѣстной цѣли. Стало ей это извѣстно только на слѣдующій день въ ст. Ольгинской, въ которую мы вошли перейдя Донъ по тонкому льду, трещавшему подъ тяжестью переходившей колонны. Во время перехода по льду Дона большевицкій аэропланъ сбросилъ одну бомбу, пробившую ледъ далеко отъ насъ, ледъ былъ неособенно прочный. Я былъ оставленъ пропустить всѣ части и обозы съ батареей. Перешли благополучно, но подъ орудіями ледъ слегка потрескивалъ. Въ станицѣ Ольгинской 12-го февраля 1918 г. была назначена дневка. Тутъ только мы узнали, что генералъ Корниловъ обѣщалъ вывести армію изъ тяжелаго положенія, въ которомъ она оказалась въ осажденномъ со всѣхъ сторонъ Ростовѣ и больше ничего, а насъ раньше учили, что каждый офицеръ и солдатъ должны знать свой маневръ, но наши добровольческіе «вожди» смотрѣли иначе.

Большинство изъ вышедшихъ въ походъ надѣялось, что Добровольческая армія идетъ на соединеніе съ вышедшими также изъ Новочеркасска казаками, чтобы, придя въ глухія мѣста казачьихъ зимовниковъ, тамъ переждать, пока все казачество, да и вся Россія отрезвится отъ опьяненія свободой и призоветъ насъ, своихъ вѣрныхъ сыновъ снова служить Отечеству и строить сызнова разбѣжавшуюся съ фронта русскую армію.

Генералъ Алексѣевъ въ разговорахъ съ офицерами неоднократно утверждалъ, что большевицкій угаръ скоро пройдетъ, что Россія выздоровѣетъ и что необходимо беречь всѣхъ собравшихся на Донъ офицеровъ и потому всѣ надѣялись, что мы выходимъ изъ Ростова именно съ этой

цѣлью. Не то думалъ и хотѣлъ Корниловъ. Тутъ умѣстно будетъ сказать и о томъ, что генералъ Корниловъ не пользовался ни довѣріемъ, ни любовью большинства добровольцевъ, первыхъ явившихся на Донъ, кромѣ развѣ, только его любимаго ударнаго Корниловскаго полка, который въ дальнѣйшемъ пѣлъ свою пѣсню: «мы былого не жалѣемъ, царь намъ не кумиръ», въ отвѣтъ на что Марковскій полкъ гремѣлъ: «такъ за Царя, за Родину, за Вѣру мы грянемъ громкое ура». Не былъ онъ, Корниловъ, популяренъ уже потому, что былъ въ самомъ началѣ бунта правой рукой Керенскаго, былъ назначенъ имъ, по особому къ нему довѣрію, командующимъ Петроградскимъ Военнымъ округомъ, ему было поручено новымъ революціоннымъ правительствомъ арестовать Императорскую Семью, что онъ и выполнилъ охотно и очень грубо, окруживъ арестованныхъ разнузданной солдатчиной.

Формированіе генераломъ Корниловымъ какихъ то новыхъ ударныхъ баталіоновъ, предназначенныхъ для защиты революціи тоже не могло способствовать его популярности. Эти революціонныя формированія должны были служить примѣромъ, какъ говорилось въ приказѣ генерала Корнилова, — старымъ доблестнымъ и покрытымъ славою полкамъ Императорской арміи?!

Окончательно разочаровавшись въ нашихъ «вождяхъ», я понялъ, что генералъ Корниловъ ведетъ насъ не на соединеніе съ уходящими изъ Новочеркасска казачьими частями, а на Кубань, въ то время кишевшую большевиками.

Генералъ Корниловъ приказалъ собраться къ нему всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей и ячеекъ. Собралось больше 30 человѣкъ начальниковъ различныхъ отрядовъ. Было тутъ все до начальниковъ какихъ то «зеленаго дьявола», «черной руки», и «лисьихъ хвостовъ», и тутъ раздалось въ первый разъ единственно разумное слово генерала Корнилова, что такъ воевать нельзя и необходимо, для удобства командованія и дѣйствій въ бою, объединить все въ два полка. Поэтому онъ приказалъ всѣмъ мелкимъ отрядамъ и ячейкамъ немедленно явиться въ распоряженіе генерала Маркова, котораго онъ назначаетъ командиромъ этого 1-го полка, остаткамъ моего 1-го Георгіевскаго полка войти въ Корниловскій ударный полкъ, составивъ его 3-й баталіонъ, туда же явиться и сформированному изъ ростовскихъ студентовъ отряду, составивъ четвертый баталіонъ Корниловскаго полка, командиромъ котораго, генералъ Корниловъ, конечно, назначилъ своего любимца чешскаго капитана Нѣженцева.

Итакъ, этимъ приказомъ, всѣ заслуги чиновъ 1-го Георгіевскаго полка, первыми пришедшими на Донъ, первыми

создавшими, начавшими и вынесшими всю тяжесть перваго, самаго труднаго, періода гражданской войны, цѣною крови и жизней своихъ павшихъ въ бояхъ соратниковъ, давшихъ возможность другимъ частямъ сформироваться, сводились на нѣтъ. Уничтожалось самое имя полка, что являлось незаслуженнымъ оскорбленіемъ для 1-го Георгіевскаго полка. Но для генерала Корнилова все это не имѣло цѣны и мой полкъ, какъ мавръ, сдѣлавшій свое дѣло, былъ уничтоженъ. Я понимаю, что генералу Корнилову не хотѣлось своего любимца капитана Нѣженцева и полкъ своего имени подчинять мнѣ. Полагаю, что главной причиной была моя и моего полка вѣрность и преданность Императору.

И когда я, придя къ генералу Корнилову послѣ роспуска собранныхъ имъ начальниковъ, просилъ пощадить хотя бы имя Георгіевской части, положившей начало и формированію командуемой имъ арміей, то генералъ Корниловъ отвѣтилъ мнѣ отказомъ и только при моемъ уже уходѣ, вѣроятно, почувствовавъ несправедливость своего рѣшенія, онъ пробурчалъ: «когда наступитъ лучшее положеніе, можетъ быть, послѣ возстановлю». Но и потомъ генералъ Деникинъ, на мои двукратныя, поддержанныя и генераломъ Кутеповымъ ходатайства возстановить 1-ый Георгіевскій полкъ, согласно «завѣта пресвѣтлаго вождя генерала Корнилова», этого не сдѣлалъ. На первое ходатайство отвѣта не послѣдовало вовсе, а на второе ходатайство отвѣтъ генерала Деникина пришелъ черезъ генерала Кутепова и вручая его мнѣ тотъ развелъ руками. Отвѣтъ генерала Деникина былъ краткій: «полковникъ Киріенко полка не получитъ». Главная причина, что я монархистъ, а значитъ и полкъ будетъ монархическій.

На другой день утромъ, послѣ переформированія я пошелъ къ начальнику штаба генералу Романовскому и спросилъ, что мнѣ дѣлать съ полковой печатью и отчетностью, генералъ Романовскій отвѣтилъ: «сожгите все» и когда я сказалъ, что генералъ Корниловъ обѣщалъ возстановить полкъ, то генералъ Романовскій добавилъ: «это было вамъ сказано только въ утѣшеніе». Вернувшись на свою стоянку я засталъ своего завѣдующаго хозяйствомъ, доложившаго мнѣ, что Корниловскій полкъ нашъ баталіонъ не кормитъ, своимъ же корниловцамъ выдаютъ ежедневно по 10 рублей на человѣка и когда завѣд. хозяйствомъ обратился къ командиру полка капитану Нѣженцеву, чтобы онъ приказалъ выдавать по 10 руб. и намъ, то капитанъ Нѣженцевъ отвѣтилъ, что у нихъ мало денегъ и насъ онъ кормить не можетъ. Я далъ завѣдующему хозяйствомъ послѣднія 10 тысячъ и такъ какъ на этотъ день была назначена

передача хозяйства въ Корниловскій полкъ, а у насъ было двѣ походныхъ кухни, подводы и сапожная мастерская съ запасомъ сапожнаго товара, что очень привлекало капитана Нѣженцева, у котораго ничего не было, то я приказалъ ничего не передавать, а оставить все для баталіона.

На слѣдующій день я былъ вызванъ генераломъ Корниловымъ, спросившимъ меня почему я не разрѣшилъ передать въ Корниловскій полкъ и хозяйства и денегъ, бывшихъ у меня. Я разсказалъ генералу Корнилову какъ получилъ деньги изъ Кіева и что только на эти деньги и 5.000, данные мнѣ генераломъ Эрдели я все время содержалъ полкъ и что онъ, конечно, знаетъ, что намъ никто ничего не платилъ, насъ штабъ не кормилъ и насъ ничѣмъ не снабжали, а на все это я расходовалъ имѣвшіеся у меня деньги, о чемъ есть отчетность. Послѣ этого генералъ Корниловъ сказалъ: «вы должны знать, что двухъ командировъ не можетъ быть», на это я отвѣтилъ, что отлично знаю, но не могу допустить, чтобы люди, пошедшіе за мной и мнѣ вѣрившіе, умирали отъ голода или начали грабить и разсказалъ, какъ капитанъ Нѣженцевъ отказался кормить моихъ людей. При нашемъ разговорѣ присутствовалъ генералъ Романовскій, сидѣвшій на подоконникѣ. Генералъ Корниловъ слушалъ молча. Я доложилъ и о словахъ генерала Романовскаго, касающихся печати, документовъ и утѣшенія. Генералъ Романовскій вдругъ громко заявилъ: «я этого не говорилъ». Это было для меня, какъ ударъ хлыста, но, сдержавъ себя, я спокойно, но немного повышеннымъ голосомъ сказалъ: «ваше высокопревосходительство, клянусь честью и Георгіевскимъ орденомъ, что его превосходительство генералъ Романовскій сказалъ именно эти слова». Генералъ Романовскій понялъ мое состояніе и благоразумно промолчалъ. Генералъ Корниловъ сказалъ: «я зачисляю васъ въ резервъ. Можете идти».

Генералъ Романовскій оказался правъ, онъ зналъ «вождей», я же имъ вѣрилъ, не зная еще тогда ихъ измѣны и предательства Царю и Россіи, за которыхъ я готовъ былъ отдать жизнь.

Узнавъ о моемъ зачисленіи въ резервъ мои офицеры были обижены и не хотѣли идти на соединеніе въ Корниловскій полкъ, они собирались даже всѣмъ баталіономъ уйти и присоединиться къ проходившимъ, немного сѣвернѣе, казакамъ, но все же генералу Алексѣеву удалось ихъ уговорить и на утро, подъ командой подполковника Святополкъ-Мирскаго, они явились въ Корниловскій полкъ. Теперь уже не георгіевцы, а корниловцы. Все же прежніе духомъ мои питомцы покрыли себя славой въ многочислен-

ныхъ бояхъ перваго Кубанскаго похода оставаясь всегда самой дисциплинированной и твердой частью полка. Подполковникъ Святополкъ-Мирскій назначенный командиромъ Корниловскаго полка капитаномъ Нѣженцевымъ состоять при немъ для улаживанія могущихъ происходить недоразумѣній между сборными частями полка отказался отъ предложенной ему миссіи и также былъ зачисленъ въ резервъ чиновъ. Подполковникъ Индѣйкинъ остался во главѣ баталіона и впослѣдствіи палъ смертью храбрыхъ, уже во главѣ Корниловскаго полка.

Генералъ Корниловъ, вопреки необходимости и здравому смыслу, повелъ свою армію, т. е. горсточку русскихъ офицеровъ, юнкеровъ и мальчиковъ кадетъ черезъ бушующую какъ море Кубань къ ея столицѣ Екатеринодару. Велъ онъ бѣдныхъ офицеровъ большими переходами, по открытымъ степямъ, не считаясь ни съ силами, ни съ жизнями своихъ подчиненныхъ, къ чуждому имъ Екатеринодару, не давшему никакихъ рѣшительно стратегическихъ выгодъ для арміи. Генералъ Корниловъ преслѣдовалъ какую то свою, одному ему извѣстную, цѣль и пусть на память его одного и ляжетъ отвѣтственность за напрасно погубленныя молодыя жизни лучшихъ русскихъ людей. Миръ праху павшимъ моимъ соратникамъ, пришедшихъ на мой призывъ. Виновникомъ ихъ напрасно загубленныхъ жизней я себя не считаю.

14 февраля 1918 года въ станицѣ Хомутовской къ намъ присоединились ушедшіе изъ Новочеркасска 5 сестеръ милосердія и ветеринарный врачъ.

Вотъ разсказъ одной изъ пяти сестеръ милосердія А. И. Падчиной.

«Я пріѣхала на Донъ въ серединѣ января 1918 года и сразу попала въ Ростовъ, въ домъ Парамонова, гдѣ помѣщался штабъ Добровольческой арміи. Мнѣ назначили мѣсто за столомъ генерала Эльснера, который представлялъ санитарное управленіе. Въ первыхъ числахъ февраля я получила приказъ сопровождать поѣздъ съ раненными въ Новочеркасскъ (мой мужъ былъ на Таганрогскомъ фронтѣ въ отрядѣ полковника Киріенко). Когда мы пріѣхали съ раненными въ Новочеркасскъ, намъ отвели зданіе Епархіальнаго Училища, еще не приспособленнаго подъ госпиталь, и мы усердно принялись за устройство нашего госпиталя.

Городъ, городскія власти и жители очень отзывчиво отнеслись къ нашимъ нуждамъ, и мы надѣялись, что черезъ недѣлю нашимъ раненымъ будетъ хорошо и госпиталь будетъ образцовый. Но вотъ черезъ нѣсколько дней пріѣзжаетъ офицеръ изъ Ростова изъ штаба, и выдаетъ способнымъ двигаться раненымъ какія то деньги и совѣтуетъ имъ смы-

ваться подальше и уѣхалъ. Намъ сестрамъ ничего не было объявлено, а потомъ мы замѣтили, что и врачи наши куда то исчезли и въ городѣ настроеніе становилось все тревожнѣе. Мы узнали, что Ростовъ оставленъ. Мы поняли, что раненые почти всѣ Георгіевскаго полка, и мы сестры брошены по распоряженію штаба. И мы тогда по своему почину начали развозить тяжело раненныхъ по частнымъ домамъ — просто, какъ увидимъ хорошій домъ, то подъѣзжали, звонили и спрашивали, могутъ ли принять раненаго? Отказа не было и въ нѣсколько часовъ нашъ госпиталь былъ опять пустъ и мы тогда подговорили тѣхъ же извозчиковъ, на которыхъ мы развозили раненыхъ, угостивъ ихъ заранѣе разбавленнымъ спиртомъ, переправить насъ черезъ Донъ, а тамъ искать нашихъ. Мы погрузили перевязочный матеріалъ и отправились въ путь.

При выѣздѣ изъ Новочеркасска, у моста черезъ рѣченку Кривянку, насъ остановили красноармейцы, но мы были въ полной формѣ и мы имъ сказали, что ѣдемъ по станицамъ тифъ лѣчить и указали на перевязочный матеріалъ и они насъ свободно пропустили. Тяжела была переправа черезъ Донъ, вездѣ были полыньи и ледъ подъ нами трещалъ, а когда мы въ станицѣ останавливались, прося ночлега, то насъ сейчасъ же окружала толпа съ восклицаніями: «а, ростовскіе защитники, куда тикаете?» и на второй вечеръ насъ только и выручилъ одинъ старикъ, пригласивъ насъ войти къ нему согрѣться, потому что толпа уже начала грозно наступать на насъ. А главное, мы не знали, гдѣ наши, да и спросить нельзя было. Мы обыкновенно останавливались у батюшки, намъ приводили больныхъ, и пока нашъ ветеринаръ игралъ роль доктора, а сестры ему подсказывали, я знакомилась съ матушкой и черезъ нея старалась узнать, гдѣ наши.

Наконецъ намъ удалось добраться до станціи Хомутовки и остановились передъ кооперативомъ, и наши извозчики тоже уже не хотѣли насъ везти дальше. Когда мы увидѣли съ пригорка спускающуюся добровольческую часть, радость наша была велика. Но тутъ насъ привелъ въ себя окрикъ генерала Маркова, это онъ былъ въ авангардѣ, «ну, сестры, принимайте раненныхъ», мы увидѣли во дворѣ стогъ сѣна и соломы. Намъ открыли кооперативъ, онъ былъ пустъ и къ вечеру уже нѣсколько нужныхъ операцій было сдѣлано, и на полу, на соломѣ лежали довольные раненные, но... мы такъ и не добились перевозочныхъ средствъ: сказали, что завтра назначена тутъ дневка и тогда все устроится. А на утро, при разсвѣтѣ, вдругъ начался сильный обстрѣлъ станицы, поднялась паника и пустыя тачанки понеслись ми-

мо насъ; я попробовала ихъ остановить, но, конечно, напрасно и я была въ отчаяніи и вдругъ вижу, что въ экипажѣ ѣдетъ генералъ Эльснеръ и я моментально вскочила на подножку экипажа, схватила его за руку и закричала: «въ Новочеркасскѣ вы насъ бросили съ ранеными и здѣсь вы хотите насъ также бросить?! Останавливайте тачанки, чтобы мы могли скорѣе погрузить раненныхъ, у насъ ихъ 30 человѣкъ». Генералъ сейчасъ же остановилъ экипажъ и остановилъ эти несущіеся подводы и мы быстро погрузили всѣхъ раненныхъ, мой мужъ нашелъ меня и мы благополучно дошли до слѣдующей остановки».

Передъ выходомъ изъ Ростова до меня дошли свѣдѣнія о Семьѣ Государя Императора Николая II, о переселеніи Ихъ въ Екатеринбургъ, о плохомъ содержаніи и грозящей Имъ опасности. А почему генералы Алексѣевъ, Корниловъ и Деникинъ повели насъ на совершенно ненужный Екатеринодаръ, а не повели на роковой Тобольскъ и Екатеринбургъ, почему? Да потому, что это явилось бы отказомъ отъ «учредилки», слѣпыми и неразумными слугами которой они были. И ихъ трехъ оказалось достаточнымъ для гибели Царской Семьи и Россіи, и гибели Добровольческой арміи, а главное гибели православной церкви.

Нѣсколько дней я находился подъ впечатлѣніемъ этого жуткаго извѣстія и въ первый спокойный день, подъ вечеръ, я собралъ выѣхавшихъ со мной изъ Кіева вѣрныхъ офицеровъ 14 человѣкъ и сообщилъ имъ имѣвшіяся у меня свѣдѣнія о положеніи Государя и Его Семьи. Всѣ высказались за мое предложеніе, что надо попытаться спасти Государя и Его Семью и что всѣ пойдутъ со мной, чтобы имъ не угрожало. И тутъ же былъ набросанъ приблизительный планъ: набрать 50 охотниковъ, пристроиться къ авангарду колонны и когда въ бою съ большевиками они по обыкновенію побѣгутъ въ безпорядкѣ, то снявъ съ убитыхъ большевиковъ ихъ одежду и овладѣвъ ихъ документами, подъ видомъ одного изъ многихъ большевицкихъ отрядовъ, пробраться въ калмыцкія степи и черезъ нихъ въ Сибирь, дѣйствуя по обстоятельствамъ то какъ красные, то какъ бѣлые, и прибывъ въ Екатеринбургъ уже на мѣстѣ составить планъ освобожденія Царской Семьи. Поздно вечеромъ я, подполковникъ Святополкъ-Мирскій и еще три изъ моихъ офицеровъ пошли къ генералу Алексѣеву и сообщили ему, что мы рѣшили отправиться на спасеніе Государя и просили его указаній. Генералъ Алексѣевъ задумался и затѣмъ сказалъ, что онъ не можетъ

дать свое разрѣшеніе на это очень опасное и ненужное дѣло по причинѣ, что жизни Царской Семьи ничего не угрожаетъ, — тамъ уже находится посланный отрядъ гвардейскихъ офицеровъ и чиновъ конвоя для спасенія Государя и что мы, не зная другъ друга и не узнавъ по формѣ, которую, конечно, придется снять, можемъ неожиданно столкнуться, произойдетъ братоубійство и мы не только другъ другу помѣшаемъ, но все это станетъ извѣстно большевикамъ и тогда, дѣйствительно, — здѣсь генералъ Алексѣевъ, съ каждымъ словомъ указывая на меня пальцемъ, продолжалъ:« гибель Государя ляжетъ на вашу совѣсть». И тутъ я совершилъ еще одну роковую ошибку, повѣривъ генералу Алексѣеву, котораго всѣ считали, въ противоположность генералу Корнилову, монархистомъ и вѣрнымъ Государю человѣкомъ. Страхъ погубить Государя и Его Семью рѣшилъ все. Мы не пошли.

Теперь я отлично понимаю, что спасеніе Государя не входило въ личные интересы генерала Алексѣева, и когда онъ задумался, то, полагаю, что въ его духовномъ взорѣ пронесся судъ и если не висѣлица, за клятвопреступленіе присяги, измѣну и предательство, несмываемый позоръ, лишеніе чиновъ, орденовъ, исключеніе изъ военной службы и каторга, и онъ вторично предалъ Государя, но уже на смерть.

Я и до сегодняшяго дня при встрѣчахъ распрашиваю военныхъ, а особенно гвардейскихъ офицеровъ, которыхъ много встрѣчалъ за время переселенія, но никто не слышалъ, «что тамъ, какъ сказалъ генералъ Алексѣевъ, уже находится посланный отрядъ гвардейскихъ офицеровъ и чиновъ конвоя для спасенія Государя».

Предавшій Императора, Алексѣевъ, пользуясь нашимъ полнымъ незнаніемъ какъ произошло отреченіе и какую роль игралъ онъ въ этомъ дѣлѣ, чтобы вырвать у Императора отреченіе, и зная и видя наше къ себѣ, Алексѣеву, полное довѣріе, какъ къ вѣрному своему Императору генерала, не допустилъ насъ пойти спасать Государя и всю Царскую Семью.

Знаю еще одну попытку идти спасать Царскую Семью: одному моему знакомому офицеру, назвать его фамилію я не уполномоченъ, я сообщилъ подробно о моей попыткѣ спасти Государя Императора и всю Царскую Семью. И тутъ выяснилось, что шпіонажъ у генерала Алексѣева поставленъ былъ широко, особенно гдѣ касалось Царской Семьи. Свое сообщеніе я послалъ знакомому офицеру въ 1952 г. въ связи съ Храмомъ-Памятникомъ въ Брюсселѣ и желаніемъ поставить въ этомъ

Храмѣ доску съ именемъ Корнилова. Отъ знакомаго офицера я получилъ интересный отвѣтъ, онъ написалъ, что у нихъ въ Полтавѣ передъ Пасхой 1918 года произошелъ точно такой же случай. Возлѣ губернатора Боговута сплотился кружокъ офицеровъ и они разрабатывали планъ спасенія Царской Семьи. И вотъ на засѣданіи, которое оказалось послѣднимъ, совершенно неожиданно вошелъ офицеръ и представился какъ адъютантъ генерала Алексѣева и сказалъ точно тѣ же слова, которыя самъ генералъ Алексѣевъ говорилъ намъ въ февралѣ въ походѣ. И они, повѣривъ генералу Алексѣеву, тоже не пошли. Да, безъ шпіоновъ, доносившихъ все генералу Алексѣеву, не обошлось и тутъ. А эти «русскіе», связанные со штабомъ генерала Алексѣева, вмѣсто того чтобы идти на фронтъ возстановить старую Императорскую Россію, предпочли грязную шпіонскую работу. Не удивительно, что при наличіи всего этого Добровольческая армія была разбита.

Вотъ какова подлинная фигура генерала Алексѣева, котораго непредрѣшенцы восхваляютъ и лживо защищаютъ. Очень жаль, что мой знакомый офицеръ, сообщая мнѣ полтавскую исторію, въ силу обстоятельствъ ему одному извѣстныхъ, не можетъ назвать свою фамилію.

Если бы генералы Алексѣевъ, Корниловъ и Деникинъ были дѣйствительно вѣрными присягѣ, завѣтамъ предковъ и Россіи, какъ ихъ теперь стараются выставить, то не должна ли была имъ придти въ голову такая же простая мысль, попробовать спасти Государя и Его Семью, какъ пришла мнѣ, тогда еще простому, молодому, но русскому офицеру.

Всѣ три главнокомандующіе были генеральнаго штаба и должны были до этого додуматься. И если даже допустить, что они по недомыслію, несмотря на свое академическое образованіе, этого не сообразили, то послѣ моего доклада генералу Алексѣеву о моемъ намѣреніи это попробовать, это оправданіе отпадаетъ. Я имъ далъ эту ненайденную мысль, но они не пожелали ее осуществить, а тогда осуществить ее было не трудно. Они предпочли танцевать впередъ и назадъ сначала по Кубанской, а затѣмъ по Донской области, безполезно губить лучшихъ людей, но не пошли на Екатеринбургъ, а этимъ движеніемъ на Екатеринбургъ они достигли бы три важныхъ цѣли: спасеніе Царской Семьи, соединеніе съ атаманомъ Дутовымъ и поддержку и соединеніе съ адмираломъ Колчакомъ.

Спасеніе Царской Семьи подняло бы вѣру крестьянъ и армія не была бы изолирована отъ русскаго народа-крестьянства, единственно вѣрнаго историческимъ завѣтамъ,

какъ она сама, эта армія себя не только изолировала, но поставила во враждебныя отношенія съ крестьянствомъ — единственной надежной опорой.

«Вожди» имѣли въ своемъ распоряженіи 5 мѣсяцевъ и это было много больше чѣмъ нужно, чтобы добраться до Екатеринбурга по желѣзной ли дорогѣ или на захваченныхъ волжскихъ пароходахъ. Въ первой половинѣ 1918 года воинскіе эшелоны легко и самоуправно ѣздили по желѣзнымъ дорогамъ и никто имъ не препятствовалъ. Прибыли же корниловцы въ Ростовъ, а позже съ Румынскаго фронта дроздовцы передъ Пасхой въ Новочеркасскъ. Въ Екатеринбургѣ же кромѣ охраны красногвардейцевъ, рабочихъ и немногихъ не желающихъ воевать солдатъ никакой другой силы не было. А вѣсть, что самъ Царь идетъ съ арміей воодушевила бы крестьянъ и на армію не смотрѣли бы какъ на какихъ то подозрительныхъ, невѣдомыхъ «кадетъ», видѣли бы въ ней свою старую русскую силу, идущую съ Царемъ спасать народъ, но это было противъ неразумнаго стремленія «вождей», желавшихъ стать историческими героями и они сознательно и преступно не пошли, предпочитая соціалистическую заслугу русской чести и славѣ.

XVI.

Съ тяжелыми, ненужными боями мы шли по Кубанской области. Почти каждую станицу брали съ боя, количество раненыхъ возрастало быстро. Обозъ съ ранеными тянулся на нѣсколько верстъ, впереди обоза, справа, слѣва и съ тыла шли боевыя части, которымъ приходилось утопать въ размокшемъ черноземѣ и измореннымъ до предѣла, съ боемъ занимать станицы для ночлега. Только высокій духъ, доблесть и жертвенный подвигъ первыхъ добровольцевъ могъ вынести эту тяжесть. Бывали случаи, что измученные до отказа люди на остановкахъ присаживались въ сторонкѣ и засыпали, большинство потомъ нагоняло своихъ, но нѣкоторые безслѣдно исчезали.

Генералъ Корниловъ не жалѣлъ достойнѣйшихъ и честнѣйшихъ людей, людей не примирившихся съ безчестіемъ Отечества; онъ упрямо и упорно велъ крошечную армію, постепенно превращающуюся въ санитарный обозъ, по большимъ дорогамъ и чуть не каждый день съ боемъ и кровавыми потерями занималъ станицы для ночлега. Его военный

«геній» не смогъ додуматься посадить армію на подводы, идти боковыми дорогами, обходить станицы и ночевать на подводахъ. Тогда бы и неутомленные люди успѣшнѣе и легче бы выносили не столь частые бои и не было бы такихъ безсмысленныхъ и огромныхъ потерь. Смогъ же генералъ Алексѣевъ и Деникинъ, послѣ тяжелыхъ, неудачныхъ и ненужныхъ боевъ генерала Корнилова за Екатеринодаръ, додуматься и посадить всю армію на подводы и идти проселочными дорогами, благодаря чему боевъ почти не было, не было и потерь. Но надо быть справедливымъ и поставить генералу Корнилову въ заслугу, что въ походѣ онъ не бросилъ ни одного раненаго, тогда какъ генералы Алексѣевъ и Деникинъ, послѣ пораженія у Екатеринодара, въ ст. Новоелизаветинской, бросили на гибель всѣхъ раненыхъ, какъ бросили ихъ и въ Новочеркасскѣ, а также что генералъ Корниловъ не щадилъ и себя самаго и лично руководилъ боями, ослаблявшими насъ. Намъ приходилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Пополненіе изъ казаковъ стекалось очень мало и неравенство силъ съ окружающими насъ массами красныхъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ боемъ возрастало. Нужно признать, что и боеспособность нашихъ частей постепенно уменьшалась, вслѣдствіе чрезмѣрной усталости и потери опытныхъ и смѣлыхъ бойцовъ, всегда гибнущихъ первыми.

Красные же стали уже не похожи на ихъ первыя неорганизованныя банды. Троцкій суровыми мѣрами и очень толково создалъ изъ этихъ бандъ регулярное войско, ставившееся все болѣе и болѣе боеспособнымъ. Неоднократно наша армія испытывала острые моменты, когда всѣ, даже и раненые, должны были оставлять обозъ и образуя изъ себя какъ бы подходящій сильный резервъ къ боевой линіи, принуждать красныхъ къ отступленію. Особенно упорный бой пришлось вести арміи передъ станицей Кореновской, эта громадная станица, вѣрнѣе городъ, была окружена заранѣе вырытыми окопами и у красныхъ имѣлся на путяхъ бронепоѣздъ. Бой уже велся нѣсколько часовъ, но красные упорно держались. Пришлось сосредоточить весь громадный обозъ въ маленькую лощинку, чтобы использовать и прикрывающій обозъ арьергардъ для поддержки атакующихъ станицу частей. Наконецъ, красные дрогнули и мы ворвались въ станицу Кореновская, гдѣ генералъ Корниловъ назначилъ дневку и собралъ казачій сборъ у станичнаго управленія.

Я, подполковникъ Святополкъ-Мирскій, его братъ корнетъ Анатолій и еще нѣсколько добровольцевъ, пожертво-

вавшихъ своимъ отдыхомъ, пошли послушать генерала Корнилова. Генералъ Корниловъ вышелъ на крыльцо откуда обратился къ казакамъ съ призывомъ идти бороться за добытую «свободу», что армія совершенно не монархическая и не кадетская, какъ ее называютъ. Казаки молчали и къ намъ не пошли. Въ концѣ краткой рѣчи генерала Корнилова, я услышалъ поразившія меня, хвастливо подлыя и лживыя слова, брошенныя имъ въ толпу и запечатлѣвшіяся у меня навсегда. «Я имѣлъ счастье арестовать Царскую Семью и Царицу измѣнницу». Генералъ Корниловъ закончилъ, заявивъ, что онъ очень занятъ и вмѣсто него будетъ говорить его «ближайшій помощникъ и лучшій другъ матросъ Баткинъ».

Я и Святополкъ-Мирскій были возмущены до глубины души словами генерала Корнилова, обласканнаго выше мѣры Царской Семьей, награжденнаго орденомъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія 3-ей степени, который надѣлъ на него самъ Государь. И послѣ этого генералъ Корниловъ публично поносилъ Царскую Семью.

Мы ушли и не стали слушать всѣми ненавидимаго Баткина. Этотъ Баткинъ по виду инородецъ, а потому, вѣроятно и не Баткинъ и не матросъ, но по словамъ генерала Корнилова его лучшій другъ и ближайшій помощникъ, игралъ какую то странную роль при штабѣ генерала Корнилова. Штабъ верховнаго главнокомандующаго — не мѣсто для друзей или знакомыхъ и чины его должны имѣть свое назначеніе и строго опредѣленныя обязанности. Спрашивается чѣмъ же былъ этотъ Баткинъ и почему онъ былъ принятъ въ штабъ генерала Корнилова? Корниловъ по своему происхожденію казакъ и пожилой человѣкъ, значитъ этотъ Баткинъ не могъ быть ни другомъ дѣтства и не родственникомъ генерала, остается только предположить, что онъ былъ надзирающимъ окомъ, прикомандированнымъ къ генералу Корнилову политической партіей для наблюденія, а потому Корниловъ его съ собой и таскалъ и ставилъ его выше генераловъ, составлявшихъ штабъ. Этотъ матросъ Баткинъ, немедленно куда то скрылся послѣ смерти Корнилова. При генералѣ Деникинѣ о немъ уже не было ни слуху, ни духу.

Отдохнувъ въ Кореновской, снова съ безпрерывными, тяжелыми боями мы двигались впередъ и впередъ на Екатеринодаръ.

Хотя при штабѣ генерала Алексѣева было въ Ростовѣ организовано очень много различныхъ учрежденій и отдѣ-

ловъ, а также и интенданство, армія кормилась собственнымъ попеченіемъ, т. е. иными словами, грабила все необходимое для своего питанія отъ мѣстныхъ жителей, это имѣло очень печальное послѣдствіе, такъ какъ съ одной стороны пріучало къ грабежу, а съ другой обижало мѣстное населеніе и создавало изъ нихъ враговъ, а не доброжелателей.

Армія двигалась впередъ все съ большимъ и большимъ трудомъ пробивая себѣ дорогу среди окружавшихъ ее кольцомъ красныхъ частей. Драться уже приходилось не съ красногвардейцами, а съ разложившимися «сознательными» частями, бросившими Кавказскій фронтъ.

Наконецъ, въ самомъ разгарѣ очень упорнаго боя, подъ какой то станціей, нашъ боковой разъѣздъ встрѣтился съ отрядомъ генерала Покровскаго, двигавшагося на выстрѣлы на соединеніе съ нами и вышедшаго на присоединеніе къ намъ изъ Екатеринодара, гдѣ невозможно было имъ больше держаться. Ликованіе было обоюдное, такъ какъ оба отряда въ отдѣльности были слишкомъ слабы, тогда какъ соединившись уже представляли изъ себя кое что способное къ дальнѣйшимъ предстоящимъ операціямъ. Съ отрядомъ Покровскаго ѣхало и Кубанское краевое правительство такъ называемая Кубанская Рада и спасшіеся изъ Петрограда нѣкоторые члены государственной думы со своимъ предсѣдателемъ предателемъ Родзянко, сыгравшимъ такую гнусную роль въ принужденіи Государя Императора къ отреченію отъ престола.

На совѣщаніи какъ соединяться Кубанская Рада гордо пыталась отстаивать свои верховныя права на «демократическихъ, сознательныхъ» основахъ, но генералъ Корниловъ, наученный уже Керенскимъ, не сдѣлалъ ошибки и поддержанный генераломъ Покровскимъ, объявилъ себя верховнымъ главнокомандующимъ безъ права вмѣшательства рады.

Генералъ Покровскій, какъ и я, тоже не зналъ скрытой, преступной роли вождей и вынужденъ былъ подчиниться сбѣжавшимся на Донъ спасаться «вождямъ».

Генералъ Корниловъ повелъ армію на совершенно тогда ей ненужный и опасный Екатеринодаръ, потому что кубанское казачество и населеніе тогда еще не вкусило всей прелести большевиковъ. Послѣ очень тяжелаго перехода, пришлось двигаться и ночью, армія подошла къ ближайшей къ Екатеринодару станицѣ Елизаветинской, переправившись черезъ полноводную въ это время Кубань, мы безъ боя заняли станицу, въ которой размѣстили своихъ раненыхъ и и обозъ, а строевыя части, послѣ короткаго отдыха, были брошены генераломъ Корниловымъ на штурмъ города. Го-

родъ защищалъ красный главковерхъ Кавказскаго фронта, бывшій прапорщикъ Сорокинъ, съумѣвшій сосредоточить у себя армію приблизительно до сорока тысячъ бойцовъ съ многочисленной тяжелой артиллеріей, которой у Корнилова совершенно не было. Наши части съ налета овладѣли садами, окружавшими городъ, но дальше продвинуться не могли и первый штурмъ выдохся. Становилось до очевидности ясно, что этотъ орѣхъ намъ не по зубамъ и мы его не разгрыземъ, но тѣмъ не менѣе генералъ Корниловъ приказалъ повторить штурмъ на другой день, этотъ второй штурмъ былъ чрезвычайно тяжелый. Добровольцы понесли въ этотъ день очень тяжелыя потери, между прочимъ былъ убитъ и любимецъ Корнилова Нѣженцевъ. Составъ нашей арміи уменьшился наполовину и къ вечеру совершенно истомленныя войска не достигли никакихъ существенныхъ успѣховъ. Ясно было рѣшительно всѣмъ, что упрямство Корнилова погубитъ всѣхъ еще оставшихся въ живыхъ, но тѣмъ не менѣе генералъ Корниловъ приказалъ готовиться къ третьему штурму. Тутъ провидѣніе спасло насъ: разорвавшимся снарядомъ генералъ Корниловъ былъ убитъ въ домѣ, расположенномъ на берегу Кубани, на виду у красныхъ.

Черезъ часъ послѣ смерти генерала Корнилова генералъ Деникинъ, смѣнившій убитаго вождя, уже приказалъ готовиться къ отступленію отъ Екатеринодара и отдалъ для этого необходимыя распоряженія. По приказанію новаго главнокомандующаго генерала Деникина армія въ первый разъ за все время похода оставила въ станицѣ Елизаветинской своихъ раненыхъ соратниковъ. Долженъ отмѣтить, что этотъ приказъ былъ встрѣченъ въ полкахъ съ возмущеніемъ, оставить своего брата, друга и соратника на издѣвательства и мученія краснымъ не согласуется съ воинскимъ духомъ, кромѣ того это оставленіе раненыхъ сильно понижало духъ войскъ, такъ какъ стали опасаться раненій и быть брошенными на смерть.

Армія, вѣрнѣе, ея остатки, были посажены на повозки и быстрыми переходами, безпрестанно мѣняя направленія и избѣгая большихъ станицъ, двинулась назадъ, подальше отъ Екатеринодара, къ которому такъ упорно пробивались. Генералъ Деникинъ умѣло избѣгая боевъ съ красными, вывелъ армію изъ кольца массы красныхъ, сосредоточенныхъ главкомомъ Сорокинымъ вокругъ Екатеринодара. Армія двинулась опять на Донъ, куда для развѣдки былъ посланъ небольшой конный отрядъ подъ командой генеральнаго штаба полковника Патронова, который благополучно пробрался въ Донскую область и немедленно же вернулся и встрѣтилъ насъ въ переходѣ отъ ея границы. Новости, привезенныя

полковникомъ Патроновымъ, были самыя утѣшительныя. Донскіе казаки, ознакомившись на собственной шкурѣ съ прелестями коммунизма, почти поголовно возстали и почти полностью очистили свои станицы отъ товарищей большевиковъ. Новочеркасскъ занятъ пришедшимъ съ Румынскаго фронта отрядомъ полковника Дроздовскаго, кстати сказать, моего одноклассника и друга по Владимірскому Кіевскому Кадетскому Корпусу. Главное особо радостное извѣстіе для арміи, видѣвшей себя, чуть ли не съ первыхъ дней ея существованія, окруженной или врагами или недоброжелателями, что донцы послали на Кубань выборныхъ (делегацію) съ приказаніемъ отыскать отрядъ генерала Корнилова и звать его на Донъ, обѣщая ему всемѣрную поддержку. Двигаясь уже къ опредѣленной цѣли къ границѣ Донской области эти выборные встрѣтили насъ и подтвердили все, уже намъ извѣстное отъ полковника Патронова. Армія перешла изъ Кубанской въ Донскую область въ Святую ночь Воскресенія Христова. Въ первой же станицѣ были встрѣчены колокольнымъ звономъ и почетные казаки въ полной формѣ съ погонами и орденами на груди преподнесли генералу Алексѣеву хлѣбъ-соль и просили его помочь имъ выбросить изъ донской земли всю красную нечисть, затѣмъ вошли въ церковь и отстояли пасхальную службу. 2-го мая 1918 г. пришли въ станицу Мечетинскую, гдѣ и расположился генералъ Алексѣевъ.

Походъ, названный потомъ первымъ и ледянымъ, былъ оконченъ.

XVII.

Если вначалѣ мой Георгіевскій полкъ изъ трехсотъ человѣкъ могъ задерживать почти мѣсяцъ армію Сиверса, и если бы «верховные вожди» побѣжали спасаться не на Донъ, а въ другую сторону, напримѣръ, въ близкую имъ по духу республиканскую Францію и насъ не надули вторично, то мы бы безъ адъютантовъ, ячеекъ и десятковъ разныхъ отрядовъ, сплотившись въ одинъ кулакъ, продержались и даже отогнали бы Сиверса и, конечно, дождались бы полковника Дроздовскаго съ его отрядомъ, а тамъ принудительная мобилизація одного Ростова дала бы десятки ты-

сячъ молодыхъ людей и въ іюнѣ 1918 года въ Россіи былъ бы порядокъ и спокойствіе и Императоръ Николай II продолжалъ бы войну.

Но Господь Богъ судилъ иначе. Его святая воля.

Невольно задаешь вопросъ: зачѣмъ же были эти сверхчеловѣческія наши усилія, кому и зачѣмъ понадобилось столько загубленныхъ молодыхъ жизней офицеровъ и юношей, чтобы въ результатѣ опять вернуться въ мѣста откуда мы вышли. Вѣдь ушедшіе въ сальскія степи казаки всего этого избѣжали, почему же Корнилову понадобился такъ не взятый имъ Екатеринодаръ, когда уйдя вмѣстѣ съ казаками мы бы избѣжали этихъ совершенно напрасно понесенныхъ жертвъ? Недомысліе ли генерала, или его намѣреніе замѣнить составъ его войскъ состоящихъ на 90% изъ монархически настроенныхъ офицеровъ, болѣе революціонно настроеннымъ кубанскимъ казачествомъ?! Строгій приказъ, запрещавшій въ рядахъ арміи какія либо монархическія проявленія и полная свобода всякой соціалистической рвани, вродѣ матроса Баткина, устраивать митинги и говорить на нихъ по станицамъ, заставляютъ склоняться къ переходящей изъ устъ въ уста между офицерами фразѣ, будто бы сказанной Корниловымъ въ отвѣтъ на уговоры отказаться отъ третьяго штурма Екатеринодара — «вы говорите, что Добровольческая армія вся умретъ! Ну такъ что же? зато взявъ столицу кубанскаго войска я (Корниловъ) привлеку на свою сторону всѣхъ казаковъ и съ ними завоюю всю Россію».

Слава Богу, случайная, разорвавшаяся граната убрала упорнаго, страшнаго вождя.

Изъ станицы Мечетинской я поѣхалъ въ Кіевъ. Генералъ Алексѣевъ поручилъ мнѣ посмотрѣть, что дѣлается въ Кіевѣ и повидать гетмана Скоропадскаго и попросить его, чтобы онъ для насъ и для начавшей формироваться арміи генерала отъ инфантеріи Иванова, которая открыто была монархической, присылалъ боевую амуницію. Генералъ Деникинъ боевую амуницію для юго-западной арміи генерала Иванова, находившейся на воронежскомъ направленіи, не выдавалъ, чѣмъ и принудилъ, послѣ скорой смерти генерала

Иванова, его замѣстителя перейти въ армію генерала Деникина.

Въ Кіевѣ я ничего утѣшительнаго не узналъ, по улицамъ ходили бывшіе русскіе офицеры съ русскими орденами, имѣя «украинско-галиційскіе» погоны въ видѣ восьмерки. Ко мнѣ подошелъ «украинскій» офицеръ и сказалъ, что въ ихъ украинскомъ государствѣ нельзя ходить въ русской формѣ, а я его спросилъ: «зачѣмъ же вы одѣли наши русскіе ордена?» Онъ сконфузился и сказалъ, что онъ комендантскій адъютантъ и ему такъ приказано. Я спросилъ его гдѣ находится комендантское управленіе и по указанному имъ адресу пошелъ туда. Сравнительно молодой комендантъ имѣлъ на себѣ ордена включительно до Владиміра 4-ой степени. Я ему заявилъ жалобу на нетактичность его адъютанта и сказалъ: «вотъ и вы носите русскіе царскіе ордена и ихъ не снимаете, такъ почему же я, пріѣхавъ на родину, въ мой родной Кіевъ и въ свое русское государство, изъ Добровольческой арміи по приказу генерала-адъютанта Алексѣева къ генералу Скоропадскому, долженъ прятаться и одѣвать штатское платье?» Комендантъ былъ тоже смущенъ и сказалъ: «не обращайте вниманія, теперь такое смутное время, что ничего нельзя понять». Тутъ въ нашъ разговоръ вмѣшался старый артиллерійскій полковникъ, фамилію его къ сожалѣнію забылъ, который служилъ въ 33-ей артиллерійской бригадѣ въ Кіевѣ и я его зналъ, — онъ сказалъ: «въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не суйся», на что я отвѣтилъ, что этотъ монастырь мое родное государство, а съ нимъ, самостійникомъ, говорить я не желаю. Комендантъ обратился къ этому самостійнику, сказавъ: «прошу не вмѣшиваться въ мой разговоръ». Задавъ мнѣ еще нѣсколько вопросовъ о Добровольческой арміи комендантъ проводилъ меня изъ кабинета до выхода на улицу.

Единственное, что было отрадно видѣть, это пріѣздъ къ гетману Скоропадскому выбранныхъ крестьянъ отъ всей Малороссіи съ просьбой, чтобы всѣ распоряженія, которыя имъ присылаютъ, были написаны по русски, а не по «украински», какъ имъ до сихъ поръ высылались, потому что «украинскаго-галичанскаго» языка они не понимаютъ.

Вернувшись, я не смогъ увидѣть генерала Алексѣева, онъ былъ очень боленъ и врачъ никого къ нему не пускалъ.

Еще по пути изъ Кіева я рѣшилъ оставить армію Деникина и перейти въ монархическую армію генерала отъ инфантеріи Иванова.

Я отправился въ штабъ, гдѣ и получилъ нижеслѣдующее удостовереніе:

Прохожденіе службы Полковника Киріенко ИванаКасьяновича:

6-го ноября 1917 года съ частью офицеровъ 1-го Георгіевскаго Запаснаго полка изъ Кіева прибылъ въ г. Новочеркасскъ и съ вѣдома генерала Каледина началъ формировать 1-й Георгіевскій полкъ.

21-го ноября участвовалъ въ бою подъ Нахичеванью.

28-го 29-го ноября участвовалъ съ полкомъ во взятіи гор. Ростова н/Д.

14-го января 1918 года выступилъ съ полкомъ на позицію на Екатериненскую ж. д. (Таганрогскій округъ).

15-го января участвовалъ съ полкомъ въ бою у ст. Неклиновка.

16-го января 1918 года ст. Ряженово.

17-го января взятіе ст. Матвѣевъ-Курганъ.

21-го января занялъ ст. Закадычное.

22-го января въ бою у ст. Матвѣевъ-Курганъ.

28-го января въ бою у ст. Синявской.

9-го февраля 1918 г. въ бою у гор. Ростова н/Д.

9-го февраля съ полкомъ выступилъ въ походъ.

12 февраля 1918 года остатки полка были влиты въ Корниловскій полкъ.

Печать:
Штабъ
Добровольческой арміи.
31 октября
1918 г.

Правильность прохожденія службы полковникомъ Киріенко свидѣтельствую
Дежурный Генералъ
Генералъ-Майоръ Трухачевъ.
Начальникъ инспекторскаго отдѣленія Капитанъ Яценко.

Этотъ документъ я сохраняю въ оригиналѣ и имѣю завѣренную копію, засвидѣтельствованную архимандритомъ Антоніемъ (нынѣ епископъ Женевскій).

Ввиду того, что въ ноябрѣ 1917 г. еще никакой Добровольческой арміи, а значитъ и штаба ея и верховнаго главнокомандующаго еще не было (генералъ Алексѣевъ жилъ въ вагонѣ), а были только я и часть моихъ офицеровъ и солдатъ 1-го Георгіевскаго Запаснаго полка, то прохожденіе моей службы было составлено впослѣдствіи

и имѣются пропуски нѣкоторыхъ важныхъ событій въ дѣйствіяхъ моего 1-го Георгіевскаго полка: въ первой строкѣ послѣ слова офицеровъ должно стоять и солдатъ 1-го Георгіевскаго полка, прибывшихъ со мной.

Въ перечисленіи боевъ передъ «21-го ноября...» пропущено:

15-16-го ноября 1917 г. ночью разоружилъ и удалилъ изъ Новочеркасска 2 пѣх. запасныхъ малаго состава полка на Хотункѣ.

18-19-го ноября совмѣстно съ проводниками отъ юнкеровъ казаковъ подъ командой поручика Тимофеева, сдѣлали набѣгъ ночью же на Лежанку. Захватили два орудія, денежный ящикъ и экипажъ. Орудія — первая наша артиллерія, денежный ящикъ сдали генералу Каледину, экипажъ оставили для полка. Это была батарея 39 артиллерійской бригады въ Лежанкѣ.

Все остальное хотя и очень сжато, но правильно изложено.

Подтвержденіе, что главнокомандующаго и штаба въ ноябрѣ и декабрѣ еще не было, видно изъ отвѣта генерала Алексѣева генералу Деникину, пріѣхавшаго въ декабрѣ 1917 года и просившаго издать, какъ отъ верховнаго главнокомандующаго, приказъ военнослужащимъ собираться въ Добровольческую армію. Генералъ Алексѣевъ отвѣтилъ, какъ пишетъ ген. Деникинъ въ своихъ «Очеркахъ русской смуты», что онъ (ген. Алексѣевъ) этого сдѣлать не можетъ, такъ какъ не имѣетъ для этого средствъ.

Съ удостовѣреніемъ, полученнымъ изъ штаба, я поѣхалъ къ генералу отъ инфантеріи Иванову узнать, что и какъ тамъ. Армія генерала Иванова была небольшая.

Возвращаясь я думалъ по дорогѣ, какъ бы мнѣ вырвать остатки моихъ георгіевцевъ изъ Корниловскаго полка и съ ними уйти къ генералу Иванову. На другой день по пріѣздѣ въ Новочеркасскъ меня свезли въ лазаретъ — я заболѣлъ сыпнымъ тифомъ. За время моей долгой болѣзни умеръ генералъ Ивановъ, а его замѣститель перешелъ въ армію генерала Деникина.

Господь судилъ иначе — Его святая воля.

XVIII.

«Іуда былъ, разбойникъ былъ,
тебя лишь только не хватало».
С. Есенинъ.

Вотъ эти то «тебя» и окружили незадачливаго «вождя» Деникина неприступной стѣной.

Большевики, родные братья прогрессивныхъ предателей февралистовъ, систематически продолжали начатое Керенскимъ уничтоженіе офицеровъ-золотопогонниковъ, жандармовъ и городовыхъ, которые были опорой трона и порядка, замѣнивъ ихъ милиціей. Вотъ стоитъ на перекресткѣ милиціонерка-революціонерка, стоитъ съ винтовкой въ рукѣ, отстранивъ подальше дуло винтовки, чтобы она не выстрѣлила, а городовые погибли въ неравной борьбѣ.

ГОРОДОВОЙ.

Городовой! Какъ звучно это слово,
Какая власть, какая сила въ немъ,
Ахъ, я боюсь, спокойствія былого
Мы безъ тебя отчизны не вернемъ!

Мечтой небесъ, миражемъ чудной сказки,
Опять встаетъ знакомый образъ твой.
И вижу я, что безъ твоей указки
Намъ не пройти житейской мостовой.

Гдѣ бъ не былъ ты, — ты былъ всегда на мѣстѣ,
Всегда стоялъ ты грозно впереди,
Въ твоихъ очахъ, въ твоемъ державномъ жестѣ,
Одинъ былъ знакъ: «подайся, осади»!»

Бранился ль я съ неугомоннымъ Ванькой,
Иль ночью брелъ по улицѣ съ трудомъ,
Не ты ль мнѣ былъ защитникомъ и нянькой?
Не ты ли мнѣ указывалъ мой домъ?

Прекрасенъ видъ возставшаго народа,
Волнуютъ грудь великія дѣла,
Но безъ тебя и самая свобода
Взволнованному сердцу не мила!

О, появись! Съ багрово-краснымъ ликомъ,
Съ медалями, крестами на груди,
И обойдя всю Русь съ могучимъ крикомъ:
«Куда ты прешь?! Подайся. Осади!»

А какъ наша «интеллигенція» высмѣивала ненавистныхъ имъ городовыхъ. Я еще былъ кадетомъ въ Кіевѣ, но помню, какъ сейчасъ: въ маленькой и, конечно, лѣвой газетѣ

картинку: «ночь, луна, двѣ пересѣкающіяся улицы, будка — это деревянные домики, гдѣ жили на каждомъ участкѣ города свои городовые —и стихи:

изъ проулка крикъ несется караулъ — разбой,
а надъ будкой греза вьется — спи, городовой».

А отсюда выводъ: «Какъ не приманчива свобода —
Но для народа,
Не меньше гибельна она
Когда разумная ей мѣра не дана».

Передъ самымъ крушеніемъ Россіи наша обезумѣвшая, измѣнившая, предательская часть «передовой знати» и «интеллигенція» и старшій генералитетъ въ ставкѣ и въ С.-Петербургѣ стремились во всемъ подражать «прекрасной и благородной» Франціи, измѣнившей и предавшей своего спасителя, вѣрнаго союзника, Россію. О подражаніи отлично сказано въ статьѣ Г. Н. Тальберга «Государь въ родной средѣ», «Русская жизнь» 21/6 1958 года № 4135. Привожу выдержку изъ статьи:

«... Затѣмъ онъ (академикъ С. Ф. Платоновъ) сталъ говорить объ основателѣ полка (Преображенскаго) царѣ Петрѣ, какъ величайшемъ преобразователѣ, не имѣвшемъ въ мірѣ себѣ равнаго. Наслѣдникъ (Николай Александровичъ— сынъ императора Александра III) замѣтилъ: «Царь Петръ, расчищая ниву русской жизни и уничтожая плевелы, не пощадилъ и здоровые ростки, укрѣплявшіе народное самосознаніе. Не все въ до-Петровской Руси было плохо, не все на западѣ достойно подражанія».

Вотъ эти слова и дали толчекъ невѣдомымъ силамъ и нашимъ безсмысленнымъ подражателямъ ускорить во чтобы то ни стало революцію въ Россіи.

Привожу мало кому извѣстное стихотвореніе о памятникѣ Императору Александру III-му. Памятникъ Императору Александру III не разрушенъ, но на немъ выгравировано стихотвореніе Демьяна Бѣднаго:

Мой сынъ и мой отецъ при жизни казнены,
А я пожалъ удѣлъ безславья,
Торчу здѣсь пугаломъ чугунным для страны,
Навѣки свергнувшей ярмо самодержавья.

На другой день на томъ же памятникѣ была налѣплена бумага со слѣдующими стихами:

Отецъ мой далъ вамъ судъ гуманный,
Мой сынъ къ правленью васъ призвалъ;

И лучъ свободы долгожданной
При нихъ, пусть слабо, но сіялъ.

Но не во имя ли свободы
Вы лили кровь своихъ царей?
И вотъ теперь, въ безправья годы
На бѣдной родинѣ моей,

Свершивъ надъ ними судъ кровавый,
Чего жъ, народъ, добился ты?
Я ни свободы и ни славы
Не вижу въ царствѣ нищеты

И предъ тобой стою съ упрекомъ,
Твой царь, судьбы твоей страшусь,
Страна, покрытая позоромъ,
Великая, былая Русь!

XIX.

Съ очищеніемъ отъ красныхъ Донской области, а черезъ очень короткое время и Кубани, съ занятіемъ нѣмцами Ростова, штабъ арміи съ генералами Алексѣевымъ и Деникинымъ, имѣли наконецъ, обширную и богатую базу для формированія достаточно сильной арміи, могущей положить конецъ большевицкой анархіи. Но съ этой задачей эти генералы не справились, они стали разворачивать армію, по своему старому рецепту, формируя сразу уже не десятки, а сотни ячеекъ и полковъ, которые не спѣшили и до оставленія Россіи такъ и не закончили своихъ формированій. Ими было удѣлено слишкомъ много вниманія на организаціи всякихъ совершенно излишнихъ учрежденій и очень мало на формированіе, снабженіе и усиленіе дѣйствовавшихъ на фронтѣ частей. Изъ того, что мнѣ лично удалось видѣть, я утверждаю, что на одного бойца на фронтѣ приходилось не менѣе ста бездѣльниковъ въ тыловыхъ учрежденіяхъ.

Дѣйствующія на фронтѣ части принуждены были пополняться взятыми въ бояхъ плѣнными красноармейцами, изъ которыхъ вначалѣ получался довольно приличный боевой матеріалъ, но потомъ они увидѣли, что попали изъ огня въ полымя, такъ какъ наши части не снабжаемыя достаточно интендантствомъ, начали грабить и насильничать надъ жителями. Вслѣдствіе чего развивался произволъ, падала дисциплина и порядокъ въ воинскихъ частяхъ, стали или разбѣгаться по тыламъ, или добровольно опять переходить

къ краснымъ, изъ частей которыхъ они все же могли надѣяться вернуться въ родныя деревни, тогда какъ въ бѣлыхъ рядахъ они этой надежды не имѣли. Къ сожалѣнію долженъ подтвердить печальное явленіе, что бѣлая армія, руководимая старшими генералами, помѣнялась мѣстами съ красной, которая, руководимая фармацевтомъ Троцкимъ-Бронштейномъ, съ каждымъ днемъ становилась все болѣе дисциплинированной и хорошо снабженной, тогда какъ бѣлая все больше и больше стала походить на отдѣльныя банды, связанныя только повиновеніемъ своему атаману.

Штабъ «вооруженныхъ силъ Юга Россіи» сначала былъ въ Екатеринодарѣ, подальше отъ мѣста гдѣ стрѣляютъ и поближе къ морю, гдѣ и умеръ генералъ Алексѣевъ, и впослѣдствіи останки его были перевезены въ Бѣлградъ. Неисповѣдимыми путями Господа русская земля его не приняла.

Потомъ генералъ Деникинъ перешелъ въ Таганрогъ, гдѣ оставался до созданнаго имъ позорнаго конца.

Если взять теперешнее время и сложить всѣ министерства, парламенты, комиссіи, комитеты, оон, пакты и прочее, то въ общей сложности они меньше штаба генерала Деникина. Штабъ распухъ и представлялъ изъ себя чудо природы. Ни одно государство, ни одна армія въ мірѣ не имѣли столько учрежденій. Чего только не было! Рѣшительно все, что приносило зло, и только не было простого здраваго смысла. Особое совѣщаніе, всевозможные министры, неизвѣстно чего, комиссіи, подкомиссіи, совѣщанія, засѣданія, рѣшавшія какъ дѣлить шкуру еще не убитаго медвѣдя, отдѣлы снабженія никого, по крайней мѣрѣ на фронтѣ, не снабжавшіе, красные кресты различныхъ цвѣтовъ, а раненые на фронтѣ продолжали перевязываться сами, развѣдки и контръ-развѣдки, реабилитаціонныя комиссіи, формировочныя бюро, пропагандные отдѣлы. Выпускались деньги, знаменитые «колокольчики-единая, недѣлимая Россія» — гордо звенѣвшіе, но ничего не стоившіе и проч. и проч. Всѣхъ учрежденій я и не знаю, но знаю одно, что полезныхъ не было. Что же дѣлали эти всевозможныя учрежденія? А вотъ: особое совѣщаніе слушало, аплодировало и подчинялось Быховской программѣ и измѣнническимъ требованіямъ Струве и Милюкова, вмѣсто того, чтобы повѣсить ихъ, за ихъ участіе въ революціи.

Дѣятельность генерала Деникина: министры болтали, канцеляріи писали, — необходимое дѣло стояло, развѣдки и контръ-развѣдки грабили и разстрѣливали виновныхъ и невиновныхъ, снабженіе снабжало только себя и штабъ — цвѣтные кресты, красные, бѣлые и голубые больше занимались

своими коммерческими дѣлами, а на фронтѣ ихъ не было видно. Вывозили въ Константинополь тюки матеріи, а на фронтѣ ходили безъ рубахъ и подштанниковъ. Говорили въ Одессѣ: «всѣ мы ходимъ безъ подштанниковъ и мнѣ право все равно, правитъ нами генералъ Саниковъ или же мадамъ Эно».

Пропагандный отдѣлъ? Но за все время я видѣлъ только одинъ разъ малюсенькую газетку съ военной сводкой и ничего не говорящую, — да на станціи Харьковъ или Курскъ видѣлъ рамку подъ стекломъ съ налѣпленными совѣтскими деньгами и стихи: «обманули комиссары, кучу денегъ надавали, а теперь за эти знаки, ты не купишь и собаки». За добровольческіе «колокольчики» тоже ничего нельзя было купить, — вотъ и все, что мы видѣли отъ пропагандного отдѣла. Формировочное бюро? Тамъ стучали на машинкахъ молоденькія и хорошенькія барышни, но пополненій на фронтѣ, по старому обычаю генерала Деникина, полки не получали. Корпусъ генерала Кутепова пополнялся самъ, плѣнныхъ красноармейцевъ тотчасъ же ставили въ строй и крѣпко на крѣпко нашивали имъ погоны или рисовали ихъ чернильнымъ карандашомъ. Реабилитаціонныя комиссіи? Это было самое страшное и зловредное учрежденіе, выдуманное на наше горѣ тѣмъ же генераломъ Деникинымъ. Плѣнные офицеры, мобилизованные въ красную армію, вначалѣ охотно сдавались и переходили къ намъ, но вмѣсто того, чтобы обласкать ихъ и сразу поставить въ строй, ибо они уже достаточно вкусили коммунизма, генералъ Деникинъ приказалъ всѣхъ офицеровъ отсылать въ тылъ, гдѣ заработали реабилитаціонныя комиссіи и контръразвѣдки изъ тыловыхъ «героевъ».

Несчастныхъ, сдавшихся въ плѣнъ и перебѣжавшихъ къ намъ офицеровъ и даже старыхъ генераловъ мѣсяцами держали и мучили подъ слѣдствіемъ въ реабилитаціонныхъ комиссіяхъ, требуя доказательствъ о непринадлежности къ коммунистамъ, а гдѣ они могли достать, находясь въ плѣну, эти доказательства? И только служившій у Троцкаго генералъ Архангельскій, имѣвшій и раньше какія то связи съ Деникинымъ, перебѣжавъ къ намъ, былъ принятъ генераломъ Деникинымъ.

Это широко разнеслось. Умный Троцкій (Бронштейнъ) объявилъ объ этомъ по красной арміи и озлобленные офицеры перестали сдаваться, а стали упорно воевать. Въ нашемъ штабѣ былъ выработанъ и утвержденъ знакъ 1-го Кубанскаго похода и удостовѣреніе на знакъ. Вотъ копія выдававшагося удостовѣренія:

УДОСТОВѢРЕНІЕ

№ 689.

Въ воздаяніе воинской доблести и отмѣннаго мужества въ бояхъ и понесенныхъ безпримѣрныхъ трудовъ и лишеній въ первомъ Кубанскомъ походѣ, предъявителю сего

полковнику Ивану Касьяновичу Киріенко

выдано настоящее удостовѣреніе на право ношенія «Знака Отличія перваго Кубанскаго похода» 1-ой степени, что подписью съ приложеніемъ казенной печати удостовѣряю:

9 января 1919 года

г. Екатеринодаръ.

Основаніе: приказъ Добровольческой арміи 1918 г. № 499.

Дежурный генералъ
Штаба Главнокомандующаго
Добровольческой арміей,
Генералъ-Майоръ Трухачевъ.

Начальникъ Отдѣленія,
Полковникъ Яковлев. Печать.

И нигдѣ въ удостовѣреніи не напечатано: «генерала Корнилова походъ». Эту фальшивку уже въ эмиграціи самочинно вставляютъ ярые поклонники предателя.

Все, все было въ Добровольческой арміи генерала Деникина и не хватало лишь здраваго смысла и приличнаго управленія.

Всѣ тыловыя учрежденія и всѣ формировавшіяся въ тылу ячейки, отряды, полки, а также десятки тысячъ боеспособныхъ людей — болтали, предавались разгулу, пьянству, стрѣльбѣ въ ресторанахъ и широкому грабежу. Недаромъ сложилась поговорка: «подарокъ отъ благодарнаго населенія», а грабили все: золото, деньги, лошадей, экипажи, коровъ, зеркала, піанино, мебель, ковры, «голубыя гостинныя», женскія платья и такъ далѣе. Въ тыловыхъ городахъ царилъ сплошной развратъ, позоръ и ужасъ. Генералъ Деникинъ, окруженный министрами и такими лѣвыми людьми, какъ «знаменитый» предатель Петръ Струве, все это зналъ и видѣлъ, но молчалъ.

Грабежи перекинулись и на фронтъ, сначала на съѣстное, вѣдь войскамъ надо было ѣсть, а потомъ грабежи пошли и дальше; каждый полкъ таскалъ за собой два-три поѣзда, забивавшихъ станціи и нагруженныхъ всякой всячиной

до піанино и спирта включительно. Я лично видѣлъ въ поѣздѣ одного изъ полковъ «голубую гостинную» «даръ благодарнаго населенія», надѣлавшую въ Харьковѣ много шума.

Утверждаю я это такъ смѣло, потому что съ Харьковскаго періода, я былъ комендантомъ 1-го Корпуса генерала Кутепова, куда входили алексѣевская, корниловская, марковская и дроздовская дивизіи. Всѣ жалобы населенія проходили черезъ меня. Каждый день я получалъ жалобы о грабежахъ, докладывалъ генералу Кутепову онъ клалъ резолюціи и отъ его имени я разсылалъ грозныя приказанія, за которыя на меня очень обижались и даже пытались жаловаться. Не помогло. И вотъ однажды я получилъ сразу 20 жалобъ изъ разныхъ деревень о грабежахъ. Я пошелъ къ генералу Кутепову и настаивалъ, чтобы разстрѣлять трехъ уже извѣстныхъ главныхъ грабителей. Не называю именъ, потому что у меня нѣтъ документовъ. Генералъ Кутеповъ погибъ, а генералъ Деникинъ въ своихъ «Очеркахъ русской смуты» грабежъ замалчиваетъ.

Генералъ Кутеповъ на мои настоянія о разстрѣлѣ сказалъ, что онъ уже неоднократно доносилъ о грабежахъ генералу Деникину, но не получилъ никакого указанія, а сегодня же онъ будетъ настойчиво говорить съ нимъ. На другой день, когда я принесъ новую пачку жалобъ, генералъ Кутеповъ сказалъ, что генералъ Деникинъ не разрѣшилъ предать трехъ указанныхъ лицъ полевому суду, такъ какъ могутъ тогда взбунтоваться ихъ части и бросить фронтъ!? И этотъ человѣкъ серьезно думалъ, что онъ «вождь» арміи. Это отлично освѣщаетъ положеніе: армія, въ которой главнокомандующій боится своихъ же подчиненныхъ, уже не армія и на нее уже положиться и надѣяться нельзя.

Мы продолжали драться, а тыловой хаосъ и кавардакъ все разгорались. Населеніе же насъ встрѣчало цвѣтами, а провожало слезами и проклятіями. Вышелъ давно нужный приказъ генерала Деникина, въ которомъ, въ красивыхъ словахъ, онъ говорилъ о своемъ подчиненіи адмиралу Колчаку. Всѣ ждали и такъ должно бы было быть, что вооруженныя силы Юга Россіи возьмутъ направленіе для естественнаго соединенія съ адмираломъ Колчакомъ. Но генералъ Деникинъ предпочелъ растопырить свой кулачекъ и первымъ войти въ Москву.

XX.

Наконецъ, къ намъ въ Харьковъ изволилъ пожаловать генералъ Деникинъ. Городъ и дамы устроили ему торжественный пріемъ. Заканчивая свою красочную рѣчь генералъ Деникинъ гордо объявилъ: «сегодня я отдалъ моей арміи приказъ наступать на Москву». Всѣ обезумѣли и бросились къ генералу Деникину; дамы впереди всѣхъ. Одинъ генералъ Кутеповъ и я стояли унылыми, такъ какъ хорошо знали очень слабый составъ полковъ и уже потерю, по винѣ «вождей» того высокого нравственнаго духа, который былъ въ 1-омъ Кубанскомъ походѣ и мы знали, что каждый полкъ не превышалъ нормальнаго баталіона и ихъ изнуренность въ идущихъ бояхъ. Зналъ это не хуже и генералъ Деникинъ. Сдѣлавъ, какъ и генералъ Корниловъ, наполеоновскій шагъ, онъ, вмѣсто того, чтобы идти на соединеніе, а значитъ и подчиненіе къ адмиралу Колчаку, рѣшилъ первымъ войти въ Москву и... принявъ судьбоносное рѣшеніе, не остался какъ Кутузовъ у Бородина со своими войсками, а въ тотъ же день уѣхалъ назадъ въ Таганрогъ поближе къ морю, нарушивъ тѣсную и ближайшую связь съ войсками въ самую критическую минуту, а «два съ половиной человѣка» грозной нашей арміи дѣйствительно ринулись на Москву. Въ эту минуту русскій духъ вновь охватилъ армію и если бы Деникинъ остался при арміи, какъ Кутузовъ или Багратіонъ, то возможно, что Москва была бы взята, но въ Таганрогѣ былъ только ораторъ Деникинъ. Тылъ же «формировался», пилъ вино, стрѣлялъ въ ресторанахъ и танцевалъ танго.

Промелькнули Бѣлгородъ, Курскъ, Орелъ. За Орломъ все стало. Генералъ Мамонтовъ вернулся, или его почему то вернули, изъ своего коннаго набѣга, Кубанскія части, подъ вліяніемъ, къ прискорбію, не перевѣшанной рады, оставили фронтъ увозя домой добычу?!

Флангъ 1-го Корпуса генерала Кутепова былъ обнаженъ на 30 верстъ. Корниловскій полкъ, чтобы заполнить прорывъ, могъ послать только 100 человѣкъ. Войскъ больше не было никакихъ.

Армія начала не отходить, а покатилась къ морю. Адмиралъ Колчакъ, не поддержанный нами, связанный, какъ и Деникинъ, левымъ правительствомъ, также сталъ отходить. Генералъ Деникинъ и тутъ не съумѣлъ собрать свои формированія и остановить откатывающуюся армію, у которой не было никакихъ резервовъ, занявши позицію, на которую армія могла бы опереться.

Плѣнные красноармейцы, до сихъ вѣрно и хорошо дравшіеся, видя пораженіе, стали разбѣгаться.

Колокольчики перестали звенѣть, — ихъ никто не бралъ, а пропагандныя совѣтскія деньги все еще красовались на вокзалѣ. Благороднѣйшіе, жертвенные, лучшіе добровольцы гибли, напрасно отдавая свои жизни на фронтѣ, опутанные глупостью и подлостью тыла и безтолковостью самовлюбленнаго Деникина.

Какъ «учредилку» разогналъ пьяный матросъ Желѣзнякъ, такъ же легко сбросилъ въ морѣ генерала Деникина аптекарскій помощникъ Левъ Бронштейнъ-Троцкій.

XXI.

Вновь не вынесла душа русскаго позора и я кинулся къ генералу Кутепову прося разрѣшенія поѣхать впередъ въ Ростовъ и произвести тамъ принудительную мобилизацію. Генералъ Кутеповъ понялъ и далъ свое согласіе. Вызвали отъ полковъ корпуса пріемщиковъ. Пріѣхавъ въ Ростовъ, я занялъ подходящія помѣщенія и явочные пункты. Отпечаталъ приказъ о мобилизаціи мужчинъ отъ 18 до 35 лѣтъ, назначилъ три дня для явки, указавъ взять съ собой провизію на три дня и объявилъ, что черезъ три дня патрули будутъ обходить дома и всѣхъ не явившихся будутъ вѣшать на улицахъ. Городъ вновь затихъ. Полетѣли телеграммы ген. Деникину. Шкурники, тыловая рвань и богачи стали разбѣгаться. Ко мнѣ приходили какія то делегаціи, но я ихъ просто выгонялъ. Наканунѣ дня мобилизаціи утромъ прибылъ штабъ генерала Кутепова, а вечеромъ генералъ Кутеповъ получилъ черезъ ген. Архангельскаго отъ генерала Деникина, уже успѣвшаго переѣхать въ Новороссійскъ, приказаніе прекратить всякую самовольную мобилизацію. Великій человѣкъ былъ ген. Деникинъ — самъ все испортилъ и другимъ не далъ исправить его «непогрѣшимыя» ошибки. Мы тогда еще не знали роли трехъ «великихъ вождей» Алексѣева, Корнилова и Деникина, а потому дисциплина взяла верхъ и пришлось отмѣнить мобилизацію.

Мы покатились на Новороссійскъ. Армія опять ничего не понимала. Разные «вожди» перестали плясать, быстро укладывались и удирали за границу.

Пароходовъ нѣтъ. Почти всѣ повезли какіе то товары въ Константинополь.

Заранѣе, на всякій случай, имѣть пароходы, какъ это сдѣлалъ генералъ Врангель въ Крыму, ген. Деникинъ не рѣшился, онъ рѣшился остановить, еще могшую спасти положеніе, мобилизацію Ростова, но не рѣшился (!) остановить захватъ немногочисленныхъ пароходовъ разными министрами для вывоза «государственнаго имущества», а когда уже на пароходахъ распороли нѣкоторые тюки, то тамъ оказалась мануфактура — «даръ отъ благодарнаго населенія». Нѣкоторыя части (Кубанскій отрядъ), отходившія непрямо на Новороссійскъ, а по другимъ дорогамъ, остались на берегу и были брошены. Подъ штабъ генерала Кутепова и пулеметныя части достался угольщикъ «Роза» также загруженный разной домашней рухлядью, а для войскъ не оставалось мѣста. Я приказалъ все выбросить въ морѣ; надо было видѣть съ какой радостью офицеры швыряли за бортъ «голубыя гостинныя». Цвѣтные кресты показали себя не менѣе блестяще. Старшій врачъ Деникинскаго госпиталя, участникъ 1-го Кубанскаго похода, Садовскій въ Новороссійскѣ получилъ троекратное приказаніе отъ предсѣдательницы «бѣлаго креста» г-жи Митроѳановой, срочно погрузиться ему съ женой на пароходъ, гдѣ ему оставлена каюта?! Докторъ отвѣтилъ, что не броситъ ни раненыхъ, ни персоналъ. Тогда ему было приказано передать лежачихъ раненыхъ въ другой лазаретъ для эвакуаціи (былъ ли вывезенъ этотъ лазаретъ не знаю), а самому съ персоналомъ и лазаретнымъ имуществомъ грузиться на пароходъ. На запросъ доктора, какъ быть съ ходячими ранеными, никакого отвѣта не послѣдовало, вѣроятно, г-жа Митроѳанова поспѣшила уплыть. Докторъ Садовскій записалъ всѣхъ ходячихъ раненыхъ въ персоналъ и только такъ могъ ихъ погрузить. Вотъ тутъ, при всемъ творившемся кабакѣ, были бы умѣстны и правильны слова Милюкова: «что это — глупость или измѣна?»

Генералъ Деникинъ, по примѣру Керенскаго, бросаетъ свои «вооруженныя силы Юга Россіи», передаетъ разбитое корыто, по его собственной винѣ, генералу Врангелю и уѣзжаетъ въ Константинополь.

Генералъ Врангель, принявъ наслѣдство Деникина, пытается спасти положеніе, но уже поздно. Сражаться почти некому. Духъ арміи угасилъ Деникинъ. Мобилизаціи запоздали и ничего не даютъ, народъ спасается въ плавни. Кре-

стьяне говорятъ: «большевики грабили, Махно грабилъ и и бѣлые грабятъ, — не желаемъ».

Лоснящіяся рожи тыла давно въ Константинополѣ разбазариваютъ мануфактуру.

Въ Ѳеодосіи происходитъ характерный скандалъ: разгружаются прибывшіе изъ Новороссійска пароходы; сестры милосердія на ручныхъ вагонеткахъ перевозятъ лазаретъ, на этомъ же пароходѣ ѣхалъ какой то министръ и съ нимъ тюки, которые онъ называлъ «государственнымъ имуществомъ», но раненые досмотрѣли, что тамъ была мануфактура. И этотъ министръ Деникина, сойдя съ парохода, потребовалъ отъ сестеръ, чтобы они дали ему вагонетки для «государственнаго имущества». Сестры, не обращая вниманія на министра, продолжали перевозку, а одна сестра остановилась и стала объяснять министру, что вагонетки даны для лазарета и раненыхъ, на это министръ сказалъ: «вы дура, сестра». Сестра повернулась и повезла вагонетку къ пароходу и разсказала происшедшее своему раненому мужу полковнику Падчину, который, сойдя съ парохода и опираясь на палку, хромая направился съ женой къ министру. Подойдя, полковникъ спросилъ: «этотъ господинъ тебя обидѣлъ?» Жена отвѣтила — да. Полковникъ обратился къ министру: «какъ вы смѣли оскорбить мою жену?» «Но вѣдь это сестра», отвѣтилъ министръ, «тѣмъ болѣе», сказалъ полковникъ и замахнулся палкой. Перепуганный министръ упалъ на колѣни и воскликнулъ: «вы ангелъ, г-нъ полковникъ». «Ахъ, ты мразь» воскликнулъ полковникъ и ударилъ министра палкой по плечу, палка переломилась пополамъ. Это я разсказалъ одну характерную черту тыла и окруженія ген. Деникина. Не будетъ ли лучшимъ доказательствомъ неспособности ген. Деникина и нерасположенія къ нему арміи служить слѣдующее: добровольческіе полки назывались алексѣевскій, корниловскій, марковскій и дроздовскій и всѣ эти полки поднесли генералу Кутепову свои полковые мундиры, но не нашлось ни одного полка, пожелавшаго назваться деникинскимъ, а четыре полка, поднесшіе свои мундиры генералу Кутепову, поднести ген. Деникину не пожелали.

По приказу генерала Врангеля мы занимаемъ Перекопъ. Начались удачные бои. Продвигаемся впередъ. Духъ арміи растетъ, но силы слабыя. Разгромили конную армію Жлобы. Дошли до Днѣпра. Штабъ 1-го Корпуса въ г. Александровскѣ. Бои безпрерывные.

Пильсудскій, польскій президентъ, испугавшись успѣховъ генерала Врангеля и взятаго имъ болѣе твердаго курса, поспѣшно заключилъ миръ съ большевиками и Троцкій

перебросилъ всѣ арміи, бывшія на польскомъ фронтѣ, противъ ген. Врангеля. Эти арміи уже были прилично подтянуты и благодаря своему неизмѣримому количественному превосходству должны были раздавить насъ. Оставался одинъ выходъ — уйти за Перекопъ въ Крымъ и тамъ отсиживаться и собирать силы. Опять пришлось отходить, но уже въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ полнаго окруженія. Наступили большіе морозы. Стало еще труднѣе. Духъ падалъ, но мы прорвались къ Перекопу, который и занялъ нашъ 1-ый Корпусъ.

На наше несчастье, никогда не замерзающіе Сиваши — замерзли. Злой рокъ смѣялся надъ нами. Красная армія по льду начала насъ обходить, изъ послѣднихъ силъ мы защищались, на Перекопѣ начались отчаянные бои, мы рѣдѣли. Начался отходъ. Остановить красныя лавины не было ни силъ, ни возможности. Генералъ Врангель это предвидѣлъ. Симферополь. Севастополь. Масса кораблей ждетъ насъ. Мы погрузились. Генералъ Врангель приказалъ брать всѣхъ желающихъ русскихъ людей. Когда всѣ погрузились, отошелъ и послѣдній аріергардъ. Генералъ Врангель стоялъ на берегу. Но вотъ всѣ на корабляхъ. Генералъ Врангель, поклонившись родной землѣ, послѣднимъ взошелъ на свой корабль.

31-го октября 1920 года 146 кораблей, одинъ за другимъ стали выходить въ морѣ.

Съ разбитой душей и измученнымъ сердцемъ мы оставили родную землю.

Прощай, РОССІЯ, прощай!

XXII.

Да, мы шли хоть и съ бѣлыми, но пустыми знаменами, замаранными разгуломъ, грабежомъ и безсовѣстностью. И не пошелъ за нами народъ.

Одинъ только генералъ Врангель сказалъ робко и неопредѣленно, что нуженъ «хозяинъ земли русской», но это было туманно и народъ не понялъ, а хорошо помня грабежи, не пошелъ.

За знаменемъ «Боже, царя храни» и за твердымъ суровымъ, неуловимымъ вождемъ, ищущимъ и несущимъ съ собой правду Божію, народъ пошелъ бы.

Вотъ главная причина крушенія, которую не поняли, и не хотѣли понять наши «прославленные вожди».

Они подготовили и привели къ гибели Россію, а сейчасъ ихъ наслѣдники всячески стараются, на демократическихъ основахъ, не допустить воскресенія великой императорской Россіи. Боясь воскресенія царской власти они прибѣгаютъ ко всякимъ фальшивкамъ, какъ было въ Кадетскомъ Корпусѣ въ Парижѣ 11/24 мая 1960 года на праздникѣ свв. равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, первоучителей славянскихъ. Генералъ Позднышевъ въ рѣчи, обращенной къ кадетамъ и витязямъ, сказалъ, что они никогда не должны забывать старый русскій девизъ «За вѣру и отечество». Онъ, старый генералъ забылъ свою присягу Господу Богу на вѣрность службы своему Императору и Его законному наслѣднику, лукаво и умышленно исказилъ нашъ русскій символъ «За вѣру, царя и отечество».

Вотъ какъ въ эмиграціи отцы воспитываютъ сыновей и внуковъ. Не будетъ императора, какъ Удерживающаго, не будетъ ни вѣры, ни отечества.

И синедріонъ боялся Воскресенія Христа, но Господь Богъ Іисусъ Христосъ воскресъ, воскреснетъ и великая Императорская Россія!

Вѣрую, Господи!

Въ Константинополѣ какой то офицеръ застрѣлилъ генерала Романовскаго, не безъ основанія, считая его однимъ изъ виновниковъ крушенія Бѣлой Борьбы.

Испуганный ген. Деникинъ, какъ всегда, старавшійся быть поближе къ морю и подальше отъ мѣста гдѣ стрѣляютъ, поспѣшилъ сѣсть на англійскій военный крейсеръ и уѣхалъ въ Англію, гдѣ получилъ титулъ лорда, за оказанную помощь Англіи по разрушенію православія, царя и Россіи. А главное принялъ титулъ лорда!

Изъ указанныхъ добровольческихъ «шефовъ» только генералы: Марковъ, Дроздовскій, Кутеповъ и Врангель заслуживаютъ полнаго уваженія.

XXIII.

ЭМИГРАЦІЯ.

Уныло и тяжко и глупо. Партіи, программы — программы и партіи, союзы, объединенія и разъединенія, общества, организаціи, непредрѣшенчество и самостійное предрѣшенчество, безпартійные націоналисты и конституціоналисты на иностранной демократической основѣ, посѣвъ великихъ демократическихъ идей, дающихъ красные сталинскіе цвѣты, фюсенское объединительное разъединеніе и такъ далѣе, все по завѣтамъ «вождей» и обязательно отъ имени всего русскаго народа, а силушки то и нѣту, однѣ ячейки.

Мы не предрѣшаемъ, гордо заявляютъ «малые вожди», а «пресвѣтлый, незабвенный», какъ его называютъ непредрѣшенцы, «вождь», Корниловъ, съ дьявольской злобой сказалъ: «клянусь, что Романовы взойдутъ на тронъ черезъ мой трупъ». Это напечатано въ книгѣ «Генералъ Корниловъ» В. Сѣвскаго, изданіе корниловскаго ударнаго полка 1919 г. (страница 73-я, четвертая строка снизу). Это историческое произведеніе распространялось въ Бѣлградѣ полковникомъ Базаревичемъ — представителемъ отдѣла РОВС'а, раздавалось оно безплатно и надѣюсь, что у многихъ еще сохранилось. И этотъ же ген. Корниловъ сказалъ «ни на какую авантюру съ Романовыми я не пойду». (см. Мельгуновъ страница 186-я). И на почвѣ удобренной непредрѣшенчествомъ, какъ въ лѣсу послѣ дождя, стали выползать всевозможные грибы-поганки, но уже все демократически предрѣшивъ за весь русскій народъ, изнывающій за желѣзнымъ занавѣсомъ.

А вотъ когда пріѣхалъ въ Бѣлградъ генералъ Кутеповъ и я, посѣтивъ его, началъ говорить о вредѣ непредрѣшенчества, то онъ съ презрительной улыбкой, махнувъ рукой, прервалъ меня и сказалъ: «это все вздоръ, мнѣ важно лишь сохранить полки, а когда я приду въ Москву, выстрою на площади полки и прикажу играть «Боже царя храни», тогда я посмотрю, кто у меня въ Москвѣ посмѣетъ не кричать ура».

Я съ удовлетвореніемъ пожалъ руку генералу Кутепову и мы перешли на другіе вопросы.

Смотрите, господа непредрѣшенцы и февралисты, не запоетъ ли вся Россія и ея учредиловка подлинный русскій гимнъ «Боже царя храни», но не «вставай проклятьемъ заклейменный», не «марсельезу», не казачій самовольный гимнъ

«всколыхнулся, взволновался», не «Кубань ты наша родина», не корниловскій гимнъ «мы былого не жалѣемъ, царь намъ не кумиръ», не самостійно-украинскій «гопъ мои гречаныки», и не случится ли съ вами тогда то, что предсказалъ Кутеповъ. Берегитесь, гнѣвъ «вашего» русскаго народа, который не пожелаетъ въ послѣдній разъ быть обманутымъ, будетъ для васъ и жестокъ и страшенъ. Успѣете ли вы унести ноги и ваши платформы въ любимый вами западъ? Думаю что нѣтъ.

Гибель генерала Кутепова, преданнаго корниловцемъ генераломъ Скоблинымъ большевикамъ, была тяжелой утратой для русскаго дѣла. Его замѣстителемъ сталъ генералъ Миллеръ, который пріѣхалъ въ Бѣлградъ, сопровождаемый Скоблинымъ и у меня былъ съ нимъ разговоръ и когда я спросилъ его есть ли у него какая нибудь сила, то Скоблинъ отвѣтилъ, что имѣетъ въ Парижѣ хорошій корниловскій полкъ. Я сказалъ ему: «такъ почему же вы, узнавъ о похищеніи совѣтами генерала Кутепова, не разгромили совѣтское посольство или вы это не могли сдѣлать?» Онъ отвѣтилъ: «да, мы могли бы разгромить посольство, но тогда это было несвоевременно еще». (Была еще задача предать генерала Миллера). Предавъ и генерала Миллера Скоблинъ сбѣжалъ въ Москву, а мѣсто генерала Миллера занялъ ген. Архангельскій и совѣтамъ эта замѣна страшна не была. РОВС покатился по широкой непредрѣшенческой дорогѣ, устраняя все монархическое, заявляя, что мы не предрѣшаемъ, а какъ будетъ «воля народа», но въ душѣ они помышляютъ: «будетъ монархія станемъ на колѣни и запоемъ «Боже царя храни» ;и закричимъ ура — будетъ коммунистическая республика, которая дастъ намъ портфели, мы также станемъ на колѣни, пропоемъ интернаціоналъ и закричимъ да здраствуетъ очередной хрущевъ».

Въ газетѣ «Русская мысль» № 1603 ноябрь 1960 г. приведенъ разборъ сборника статей А. фонъ Лампе «Пути вѣрныхъ» — «причины неудачи вооруженнаго выступленія бѣлыхъ». Въ этой книгѣ А. фонъ Лампе пишетъ: «первой и основной причиной пораженія бѣлыхъ считаю настроеніе населенія тѣхъ областей, по которымъ шло наступленіе бѣлыхъ». А такъ ли это? Нѣтъ не такъ. Вѣдь вначалѣ насъ встрѣчали съ цвѣтами, но изъ за грабежей, допущенныхъ тремя «вождями» Алексѣевымъ, Корниловымъ и Деникинымъ, провожали проклятіями. Они сами вызвали ненависть народа, и еще тѣмъ, что не пошли спасти Царя и Его Семью и не допустили другихъ попытаться спасти. Это быстро разнеслось по Россіи и народъ не пошелъ за «вождями». Вотъ это

была причина проигрыша бѣлыми войны, а не выдуманное А. фонъ Лампе «настроеніе населенія». И къ адмиралу Колчаку шли ижевскіе рабочіе. Нѣтъ, основной причиной вызвавшей отрицательное отношеніе населенія было еще скрытое стремленіе «вождей» къ диктатурѣ, глупое управленіе и, конечно, допущенные ими грабежи и насилія надъ населеніемъ.

С. Водовъ называетъ ген. Лампе монархистомъ, но это сомнительно. Какъ признать его монархистомъ, прочтя всѣ его приказы и рѣчи? Вотъ случай проявленія «монархизма» г. фонъ Лампе въ Германіи: это было въ 20-хъ годахъ. Въ газетѣ «Царскій Вѣстникъ», издававшейся въ Бѣлградѣ, гдѣ жилъ и я, я прочиталъ, что въ Германіи, въ одномъ ресторанѣ былъ русскій оркестръ, возглавляемый поручикомъ. Въ одинъ изъ вечеровъ въ ресторанѣ было много иностранцевъ, которые заказали дирижеру оркестра сыграть русскій гимнъ. Поручикъ въ пьяной обстановкѣ грянулъ нашъ гимнъ «Боже царя храни». Молоденькая русская дѣвушка, подавальщица, возмутилась и потребовала прекратить гимнъ. Вышелъ скандалъ. На нее подали въ судъ, а поручикъ, очевидно большой прохвостъ, гордо заявилъ, что теперь русскій гимнъ можно играть какъ любую пѣсню. Эту благородную подавальщицу присудили къ штрафу въ 10 марокъ. Прочтя это я немедленно отправился въ редакцію и внесъ деньги на покрытіе штрафа. Я написалъ письмо г. фонъ Лампе, бывшему въ Германіи начальникомъ отдѣла РОВС'а, высказавъ пожеланіе, чтобы этотъ поручикъ за проявленную подлость былъ изгнанъ изъ рядовъ отдѣла РОВС'а и просилъ увѣдомить меня о рѣшеніи. Я занималъ не меньшую должность въ Югославіи чѣмъ г. Лампе, но только въ Корпусѣ Его Императорскаго Величества Государя Императора Кирилла Владиміровича.

Отвѣта отъ г. фонъ Лампе я не получилъ. Казалось бы, простая вежливость и воспитанность обязывала отвѣтить, но «монархическія убѣжденія» господина А. фонъ Лампе не позволили ему это сдѣлать.

Не такъ уже давно на страницахъ непредрѣшенческой печати былъ большой споръ о правахъ Государя Императора Кирилла Владиміровича. Нападки были столь рѣзкіе, что глава Соборной и Апостольской церкви Митрополитъ Анастасій вынужденъ былъ дать твердое церковное указаніе супругѣ князя Никиты Александровича княгинѣ Маріи Илларіоновнѣ о вредѣ подобнаго спора, который можетъ возбудить новыя раздѣленія.

Послѣ этого споры прекратились, но нѣкоторое время спустя опять поднялся этотъ, запрещенный главой церкви

Митрополитомъ Анастасіемъ, споръ. Поднялъ его на этотъ разъ князь Никита Александровичъ, въ газетѣ «Воскресеніе» 26—27 помѣстивъ свое «заявленіе Агнатовъ (?) Дома Романовыхъ». Это заявленіе князя Никиты Александровича производитъ странное впечатлѣніе; онъ пишетъ, что въ 1934 г. (не въ 1934, а въ 1924 г.) когда ему было 34 года онъ былъ введенъ въ заблужденіе и сдѣлалъ ошибку, признавъ Великаго Князя Кирилла Владиміровича главой Россійскаго Дома Романовыхъ. Попробуемъ разобраться;

1. въ возрастѣ 34 лѣтъ (даже и 24) должно подписывать акты вдумчиво и отвѣчать за то что подписалъ или далъ слово. У насъ въ полкахъ самый молодой офицеръ не посмѣлъ бы отказаться отъ подписи или даннаго слова, совершившій это, судомъ чести былъ бы уволенъ изъ полка;

2. 29-го ноября 1923 года въ Парижѣ было напечатано письмо Великаго Князя Александра Михайловича, отца Князя Никиты Александровича, выдержку изъ котораго привожу: «со строго государственной и юридической точки зрѣнія мы (члены императорской фамиліи) не имѣемъ права считать Семью Царя, а также Великаго Князя Михаила погибшими. Съ другой стороны, если Они не находятся въ живыхъ, то вопросъ о престолонаслѣдіи не вызываетъ среди Насъ ни малѣйшихъ разногласій, такъ какъ Россійскіе Основные Законы съ полной ясностью указываютъ, что право на престолъ принадлежитъ старшему члену нашей семьи, каковымъ является въ настоящее время Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ». «Вѣра и Вѣрность» № 16, 10 декабря 1923 г.).

3. выдержка изъ статьи Великаго Князя Александра Михайловича подъ заглавіемъ «Россія воскреснетъ».

«Исполняя долгъ совѣсти своей передъ Господомъ Богомъ и народомъ русскимъ, Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ, по точному смыслу Основныхъ Государственныхъ Законовъ, принялъ принадлежащій ему какъ старшему въ родѣ, титулъ императора всероссійскаго.

Призываю васъ, люди русскіе, безъ различія вѣры, возраста и положенія, соединиться въ одну душу съ душею нашего царя законнаго.

Пусть распри личныя, партійныя или другія замолкнутъ разъ навсегда.

Пусть не найдется никого, кто всталъ бы противъ главы намъ Богомъ указаннаго».

Подписано: Великій Князь
Александръ Михайловичъ.
«Вѣра и Вѣрность» ном. 60, 13 октября 1924 г.

4. Въ томъ же номерѣ газеты «Вѣра и Вѣрность» ном. 60, 13 октября 1924 г. напечатано слѣдующее сообщеніе:

«Его Императорскому Величеству Государю Императору Кириллу Владиміровичу выразили верноподданническія чувства Ихъ Императорскіе Высочества Великіе Князья Андрей Владиміровичъ, Димитрій Павловичъ и Александръ Михайловичъ съ Сыновьями своими Андреемъ Александровичемъ, Федоромъ Александровичемъ, Никитой Александровичемъ, Димитріемъ Александровичемъ, Ростиславомъ Александровичемъ и Василіемъ Александровичемъ».

«Чти Отца твоего...»

Нарушая сію заповѣдь Божію Агнатъ (?) Князь Никита Александровичъ отрекается отъ отца своего, отъ своей подписи, это является осужденіемъ и обвиненіемъ отца въ заблужденіи и неправдѣ, и якобы нарушеніи законовъ, а самъ онъ состоитъ въ морганатическомъ бракѣ и претендентомъ на престолъ является однимъ изъ послѣднихъ.

«Агнатъ». Это слово въ Россіи не употреблялось и его никто не знаетъ, оно имѣетъ слѣдующее значеніе: Агнъ имя святого, празднуется 26-го марта и означаетъ Агнецъ, латинскаго происхожденія (см. Троицкій Православный Русскій календарь на 1959 годъ), а Агнецъ къ людямъ одержимымъ ненавистью и злобой никакъ не подходитъ — не подходитъ и къ Князю Никитѣ Александровичу.

Разсмотримъ теперь, съ военной точки зрѣнія, оспариваемыя права на титулъ Императора Государя Кирилла Владиміровича.

1. Рота движется въ атаку. Командиръ роты убитъ. Послѣдній офицеръ ведетъ и падаетъ раненнымъ. Фельдфебель вступаетъ въ командованіе ротой и тоже падаетъ. Рота, никѣмъ не управляемая, залегаетъ; и тутъ появляется священникъ съ крестомъ въ рукѣ, подымаетъ роту и идетъ впереди — противникъ бѣжитъ, священникъ награждается георгіевскимъ крестомъ на лентѣ.

2. Сестра милосердія, 105 Оренбургскаго пѣхотнаго полка, Римма Михайловна Иванова, въ 1916 году, во время боя, за убылью всѣхъ офицеровъ, вступила въ командованіе 10-ой ротой и, во главѣ ея, отбила атаку нѣмцевъ, получивъ 11 штыковыхъ и пулеметныхъ ранъ; она скончалась отъ потери крови. Государь Императоръ Николай II наградилъ ее орденомъ св. Великомученика и побѣдоносца Георгія 4-ой

степени. При погребеніи на гробъ героини возложенъ былъ серебряный вѣнокъ отъ имени Императора.

3. Отреченіе Императора за Себя и за Сына. Главную, рѣшающую и злую роль сыгралъ измѣнникъ, упоминаемый и одобряемый многими, Великій Князь Николай Николаевичъ. Онъ вмѣсто того, чтобы повѣсить Гучкова и многихъ другихъ, объ участіи коихъ въ заговорѣ онъ зналъ, прислалъ колѣнопреклоненную телеграмму съ просьбой отречься отъ престола. Это клятвопреступная и страшная телеграмма погубила все.

4. Великій Князь Михаилъ Александровичъ вопросъ о престолѣ отложилъ до учредительнаго собранія.

5. Приходитъ очередь вступать на престолъ Великому Князю Кириллу Владиміровичу, но онъ за границей и еще не имѣетъ никакихъ основаній, чтобы считать за отреченіе временное непріятіе Великимъ Княземъ Михаиломъ престола.

И только въ 1924 году, когда окончательно выяснилось, что всѣ старшіе погибли, Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ обязанъ былъ принять командованіе и Онъ объявилъ Себя Императоромъ, чтобы народъ русскій зналъ, что законный Императоръ свой тяжкій долгъ выполнилъ.

Вотъ точка зрѣнія военнаго и каждаго честнаго человѣка. Такая же была и у Великаго Князя Александра Михайловича.

Подождемъ, можетъ быть нашъ Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Анастасій найдетъ возможнымъ дать свой церковный указъ и Князю Никитѣ Александровичу.

Считаю полезнымъ перепечатать изъ «Владимірскаго Вѣстника» № 79 статью

«ПРЕДАТЕЛЬСТВО ИСТИНЫ»:

«Въ ном. 103—104 журнала «Русскій Путь» опубликовано письмо Первоіерарха русской зарубежной церкви, Митрополита Анастасія на имя княгини Маріи Илларіоновны, слѣдующаго содержанія:

Глубокоуважаемая Марія Илларіоновна,

Прошу прощенія, что такъ поздно отвѣчаю на Ваше письмо, гдѣ Вы снова возбудили вопросъ о порядкѣ престолонаслѣдія въ Россіи. Я держусь третьяго мнѣнія, что теперь несвоевременно возбуждать этотъ вопросъ потому, что онъ можетъ возбудить новыя раздѣленія между русскими людьми за рубежомъ. Нашей первой задачей должно быть укрѣпленіе самой

монархической идеи въ сознаніи русскаго разсѣянія, которое къ сожалѣнію, начинаетъ забывать о ней подъ вліяніемъ окружающей насъ иноземной среды. Мы не можемъ надѣяться перевоспитать ее, но сами должны непоколебимо стоять на своихъ историческихъ завѣтахъ и на нихъ строить воспитаніе малыхъ дѣтей.

Итакъ вооружимся терпѣніемъ и будемъ ожидать указанія воли Божіей, безъ которой ничего не совершается въ нашей жизни.

Божіе благословеніе будетъ надъ Вашимъ домомъ.

Глубокоуважающій Васъ

Митрополитъ Анастасій.

Намъ неизвѣстно содержаніе письма княгини Маріи Илларіоновны, но отвѣтъ Митрополита Анастасія знаменателенъ. Онъ точно и ясно подчеркиваетъ что наша Зарубежная Церковь, въ лицѣ своего Первоіерарха, вѣрна осталась основамъ Святой Руси и къ вѣрности этимъ началамъ насъ призываетъ. Это письмо кладетъ конецъ, раздавшимся въ печати, упрекамъ нашей Церкви въ аполитичности. Въ Церкви не можетъ быть мѣста политикѣ, но Церковь не можетъ, по своей сути, быть аполитичной.

Всѣ мы, будучи православными, являемся членами Вселенской Церкви, но не можемъ забывать, что одновременно являемся частью Россійской Помѣстной Церкви, которой наша Зарубежная Церковь является законной преемницей. Поэтому и церковность наша не можетъ порывать съ вѣрностью нашимъ русскимъ національнымъ идеаламъ. Церковь не можетъ для насъ быть только храмомъ для молитвы, мѣстомъ для отправленія требъ и только. Такое примитивное пониманіе снизило бы задачи церковныя, сдѣлало бы ихъ глубоко провинціальными и лишило бы русскій народъ надежды на спасеніе. Мы связаны съ Россіей, той Россіей, которая называлась Святой Русью и бороться за эту Россію является для насъ долгомъ и въ оградѣ церковной.

Государь и народъ, въ православномъ сознаніи составляютъ одно цѣлое. Православный Императоръ не можетъ сказать: «государство это я», равно какъ и народъ не можетъ себя противопоставить верховной царской власти, имѣющей божественное установленіе. Черезъ таинство міропомазанія Императоръ дѣлается служителемъ Бога на тронѣ и принимаетъ на себя обязанности быть вѣрнымъ догматамъ церковнымъ. Поэтому и на тронѣ можетъ быть лишь человѣкъ, имѣющій на то право въ силу рожденія, и всецѣло исповѣдывающій церковное ученіе.

Аполитичной Русская Церковь никогда не была и быть не можетъ. Отрадно видѣть, что Высокопреосвященный Митрополитъ Анастасій, указавъ намъ задачу «укрѣпленія монархической идеи въ сознаніи русскаго разсѣянія», подтвердилъ этимъ свою вѣрность завѣтамъ дѣятелей русской Церкви въ старину и въ частности своего предшественника блаженнѣйшаго митрополита Антонія.

Митрополитъ Антоній въ статьѣ «Церковность и Политика» сказалъ такъ:

«...Православный русскій народъ и всѣ разумные люди въ Россіи должны отречься отъ пріобрѣтенныхъ ими «завоеваній» февральской революціи, а это должно выразиться только черезъ познаніе преступности низверженія Царствующей Династіи и черезъ призывъ ея вновь занять царскій престолъ. Это необходимо не только какъ единственное средство спасенія для Россіи, какъ государства, но въ той же мѣрѣ для снятія съ себя преступнаго уклоненія отъ Божіей правды и возстановленія такого строя, при которомъ Церковь не будетъ въ прямомъ гоненіи отъ государства».

Аполитичность, это есть извѣстное равнодушіе къ истинѣ, а дипломатичности, теплопрохладности, компромиссамъ, лояльности, примиренчеству со зломъ, — не мѣсто въ церкви. Сонмъ святыхъ въ землѣ Россійской просіявшихъ вопіетъ къ небу. Эти святые со зломъ не мирились и первый изъ нихъ, равноапостольный князь Владиміръ, положилъ начало святой Руси. Всѣ же теоріи соглашательства, непредрѣшенчества, какъ убѣгающія отъ истины, только на руку сатанистамъ и ихъ прислужникамъ. Всякое же соглашательство со зломъ заключаетъ въ себѣ и предательство истины.

Въ своемъ письмѣ, на имя княгини Маріи Илларіоновны, Митрополитъ Анастасій говоритъ о томъ, что русское разсѣяніе начинаетъ забывать о самой монархической идеѣ, а это духовной смерти подобно. Между тѣмъ для настоящаго плодотворнаго патріотизма, отечество не есть только мѣсто рожденія, но прежде всего «земля отцовъ», земля освященная великимъ страданіемъ и подвигомъ предшествовавшихъ поколеній. Это наше отечество не было какой либо Россіей, оно было Православнымъ Царствомъ.

Умѣстно здѣсь вспомнить одно изрѣченіе нашего русскаго мыслителя Константина Леонтьева:

«Избави Богъ большинству русскихъ людей дойти до того, до чего, шагъ за шагомъ, дошли уже многіе французы, то есть по привычкѣ служить всякой Франціи и всякую Францію любить! На что намъ Россія не Самодержавная и не Православная? Такой Россіи слу-

жить или такой Россіи подчиниться можно только по дурному страху».

По дурному страху этой новой Россіи, не Самодержавной и не Православной, подчинились, или были принуждены подчиниться, подсовѣтскіе люди, |но позволительно спросить какъ могло случиться, что и въ эмиграціи находятся люди, выражающіе готовность служить всякой Россіи и подчиниться «волѣ народа», которая когда то и гдѣ то будетъ высказана?

Все, что пишется и говорится о будущей Россіи, въ наши дни, звучитъ особенно фальшиво по той причинѣ, что эта Россія становится внѣ связи съ ея историческимъ прошлымъ. А чтобы разрѣшить этотъ вопросъ правильно необходимо отрѣшиться отъ предразсудковъ и повѣрить, что жизненно именно то, что ушло въ прошлое. Ничто не измѣнилось отъ того, что наше отечество захвачено ворами и разбойниками. Они могли убить Царя, разрушить престолъ царскій, но основъ Царской Власти они уничтожить не могутъ, какъ не могутъ уничтожить русскую исторію и Слова Божія. Истинной и реальной Россіей является не тотъ сатанинскій Совѣтскій Союзъ, который стоитъ на мѣстѣ гдѣ была Россія, а именно та Россія, которая ушла въ прошлое. Она не умерла, она живетъ въ нашемъ сознаніи, живетъ въ катакомбахъ народнаго духа и большевики ее убить не могутъ. Несмотря на свою призрачность эта Россія имѣетъ большую реальность, чѣмъ разсужденія о будущемъ учредительномъ собраніи, которымъ якобы закончится революція, но котораго никогда не будетъ. Или будетъ Россія Историческая, Россія Царская, которая въ учредительномъ собраніи не нуждается, или никакого переворота не будетъ и революція будетъ продолжаться.

Спасеніе Россіи заключается въ прекращеніи революціи и ея ликвидаціи, а не въ новыхъ учредилкахъ, на основѣ четырхвостки. Принимаютъ за истину совершенно фантастическую предпосылку, что когда то наступитъ моментъ, что русскій народъ свободно будетъ изъявлять свою волю и выбирать себѣ способъ правленія. На чемъ могутъ быть основаны такія предпосылки, когда совершенно неизвѣстно, кто именно, при какихъ условіяхъ и когда совершитъ переворотъ. Практика современныхъ революцій говоритъ о томъ, что побѣдители обычно всѣхъ противниковъ зачисляютъ въ число враговъ народа и никакихъ голосованій и референдумовъ не дѣлаютъ, по крайней мѣрѣ до той поры, пока общественное мнѣніе не будетъ обработано и новая избирательная машина не будетъ создана. «Воля народа» есть иллюзія, именемъ народа рѣшаютъ и дѣйствуютъ тѣ, кто сто-

ятъ у власти. Недаромъ всѣ совѣтскія вассальныя государства именуются «народными» республиками.

Если въ Россіи сдѣлаетъ переворотъ какая нибудь коммунистическая фракція, соціалисты, или солидаристы, то выборы будутъ въ ихъ пользу. Массы народа не могутъ разбираться въ сложныхъ государственныхъ вопросахъ и даже безъ всякихъ подлоговъ правительственный аппаратъ пропаганды всегда будетъ сильнѣе, а отъ этого и зависитъ результатъ голосованія. Къ тому же, той части эмиграціи, которая въ эмиграціи наложила на себя клеймо непредрѣшенчества и отреклась отъ прошлаго, то есть отъ Россіи Исторической, невозможно разсчитывать и на самый малый успѣхъ. Это снятыя съ доски шахматныя фигуры.

Задача русскихъ націоналистовъ въ данный моментъ есть только одна: поднять знамя контръ-революціи и порвать окончательно съ какой бы то ни было формой непредрѣшенчества. Они должны твердо сказать, что борются за Россію Историческую, раскрыть идеологическія основы русской монархіи, хотя бы эмигрантской молодежи, и это работа обширная и можетъ быть успѣшной лишь при сохраненіи мистическихъ основъ русской государственности. Монархическая идея не можетъ ассимилироваться и быть приспособляемой къ современнымъ условіямъ. Приспособленная на демократическій ладъ она превращается въ раціоналистическое измышленіе, лишенное души. Русскій Царь-Самодержецъ всегда былъ Государемъ народнымъ, надсословнымъ, правящимъ по волѣ Божіей. Поэтому совершенно неумѣстно говорить о «народной» монархіи, противопоставляя ее самодержавной.

О томъ какъ произойдетъ переворотъ въ Россіи никто сказать не можетъ. Могутъ быть тысячи возможностей и въ частности существуетъ одна, которой мы православные люди, пренебрегать не можемъ. Это та, что совѣтская власть, или всякая революціонная, которая можетъ придти ей на смѣну, никогда сброшена не будетъ, до той поры, пока русскій народъ не покается въ грѣхѣ отступничества отъ Царя. Это, безъ сомнѣнія, взглядъ мистическій, но несмотря на это, а можетъ быть именно поэтому, онъ болѣе реаленъ, чѣмъ фантастическія мечты о какомъ то будущемъ «народномъ волеизъявленіи», котораго безъ сомнѣнія не будетъ. Реальное существованіе совѣтской власти, наперекоръ здравому смыслу, говоритъ ясно о томъ, что она является карой Божьяго гнѣва за великій грѣхъ сверженія, Богомъ установленной Царской Власти.

Народная правда не можетъ быть обрѣтена путемъ голосованія, но черезъ изжитіе революціонной заразы въ

душахъ людей. Придетъ моментъ, когда всякому станетъ ясно, что всякіе выборы, всякое голосованіе суть продолженіе революціонной чехарды, дьявольское измышленіе и лишь на путяхъ отрицанія революціи, во всѣхъ ея формахъ, возможно спасеніе, то есть возвращеніе Россіи къ законному порядку. А какъ это произойдетъ не стоитъ фантазировать и не происходитъ навѣрное потому, что мы продолжаемъ жить революціонными иллюзіями и стараемся спасти Россію революціонными рецептами. Надѣемся на иностранцевъ, заискиваемъ передъ ними, если не сказать болѣе, выступаемъ въ республиканскихъ клубахъ, становимся членами масонскихъ ложъ, беремъ программу минимумъ, не имѣемъ мужества высказать свои политическія убѣжденія, снижаемся до уровня низшихъ, въ надеждѣ получить сторонниковъ, но достигаемъ обратнаго. Наконецъ, принимая непредрѣшенческую программу идейно обезоруживаемся, а между тѣмъ передъ русскими націоналистами открытъ единственно правильный путь — вѣрности русскихъ историческимъ завѣтамъ то есть Вѣрѣ, Царю и Отечеству. Эти завѣты были живы вчера, они здравствуютъ сегодня и лишь путемъ утвержденія ихъ мы можемъ приблизить часъ освобожденія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Америкѣ, по иниціативѣ нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей былъ созданъ Всероссійскій Комитетъ Освобожденія. Это прекрасное начинаніе имѣло передъ собой великое будущее. Комитетъ поставилъ своей задачей безкомпромиссную борьбу съ большевизмомъ. Все это прекрасно, но на одномъ отрицаніи большевиковъ никакого объединенія не построишь. Нужно сказать, не только что мы противъ, но и чего мы хотимъ. Если въ прежнія времена русскіе люди преодолѣвали стоявшія передъ ними затрудненія, то только потому что знали за что боролись. Въ то время не было «монархистовъ», каждый русскій человѣкъ былъ вѣренъ Царю, Вѣрѣ и Отечеству, а кто этому измѣнялъ, то становился въ ряды отступниковъ, воровъ и разбойниковъ. Русскіе національные идеалы были ясны и опредѣленны, чего въ настоящее время нѣтъ, когда революціонеры отравили русскихъ людей ложью революціонныхъ идей. Къ числу ихъ принадлежитъ и та, что будущій строй въ Россіи долженъ быть установленъ «волею народа», то есть на будущемъ учредительномъ собраніи.

Слѣдовательно Историческая Власть въ Россіи не была божественнымъ установленіемъ, если она должна быть подтверждена народнымъ хотѣніемъ? Идея народоправства и народнаго суверенитета, котораго кстати говоря, нигдѣ не существуетъ, взята изъ французской революціи и этотъ

печальный пережитокъ революціоннаго прошлаго, хламъ изъ исторической кладовки, руководители и возглавители Комитета Освобожденія рѣшили поставить въ основу этого почтеннаго учрежденія, въ угоду лѣвымъ.

Антимонархическія тенденціи руководителей ВКО ясно выразились во время предыдущаго съѣзда, когда Борисъ Солоневичъ внесъ предложеніе, чтобы въ политическія установки комитета было добавлено, не только противъ чего бороться, но и за что идетъ борьба. Иными словами къ имѣющимся въ уставѣ ВКО словамъ: «безкомпромиссная борьба съ коммунизмомъ» — добавить: и идеямъ февральской революціи за историческія начала россійской государственности». Эта поправка необходимая и логичная вызвала горячіе протесты предсѣдателя ВКО князя Бѣлосельскаго и другихъ руководителей комитета и была отклонена. Антибольшевицкая позиція Комитета послѣ этого стала безпредметной.

Князь С. С. Бѣлосельскій-Белозерскій, выступая въ печати, написалъ буквально слѣдующее: «никто не далъ намъ права рѣшать вопросы государственнаго устройства за этотъ (русскій) народъ, находясь зарубежомъ и никто этого права дать никому не можетъ». Читая такое поспѣшное, странное и непродуманное заявленіе диву можно дивиться. Если мы за рубежомъ не можемъ рѣшать государственныхъ и политическихъ вопросовъ, то зачѣмъ же и комитеты создавать и съѣзды собирать. Лежать въ такомъ случаѣ на печи и ждать у моря погоды. Но мы думаемъ иначе. Русскіе люди ушедшіе въ изгнаніе составляютъ политическую эмиграцію, а не простое бѣженство. Когда уходили знали, за что боролись. Знали и въ изгнаніи, но вотъ теперь нѣкоторые политики стараются ихъ лишить этого знанія, прививъ имъ аполитичность, то есть равнодушіе подъ маркой непредрѣшенчества.

Не за народъ мы обязаны рѣшать, а за себя. Каждый изъ насъ обязанъ имѣть свои политическія убѣжденія, общественныя и религіозныя и защищать ихъ всегда и всюду, при всякихъ обстоятельствахъ, теперь за рубежомъ, а если будетъ возможность и на родинѣ. На примѣрѣ ВКО освобожденія мы убеждаемся, что равненіе эмиграціи налѣво продолжается. Наши эмигрантскіе вожди оставаясь на своихъ непредрѣшенческихъ позиціяхъ упорно защищаютъ ложь и предаютъ истину. Въ частномъ случаѣ князя С. С. Бѣлосельскаго это тѣмъ болѣе печально, что самъ онъ принадлежитъ къ славному роду и предки его не

на словахъ, а на дѣлѣ показали вѣрность русскимъ идеаламъ на службѣ русскимъ князьямъ и императорамъ.

«Князь, твое отродье — Рюрикъ,
Черезъ двадцать пять колѣнъ,
Князь, не то, чтобъ князь-мазурикъ,
Князь — не то, чтобы князь всякій:
Изъ какихъ нибудь трухменъ;
Русскій старшина князей!

Печально, но это такъ, съ идеологіей Молчалина: «не смѣю своего сужденья произнесть».

Правду говорить иногда нужно. Намъ пишутъ, что въ С. Америкѣ критиковать князя Бѣлосельскаго нельзя. Табу. Никто не напечатаетъ. Но мы говоримъ и скажемъ: «благотворительная дѣятельность князя Бѣлосельскаго заслуживаетъ всяческой похвалы, но политическая, основанная на компромиссахъ съ революціей, одобренія встрѣтить не можетъ. Что касается страха, то мы его не имѣемъ, твердо помня слова Апостола: «мы не сильны противъ истины, но сильны за истину».

Многіе думаютъ какъ мы, хотя и сказать не могутъ. Приведу выдержки изъ письма одного духовнаго лица по поводу статьи нашей въ № 60, «Отреченіе отъ прошлаго», затрагивающей ту же тему:

«...«да воздастъ вамъ Господь Богъ за вашъ подвигъ сторицей. Не мыслю я иначе — ваша работа отъ Господа Бога, а потому радуюсь и вѣрю, что дѣйственны слова Апостола: «сила Божія въ немощи совершается!» Когда мы немощны, не въ смыслѣ только недуговъ тѣлесныхъ, а въ смыслѣ въ данномъ случаѣ нашей малочисленности, безправія, матеріально бѣдныхъ и вотъ всѣ эти немощи наши приводятъ насъ къ сознанію, что безъ Божіей помощи мы ничто, а когда это сознаніе охватитъ все существо эмиграціи, той части ея, коя свято чтитъ память умученнаго и убіеннаго Царя нашего и всей Августѣйшей Семьи, когда осознаемъ немощь нашу и обратимся съ воплемъ крѣпкимъ за помощью ко Господу, то придетъ она, отъ руки Бога крѣпкаго и живаго. Буди! Буди!..»

В. Мержеевскій.»
«Владимірскій Вѣстникъ» ном. 79.

XXIV.

ЗАВѢТЫ ФЕВРАЛЯ.

«Есть событія, къ которымъ необходимо возвращаться непрестáнно, о которыхъ нужно напоминать, дабы стали они понятными для судебъ народныхъ. Къ такимъ историческимъ моментамъ принадлежитъ и то, что случилось 2 марта 1917 года, на станціи Псковъ, въ вагонѣ желѣзной дороги. Въ этотъ день члены государственной думы Гучковъ и Шульгинъ, именовавшіе себя народными представителями, при поддержкѣ и помощи царскихъ генераловъ, вынудили у Государя Императора отреченіе отъ престола. Исторія этой эпопеи трусости, измѣны и обмана достаточно извѣстна. Послѣдствія этого предательства отъ времени не сглаживаются и будутъ имѣть вліяніе на судьбу Россіи до той поры, пока грѣхъ отступничества отъ Царя не будетъ принятъ всенародно.

Завѣты февраля живучи, продолжаютъ они жить и въ наши дни, какъ это ни странно. Революція вовсе не изжита въ эмигрантскомъ сознаніи, и каждый день ея отрыжка даетъ себя чувствовать. Непримиримые враги императорской Россіи отравили душу русскаго человѣка ядовитыми газами, въ формѣ лозунговъ непредрѣшенчества, аполитичности, пропаганды народнаго суверенитета, подъ видомъ учредительнаго собранія (какъ будто бы одного было мало), а то и просто прямого отрицанія исторической царской власти. Но отступничество отъ Царя есть отступничество отъ Россіи.

Говорятъ о сверженіи большевиковъ и одновременно хотятъ революцію начать сначала. По ироніи судьбы, появились даже и монархисты, готовые служить республикѣ. Нѣкоторые изъ этихъ монархическихъ оборотней договорились до призыва къ сотрудничеству именно съ тѣми силами, которыя Россію погубили. На смѣну Милюкову и его партіи народной измѣны приходятъ новые фигуранты, въ надеждѣ получить доллары или просто по глупости.

Между тѣмъ исторія Россіи неотдѣлима отъ исторіи самодержавной монархіи и православной церкви. Россія и монархія суть понятія неотдѣлимыя; Россія и православіе суть понятія связанныя между собой. Исторія Россіи пріостановилась съ паденіемъ монархіи.

Подпись Государя подъ документомъ объ отреченіи была достигнута въ обстановкѣ, исключающей свободное

волеизъявленіе. Между тѣмъ отъ народа и, главное, отъ арміи, было скрыто, что Государь не имѣлъ права отрекаться отъ престола. Наши основные законы не знаютъ отреченія, если даже принять, что оно могло быть дано добровольно, то въ этомъ случаѣ, какъ и послѣ смерти, престолъ переходитъ по наслѣдству. Въ такомъ случаѣ и передача престола Великому Князю Михаилу Александровичу, минуя наслѣдника, была актомъ не имѣющимъ законной силы. Это отлично понимали знатоки государственнаго права Набоковъ и Нольде, сфабриковавшіе уже настоящую фальшивку, которую Львовъ и Родзянко уговорили Великаго Князя подписать и въ силу которой онъ отказался отъ престола, впредь до рѣшенія учредительнаго собранія.

Самъ В. Набоковъ признаетъ, что такого рода передача была блефомъ. «Русскій престолъ не вотчина», говоритъ онъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Права на престолъ не подлежатъ передачѣ и, въ лучшемъ случаѣ, если даже признать таковыя за Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ, то онъ могъ отказаться только за себя и въ этомъ случаѣ престолъ переходитъ къ слѣдующему законному наслѣднику».

Но какъ разъ этого то и не хотѣли организаторы переворота. Не имѣющій никакой силы документъ, былъ представленъ странѣ, какъ основной законъ и до сей поры имѣются люди, придающіе ему значеніе. Категорія обманутыхъ людей весьма обширна, но есть и не только обманутые, существуютъ и обманщики. Особенно прискорбно, что зараза непредрѣшенчества проникла и въ среду нѣкогда доблестныхъ офицеровъ императорской арміи, изъ которыхъ многіе спѣшатъ отречься отъ принципа самодержавія въ угоду прислужникамъ февраля, уничтожившихъ честь и славу Россіи.

Итакъ, если авторы манифеста, подписаннаго Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ, знали, что его законная сила равняется нулю, то почему же разные апостолы доктрины непредрѣшенчества продолжаютъ толковать о томъ, что волеизъявленіе народа рѣшитъ судьбу Россіи? Она нужна февралистамъ для оправданія ихъ отреченія отъ престола, который является символомъ національнаго единства. Вотъ почему имъ было нужно выбросить скорее въ мусорный ящикъ священный лозунгъ: «За Вѣру, Царя и Отечество» и замѣнить его псевдолозунгами изъ арсенала французской революціи.

Пусть обманутые люди рукоплещутъ отъ восторга непредрѣшенческимъ предательскимъ лозунгамъ и призывамъ,

а мы скажемъ, что все, что идетъ отъ февраля, заключаетъ въ себѣ преддверіе окончательной гибели Россіи.

На этомъ пути спасенія нѣтъ. Залогъ спасенія Россіи и ея возрожденія лишь въ освобожденіи отъ яда непредрѣшенчества и аполитичности; спасеніе придетъ тогда, когда русскіе люди вернутся къ Царю и историческимъ завѣтамъ. Россія воскреснетъ, когда въ сердцѣ каждаго русскаго человѣка воскреснутъ слова: не умерло царство россійское.

В. Мержеевскій.

(Владимірскій Вѣстникъ, № 40)».

Въ подтвержденіе словъ В. Мержеевскаго привожу изъ журнала «Православная Жизнь» стихи, ясно доказывающіе, что въ русскомъ народѣ, живущемъ въ совѣтскомъ аду, не умерло царство россійское.

ГОЛГОѲА ВЕЛИКОЙ РОССІИ. *)

Гдѣ стѣсняя просторъ,
Груды каменныхъ горъ,
Среди горной уральской стихіи,
На вершинѣ горы,
Гдѣ летаютъ орлы,
Есть Голгоѳа Великой Россіи.

Въ восемнадцатый годъ,
Обезумѣвъ, народъ
Допустилъ то кошмарное дѣло:
Онъ царя своего
И семью всю Его
Палачамъ передалъ для разстрѣла.

Днемъ тамъ ветѣръ шумитъ,
Вѣщій воронъ кричитъ,
И подъ кедры, въ прохладныя тѣни,
На полуденный зной
Въ безопасный покой
Отдохнуть прибѣгаютъ олени.

Но какъ ночь настаетъ,
Императоръ встаетъ,
Изъ могилы выходитъ съ семьею
И идутъ по камнямъ,
По корнямъ и по пнямъ
На Голгоѳу тернистой тропою.

И съ поникшей главой
Цесаревичъ больной
Самъ не можетъ взойти на вершину,
Императоръ въ пути
Помогаетъ взойти
На Голгоѳу любимому сыну.

Тамъ, поднявъ къ небу взоръ,
На колѣняхъ, средь горъ
За Россію молитву возноситъ,
И за русскихъ за всѣхъ,
И за тяжкій нашъ грѣхъ
Передъ Богомъ прощенія проситъ.

И надъ ихъ головой
Звѣздъ вѣнецъ золотой,
Какъ лампада, на небѣ сіяетъ,
И изъ яркихъ лучей
Семь зажженныхъ свѣчей
На Голгоѳу съ небесъ посылаетъ.

У царицы изъ глазъ,
Какъ уральскій алмазъ,
Льются крупныя горькія слезы;
И гдѣ слезы текли,
Тамъ изъ жесткой земли
Выростаютъ прекрасныя розы.

---

*) «Настоящее стихотвореніе прислано намъ съ сообщеніемъ, что оно вывезено одной старушкой, нынѣ проживающей во Франціи, изъ совѣтской Россіи въ 1943 г. Авторъ его остался неизвѣстнымъ». Журналъ «Православная Жизнь» № 11 — ноябрь 1960 г.

У царевенъ глаза,
Какъ небесъ бирюза,
Заливаются горькой слезою —
Какъ цвѣтокъ голубой
Незабудки лѣсной
Смятъ безжалостно бурной грозою.

И всю ночь тамъ они
На молитвѣ одни
Напрягаютъ послѣднія силы;
Но какъ солнца восходъ
Озаритъ небосводъ,
Всѣ обратно уходятъ въ могилы.

И опять у скалы,
Лишь летаютъ орлы,
И шумятъ старыхъ кедровъ вершины,
И о звонкій гранитъ
Горный вѣтеръ гудитъ
И сметаетъ песокъ изъ долины.

И сочится она
Алой крови полна
Эта страшная русская рана;
Льется крови потокъ
На россійскій песокъ
По капризу лихого тирана.

Но давно ужъ молва
По Россіи пошла,
Что окончатся наши мученья,
Когда вмѣстѣ съ царемъ
На Голгоѳу пойдемъ
И испросимъ у Бога прощенья.

И очиститъ Господь
Нашу душу и плоть
И изгонитъ всѣ бѣды лихія,
И надъ нами, какъ встарь,
Будетъ вѣра и царь,
И воскреснетъ былая Россія.

Но вотъ приближается проклятый февраль, нарушившій всѣ завѣты и преданья. Я не употребляю слово «традиціи», это слово не русское, пусть имъ пользуются непредрѣшенческіе, солидаристскіе, рновскіе и прочіе слуги сатанизма, имъ страшно слово завѣты, которое для нихъ звучитъ церковно и царски. И я помѣщаю слѣдующую, разоблачающую статью Н. Потоцкаго:

«ПРИГЛАШЕНІЕ НА ФЕВРАЛЬСКІЕ ТОРЖЕСТВА»
— посвящается С. Водову.

«Едва ли я ошибусь сказавъ, что въ настоящее время г. Водовъ и его единомышленники испытываютъ съ каждымъ днемъ возрастающее чувство радости по поводу приближенія даты торжественнаго юбилея: 40-лѣтія «великаго февраля»!

Наконецъ то г. Водовъ сможетъ получить долгожданный реваншъ! Въ самомъ дѣлѣ, уже сколько лѣтъ, и даже по нѣсколько разъ въ годъ, «мракобѣсы» и «черносотенцы» портятъ ему и его демократическимъ коллегамъ кровь, устраивая многолюдныя открытыя собранія, то памяти Императора Николая Второго, то памяти всей умученной Царской Семьи, то какого то тамъ Солоневича, то непримиримости къ большевизму, а въ послѣднее время даже, подумайте, какая наглость — непримиримосги къ этому священному для русскаго сердца февралю.

Нѣтъ ужъ извините, на этотъ разъ праздникъ будетъ на улицѣ февралистовъ. Ибо я не могу допустить и мысли, чтобы г. Водовъ и его друзья не ознаменовали самымъ импозантнымъ и грандіознымъ торжествомъ 40-лѣтній юбилей тѣхъ свѣтлыхъ для нашей родины дней, когда, по громогласному заявленію одного изъ идейныхъ соратниковъ г. Водова, спикера радіо-станціи «Освобожденіе», «надъ Россіей взошла заря свободы».

Я не знаю, будетъ ли г. Водовъ просить нашихъ пастырей отслужить въ этотъ день торжественную панихиду по тѣмъ великимъ борцамъ противъ ненавистнаго самодержавія, которые «жертвою пали въ борьбѣ роковой» по Желябову, Каляеву, Гершуни, Гельфманъ, Богрову, и др. или по тѣмъ, которыхъ ихъ болѣе счастливые братья-соціалисты просто выгнали заграницу — вродѣ Зензинова, Гоцлибердана и прочихъ, и столь же торжественный молебенъ о еще нынѣ благополучно здравствующихъ дѣятеляхъ «великой и безкровной» во главѣ съ дорогимъ Александромъ Федоровичемъ, Абрамовичемъ, Вишнякомъ и о себѣ самомъ. Но я твердо вѣрю, что на протяженіи всего остающагося до этихъ знаменательныхъ дней времени «Русская Мысль» будетъ въ каждомъ своемъ номерѣ печатать приглашенія «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ» на торжественное собраніе посвященное памяти «великаго февраля» въ одной изъ самыхъ большихъ публичныхъ залъ Парижа. И ужъ, конечно, устроители этого грандіознаго торжества приложатъ всѣ свои столь блестяще проявленныя еще въ 1917 году въ Россіи организаторскія способности, чтобы это собраніе было самымъ грандіознымъ изъ всѣхъ русскихъ собраній не только въ Парижѣ, но и на всемъ земномъ шарѣ, и затмило бы своимъ внѣшнимъ блескомъ и внутренней содержательностью всѣ предыдущія, ненавистныя г. Водову сборища монархическихъ зубровъ... Бьюсь объ закладъ, что для выступленія на этомъ собраніи прилетятъ и самъ «первенецъ русской революціи», и ея женская трубадура, и полтора-абрамовича, и многіе другіе гробокопатели нашей родины. Не исключается возможность, что въ сонмѣ этихъ борцовъ противъ кроваваго царизма и его законныхъ наслѣдниковъ рискнетъ выступить и г. Орѣховъ. Онъ вѣдь можетъ подкрѣпить свою претензію на выступленіе въ этой теплой компаніи своей неоспоримой заслугой — безцеремоннымъ снятіемъ короны съ Россійскаго двуглаваго орла на обложкѣ своего «Часового».

И можно себѣ представить, какъ блестящи, какъ насыщены глубокимъ, а главное, правдивымъ содержаніемъ будутъ рѣчи этихъ корифеевъ и идеологовъ россійской

демократической республики въ честь тѣхъ лучезарныхъ дней свободы, и, конечно, не одного февраля, а вплоть до самаго октября. Эти сладкогласные Цицероны и Мирабо русской революціи, съ неподражаемымъ пафосомъ, а главное, опираясь на безспорныя историческія и статистическія данныя, разскажутъ, потрясеннымъ ихъ краснорѣчіемъ, слушателямъ о томъ, что именно принесъ «великій февраль» русскому народу: какой свѣтлый путь свободы и обогащенія онъ открылъ порабощенному, безправному и нищему русскому крестьянству, не выходившему дотолѣ изъ подъ розги земскихъ начальниковъ; какую полноцѣнную заработную плату и какую защиту отъ хищной эксплуатаціи акулъ капитализма принесъ онъ нашимъ забитымъ, изможденнымъ, оборваннымъ и голоднымъ рабочимъ; какъ онъ сдѣлалъ самой свободной въ мірѣ нашу армію, замѣнивъ ея палочную дисциплину сознательной и даже, какая красота, революціонной, и какъ эта армія, воодушевленная вдохновенными призывами вдохновенныхъ главноуговаривающихъ, самоотверженно устремилась на врага и изгнала его изъ предѣловъ родной земли, причемъ доблестный петроградскій гарнизонъ первый умолялъ временное правительство немедленно послать его на фронтъ; какъ молніеносно укрѣпились русскіе финансы, расшатанные бездарнымъ царскимъ правительствомъ, и какимъ полноцѣннымъ сталъ подъ управленіемъ геніальнаго финансиста Терещенко русскій рубль; какъ административный и судебный аппаратъ новой власти, бдительно стоя на стражѣ національныхъ интересовъ страны, облегчая ей конечную побѣду надъ внѣшнимъ врагомъ и въ корнѣ пресѣкая всякія преступныя попытки деморализаціи арміи и захвата власти пораженцами, работающими на вражескія деньги, безпощадно ликвидировалъ этихъ предателей и измѣнниковъ; и какъ, наконецъ, когда этимъ преступникамъ удалось все же поднять революціонное возстаніе, героическіе и самоотверженные творцы февраля показали всему міру готовность умереть за свои возвышенные идеалы и, сопротивляясь съ оружіемъ въ рукахъ озвѣрелымъ краснымъ бандамъ, мужественно погибали на своемъ посту защитниковъ и охранителей «нетлѣнныхъ цѣнностей». Какое духовное благородство, какая красивая смерть! И какая свѣтлая память въ благодарномъ потомствѣ, восхищенномъ столь легендарной защитой «керенщины», этой самой блестящей эпохи во всей тысячелѣтней русской исторіи.

Но когда отгремятъ бѣшеные аплодисменты потрясеннаго до глубины души зала въ награду ораторамъ за эту яркую и правдивую апологію великихъ дней зари россійской народной свободы, мы, зрители и участники этихъ

дней, бывшіе въ то время скромными «штабсъ-капитанами» и, къ нашему горю, гораздо менѣе опытными политически, чѣмъ творцы и организаторы всѣхъ достиженій и завоеваній февраля, мы, надѣясь на то, что для нашихъ патентованныхъ демократовъ принципъ свободы слова не пустой звукъ, попросимъ слова... Равенство такъ равенство! И не для нашихъ сверстниковъ и ровестниковъ, переживших эти дни, и не для г. Водова и его коллегъ, вотъ уже сорокъ лѣтъ съ почтительно разинутымъ ртомъ стоящихъ на вытяжку передъ этими достиженіями и завоеваніями, а для тѣхъ представителей новыхъ поколѣній и старой и новой эмиграціи, которые будутъ присутствовать на этомъ торжествѣ, мы скажемъ нашу правду объ этомъ гнусномъ, проклятомъ и кровавомъ февралѣ.

Мы скажемъ имъ о томъ, что этотъ февраль былъ самымъ подлымъ предательствомъ интересовъ, счастья и величія нашей родной страны, какое когда либо знала міровая исторія, ибо онъ вырвалъ у нашего народа несомнѣнную и блестящую побѣду надъ врагомъ и уже завоеванное сотнями тысячъ жизней его лучшихъ сыновъ право великой россійской націи на одно изъ первыхъ, если не на самое первое, мѣсто въ мірѣ, на грандіозный мирный творческій прогрессъ, на невиданный еще расцвѣтъ ея духовныхъ силъ и матеріальныхъ ресурсовъ.

Мы скажемъ какъ лгали и лгутъ апологеты этого подлаго бунта, называя гнусный заговоръ кучки враговъ монархіи, которая эту несомнѣнную побѣду и подготовила, — кучки, увлекшей въ свои сѣти политически безграмотный и забывшій свой долгъ передъ царемъ и народомъ высшій генералитетъ «народной революціей», въ то время, какъ широкія народныя трудящіеся массы никакого участія въ этомъ переворотѣ не принимали и никто ихъ мнѣнія объ его необходимости не спрашивалъ и въ то время, какъ эти народныя массы мужественно исполняли свой долгъ: одни на фронтѣ, другіе у заводскихъ станковъ, и твердо вѣрили въ конечную побѣду.

Мы скажемъ какъ лгали и лгутъ восхвалители этой «народной революціи», называли ее «безкровной»... Ибо мы видѣли несчастныхъ городовыхъ, растерзанныхъ опьяневшими столичными подонками на улицахъ Петрограда за то, что они, эти городовые, не въ примѣръ тѣмъ измѣнникамъ генералъ-адъютантамъ, память которыхъ лживо защищаютъ до сихъ поръ ничему не научившіеся жалкіе политиканы, остались вѣрными присягѣ, данной ими своему царю. Мы скажемъ о первомъ выстрѣлѣ этой «безкровной», когда русскій интеллигентъ, вольноопредѣляющійся лейбъ-гвардіи

Волынскаго зап. полка Кирпичниковъ убилъ своего ротнаго командира, пытавшегося возстановить порядокъ. Мы разскажемъ о томъ, какъ въ Гельсингфорсѣ, въ ночь на 4 марта 1917 года, были звѣрски убиты нѣсколько десятковъ морскихъ офицеровъ, которымъ разбивали головы кочегарными кувалдами, поднимали на штыки, а доблестнѣйшаго сына Россіи, командующаго Балтійскимъ флотомъ адмирала Непенина убили подлымъ выстрѣломъ въ спину, обезглавивъ этотъ флотъ на радость врагу.

Мы скажемъ о томъ, во что превратилъ февраль нашу армію, лучшую армію въ мірѣ, воспитанную на рыцарскихъ завѣтахъ Суворова, на принципахъ чести, вѣрности долгу, самоотверженія, христіанскаго милосердія. О томъ, какъ въ то время, какъ на фронтѣ вся армія готовилась честно выполнить свой долгъ и, по приказу своего державнаго вождя, очистить родную землю отъ послѣдняго непріятельскаго солдата, шкурники и дезертиры петроградскихъ запасныхъ полковъ, обманутые нѣмецкими агентами и презрѣнными «народными избранниками», воткнули ножъ въ спину этой арміи и, совершивъ свое каиново дѣло, потребовали прежде всего, чтобы ихъ не посылали на фронтъ, и жалкіе вожди февраля трусливо и раболѣпно поощрили это позорное проявленіе шкурничества, вѣроятнѣе всего, потому, что сами, будучи въ громадномъ большинствѣ пресловутыми земгусарами, предпочли уютно «работать» во всякихъ земгорахъ.

Мы разскажемъ о томъ, сколько нравственныхъ униженій принесли намъ, фронтовымъ офицерамъ, въ особенности въ пѣхотѣ, пресловутая «демократизація» арміи, какъ безчисленные «ораторы», воспитанные въ духѣ Водова и Ко., хлынули въ наши доблестные до того полки и стали вооружать нашихъ потерявшихъ послѣ отреченія Государя душевное равновѣсіе солдатъ противъ насъ, «золотопогонниковъ», «лакеевъ капитализма», жаждущихъ возврата къ «старому режиму» и т. п. Что сдѣлали новые правители Россіи въ защиту нашего человѣческаго и офицерскаго достоинства на основѣ ихъ же собственныхъ «демократическихъ» принциповъ?

Мы разскажемъ и о томъ, какъ эта армія, ставшая «самой демократической и самой свободной арміей въ мірѣ», армія, которая тогда, когда она была вѣрна Вѣрѣ, Царю и Отечеству, проявляла сверхчеловѣческій героизмъ и невиданное упорство въ сопротивленіи, не выдержала ничтожнаго контръ-удара нѣмцевъ подъ Калущемъ и Тарнополемъ и позорно бѣжала, превратившись въ стадо звѣрей, сметавшихъ все на своемъ пути, убивавшихъ своихъ офицеровъ, грабившихъ мирныхъ жителей. Какъ въ зна-

менитомъ іюльскомъ «керенскомъ» наступленіи полки этой совершенно разложившейся арміи, митинговали вмѣсто того, чтобы наступать, и какъ въ одномъ полку 16 солдатъ и 17 офицеровъ, вышедшіе изъ окоповъ въ атаку, чтобы подать примѣръ этому стаду шкурниковъ, были убиты въ спину залпами своихъ же солдатъ. И какъ честь россійской арміи пришлось спасать женскому батальону Бочкаревой, мужественно отражавшему атаки нѣмцевъ и потерявшему много убитыхъ и раненыхъ «дѣвушекъ съ винтовками»... и какъ командиръ одного изъ пѣхотныхъ полковъ, по разсказу П. Н. Краснова (и это историческій фактъ) былъ распятъ своими же солдатами за то, что хотѣлъ заставить ихъ стать на позицію для смѣны другого полка. Не самъ ли главный носитель «нетлѣнныхъ цѣнностей» вынужденъ былъ назвать этихъ «воиновъ» россійской республики «взбунтовавшимися рабами», достойными смертной казни? Но не вашъ ли февраль сдѣлалъ этихъ прежнихъ суворовскихъ чудо-богатырей такими скотами, г. Водовъ? Ихъ или васъ надо винить въ совершенныхъ ими преступленіяхъ? И не обязаны ли были вы, такіе знатоки русскаго народа, предвидѣть, что ощутивъ пустоту на мѣстѣ тысячелѣтней традиціонной власти, эти простые русскіе люди неминуемо потеряютъ духовное равновѣсіе и станутъ легкой добычей проповѣдниковъ анархіи и разрушенія? Почему же вы не предвидѣли этого?

Мы напомнимъ вамъ и о томъ, какъ, имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ доказательства государственной измѣны Ленина и его шайки и совершенно достаточный поводъ для ея ликвидаціи послѣ іюльскаго возстанія большевиковъ, ваша трусливая мягкотѣлая власть, рожденная февралемъ, даже не осознала своего долга передъ народомъ, который въ тотъ моментъ, выбирая изъ двухъ золъ меньшее, еще силился ее уважать, безпощадно покарать этихъ подлинныхъ преступниковъ и враговъ народа, предотвративъ этимъ всякую дальнѣйшую попытку этихъ измѣнниковъ захватить власть и тѣмъ самымъ предохранить родную землю отъ послѣдующихъ десятилѣтій неслыханныхъ страданій и мученической гибели милліоновъ нашихъ русскихъ братьевъ.

Мы скажемъ также и о томъ, какъ за все время своего пребыванія у власти создатели и прислужники февраля проявили чудовищную бездарность и позорную неспособность наладить государственный порядокъ; какъ наше народное достояніе стало выражаться въ «простыняхъ» керенокъ, которыми въ концѣ концовъ можно было только оклеивать стѣны; какъ наши несчастныя желѣзныя дороги оказавшія странѣ въ дни войны громадныя услуги въ об-

ласти военныхъ операцій и снабженія фронта и тыла, превратились въ средство перевозки сотенъ тысячъ дезертировъ («крути Гаврила»); какъ полнѣйшая безотвѣтственность, хаосъ и анархія воцарились во всѣхъ областяхъ политической, соціальной и экономической жизни подъ мудрымъ водительствомъ тѣхъ жалкихъ политикановъ, захлебывавшихся въ словоблудіи, слабость и неопытность которыхъ вынуждены были признать, вы сами г. Водовъ, въ одной изъ вашихъ статей.

И, наконецъ, мы не преминемъ воскресить въ нашемъ воображеніи и нарисовать тѣмъ, кто ея не видѣлъ, ту, полную жуткаго трагикомизма картину когда творцы «великаго февраля» и правители «новой свободной» Россіи превратились въ дѣйствующихъ лицъ жалкаго и позорнаго фарса, когда растерянные, безвольные и въ холодномъ поту отъ животнаго страха, они прятались въ Зимнемъ Дворцѣ отъ штурмующей большевицкой орды за спинами несчастныхъ юнкеровъ и ударницъ того же многострадальнаго женскаго батальона Бочкаревой. О, если бы на этомъ вашемъ торжественномъ собраніи можно было бы воспроизвести за кулисами предсмертные стоны русскихъ мальчиковъ, приканчиваемыхъ штыками «красы и гордости русской революціи» съ «Авроры», и нечеловѣческіе крики доблестныхъ русскихъ женщинъ, насилуемыхъ этими звѣрями, которыхъ спустилъ съ цѣпи тотъ же вашъ февраль, г. Водовъ! И какой невиданный еще успѣхъ имѣлъ бы показанный на этомъ же торжествѣ фильмъ, который показалъ бы присутствующій на немъ апофеозъ вашего «великаго февраля»: главу временнаго правительства, воплощавшаго въ себѣ всѣ ваши идеалы свободы и человѣческаго достоинства, и верховнаго главнокомандующаго вооруженныхъ силъ вашей нетлѣнной демократической республики, бѣгущимъ со своего поста въ женской юбкѣ. Вотъ подлинный, яркій и безсмертный символъ всего вашего гнуснаго, лживаго и антинароднаго дѣла, г. Водовъ.

Вотъ что скажемъ мы на вашемъ торжественномъ собраніи, г. Водовъ. И мы спросимъ васъ въ заключеніе: правда все это или неправда? А если правда, то кто виноватъ во всемъ этомъ? И не только въ томъ, что было до октября, но и послѣ него?

Мы знаемъ, что на эти вопросы честнаго отвѣта мы не получимъ. И пусть это отсутствіе русскаго гражданскаго мужества останется на вашей совѣсти, какъ и на совѣсти всѣхъ тѣхъ, кто до сихъ поръ позволяетъ себѣ забрызгивать грязью ту по настоящему великую и подлинно христіанскую россійскую верховную власть, основы которой, коре-

нившіеся въ глубинахъ русскаго народнаго духа и въ стремленіи его къ тѣмъ идеаламъ, безъ которыхъ, по словамъ Достоевскаго, не можетъ быть великой націи, вы и вамъ подобные подрывали, какъ слѣпые кроты.

И все же мы боимся одного: что, несмотря на всѣ ваши героическія позы защитниковъ «нетлѣнныхъ цѣнностей» и «завоеваній февраля», вы и здѣсь проявите органически присущую вашей категоріи нашей «либеральной» интеллигенціи трусость, и торжественнаго собранія по поводу 40-лѣтія февраля не устроите. Ибо объ этихъ «цѣнностяхъ» и «завоеваніяхъ» вы можете только писать въ вашей газетѣ, зная, что на такую же печатную ихъ критику вы можете просто не отвѣчать или отвѣчать, по вашему обычаю, передержками или фальшивками. Но той живой реакціи, которая неминуемо проявилась бы на этомъ собраніи со стороны искренней аудиторіи въ отвѣтъ на ваши лживыя восхваленія и на нашу правду, вы страшитесь; ибо разумно отвѣтить на эту реакцію вамъ нечего.

А потому приходится предположить, что приглашать на февральское торжественное собраніе русскую національную эмиграцію придется все таки не вамъ, а намъ: тѣмъ, кто еще всенародно заявляетъ о своей непримиримости къ февралю, какъ къ символу предательства идеаловъ русскаго народа, надругательства надъ его свободной волей, полнаго забвенія его жизненныхъ интересовъ, принесенныхъ въ жертву партійнымъ шпаргалкамъ, позорнаго словоблудія, правительственной бездарности и, въ заключеніе, жалкаго и позорнаго фарса, — бѣгства освистанныхъ актеровъ съ прогнившихъ подмостковъ той сцѣны, на которой не въ мѣру снисходительная исторія позволила вашимъ кумирамъ и вамъ, ихъ лакейчикамъ, играть роль балаганныхъ петрушекъ и кривляться цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ.

Н. Потоцкій.»

XXV.

Еще продолжается на Руси эта страшная и томительная ночь, и не видно въ ней радостнаго разсвѣта. Изнемогаетъ наша Родина въ тяжкихъ мукахъ, и нѣтъ врача, исцѣляющаго ее. Гдѣ же причина этой длительной болѣзни, повергающей однихъ въ уныніе, другихъ въ отчаяніе? Вопросите вашу православную

совѣсть, и въ ней найдете отвѣтъ на этотъ мучительный вопросъ. Грѣхъ, тяготѣющій надъ нами, скажетъ она намъ, вотъ сокровенный корень нашей болѣзни, вотъ источникъ всѣхъ нашихъ бѣдъ и злоключеній. Грѣхъ, растлилъ нашу землю... Грѣхъ, тяжкій нераскаянный грѣхъ, вызвалъ сатану изъ бездны, изрыгающаго нынѣ хулу на Господа и Христа Его и воздвигающаго открытое гоненіе на Церковь...

Гдѣ же ты, нѣкогда могучій и державный русскій народъ?..

Неужели ты не возродишься духовно и не возстанешь снова въ силѣ и славѣ своей? Неужели Господь навсегда закрылъ для тебя источникъ жизни, погасилъ твои творческія силы, чтобы посѣчь тебя, какъ безплодную смаковницу? О, да не будетъ сего...

Плачьте же, дорогіе братія и чада, оставшіеся вѣрными Церкви и Родинѣ, плачьте о великихъ грѣхахъ нашего Отечества, пока оно не погибло до конца. Плачьте о самихъ себѣ и о тѣхъ, кто, по ожесточенію сердца, не имѣетъ благодати слезъ.

Святѣйшій Патріархъ Тихонъ.
(1918 г.)

Какъ тягостно для тѣла и темно для души вмѣстѣ отсутствіе солнца. Какъ все отъ крайняго холода зацѣпенѣло, омертвѣло! Какъ печально, больно, скучно. А каково душѣ человѣческой быть безъ благодати Божіей, безъ молитвы, безъ слова Божія, безъ богослуженія, безъ причастія св. Таинъ. Многимъ только смерть покажетъ все сиротство, бѣдность, нищету ихъ душъ!

Прот. Іоаннъ Кронштадтскій.

Что же остается порядочнымъ русскимъ людямъ для выбора? Міръ ничего хорошаго новаго не могъ выдумать и всѣ «сонры, сборны, солидаристы, рно, непредрѣшенцы, самостійники» и прочіе за 40 лѣтъ, глубокомысленныхъ потугъ, также не могли и нё смогутъ. Остается:

1. Демократія и республиканство, съ парламентскими говорильнями, осрамившими себя на весь міръ и приведшими всѣ государства къ вырожденію, обнищанію и потерѣ своего былого величія, а главное Бога — не это ли хотите?

2. Диктатуры, но ихъ видѣли много: Керенскаго, залившая нашу Родину кровью, лопнула; Ленино-Сталинская пока живетъ и весь міръ наслаждается ея плодами. Неугод-

но ли изъ чувства подражанія и поклоненія западу по привычкѣ ее скопировать?

3. Алексѣевско-Корниловско-Деникинская — лопнула. Не ее ли, только подъ другимъ именемъ хотите на бисъ? Хитлеро-Солидаристко-Рновско-Мусолиніевская? Не ее ли хотите попробовать?

Ни за первымъ, ни за вторымъ, ни за третьимъ, ни за невѣдомой «соціальной справедливостью» вѣрующій русскій народъ не пойдетъ, если его только ловко опять не надуютъ.

Есть одна только справедливость и правда Христа, которую несетъ и обеспечиваетъ лишь монархія. Вотъ за этимъ пойдетъ.

Такъ не пора ли, русскіе люди, опомниться. Вѣдь уже перебрали всѣ имена и даже иностранныя, а объединенія все растутъ, какъ поганки, раздѣляются, раскалываются и все растутъ, и числа имъ уже никто не знаетъ. Такъ почему же не попробовать объединиться возлѣ одного имени, имени, стоящего надъ всѣми, надъ Россіей? Вамъ никому не повѣрятъ, этому же имени повѣрятъ и за нимъ пойдутъ: а имя это — Государь, Глава Династіи Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ, такъ не мѣшайте же Ему и дайте возможность говорить отъ всей эмиграціи.

Неужели вы дѣйствительно отреклись отъ совѣсти и чести и забыли Бога?

Вѣдь вамъ, кромѣ заграничныхъ копѣекъ, на дѣлежку Россіи, придуманную для усиленія СССР, помощи никто не дастъ, а Императору дадутъ, — не Америка съ Англіей и Франціей, боящіяся, установленной Богомъ, монархической идеи, больше чѣмъ коммунизма, и не здѣшняя, разъединяющаяся эмиграція, готовая за доллары идти съ кѣмъ угодно и распродать на демократическихъ основахъ царское наслѣдство, а тамъ далеко, далеко, находящійся въ СССР, простой русскій народъ и еще живущіе всюду вѣрные, старые императорскіе г.г. офицеры.

Кто то сказалъ, что революція кончается со смертью ее создавшихъ. И когда, наконецъ, отойдутъ на Божій судъ всѣ подготовлявшіе и сдѣлавшіе революцію, то не станетъ и теперешней глупой неразберихи, о которой хочется сказать, слегка перефразированными словами Есенина:

«А русскій мужичекъ, читая вашу болтовню
И лживыя слова въ продавшихся газетахъ
Еще отчаяннѣй потянется и къ Богу и къ царю
И разнымъ лѣвымъ «матъ» пошлетъ при этомъ».

Опомнитесь, русскіе люди!

Вы, все время на словахъ, ничего не предрѣшали, въ дѣйствительности же предрѣшивъ проклятый «февраль», и заставляете подчиненныхъ угрозамъ и несбыточнымъ обманнымъ словамъ, какъ муловъ, везти ненужный имъ товаръ, въ невѣдомомъ для нихъ, но отлично вѣдомомъ вамъ направленіи. Вы только и дѣлали, враждовали изъ за русскихъ ризъ и возжигали пламя на могилѣ чужого, неизвѣстнаго солдата...

Надгробье пышное, достойное царей,
Подъ нимъ – холодный прахъ безвѣстнаго солдата,
Всей гордой націи невѣдомаго брата,
Родного сына всѣхъ несчастныхъ матерей...

Къ безвѣстному бойцу съ зари и до зари
Со всѣхъ концовъ страны паломники стремятся,
И гимнъ надъ нимъ звучитъ, и рѣчи говорятся,
Смиренно передъ нимъ склоняются цари.

А на востокѣ, тамъ, гдѣ съ бурей говоря,
Шумитъ-гудитъ тайга – тамъ сумрачно, уныло,
Безъ камня, безъ креста, безвѣстная могила
Хранитъ священный прахъ Россійскаго Царя.

В. Сумбатовъ.

Русскіе люди! Прочтите еще разъ обращеніе Государя, Главы Династіи, Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Владиміра Кирилловича къ свободному міру и Его неоднократные призывы къ русскимъ людямъ, военнымъ и къ молодежи объединиться возлѣ Него – и да станетъ вамъ стыдно. Пора вернуться на древній историческій путь и по завѣтамъ нашихъ предковъ 1613 года сплотиться возлѣ вашего Государя, Главы Династіи и дайте пріемнику этой славной Династіи, столько сдѣлавшей, но не оцѣненной, на благо народа опору для вашего счастья, для вашего же возвращенія на родину.

Не довольно ли терпѣть? Мы вѣрили и надѣялись на всѣхъ, кто торговалъ и покупалъ украденныя у насъ ложки, кто спекулировалъ на русскихъ слезахъ и крови. Не довольно ли?

Вспомните о забытомъ долгѣ передъ Царемъ и Отечествомъ и о томъ страшномъ отвѣтѣ, который каждый дастъ передъ престоломъ Всевышняго.

Красивое прошлое обязываетъ къ благородному настоящему и всѣми силами души я хочу, чтобы мои слова, какъ звуки могучаго набатнаго колокола, проникли въ ваше сознаніе, какъ небесный громъ потрясли ваши заснувшія души. Но для этого я слишкомъ слабъ, не нахожу жгучихъ, захватывающихъ словъ. Но тутъ, внутри горитъ страстный

призывъ. Пора, господа офицеры, вернуться на старый офицерскій, историческій путь — путь чести и славы, вѣрности и долга памятуя, что промедленіе смерти подобно. Бьетъ двѣнадцатый часъ. Царь и Отечество ждутъ подвига, они зовутъ. И пусть презрѣніе родного, страдающаго народа, проклятіе потомства и всѣ невзгоды падутъ на тѣхъ, кто нынѣ, забывая долгъ и родину, цѣль жизни видятъ въ личномъ благополучіи.

Уже исчерпались всѣ сроки.

Пора, г.г. офицеры и русскіе люди, и наша молодежь, какъ сказалъ генералъ Красновъ, подать рапортъ: выздоровѣвъ сего числа отъ русской революціи, службу Его Императорскаго Величества нести могу.

Господи благослови, да будетъ такъ!

Русскій офицерскій корпусъ, измѣной, предательствомъ и обманомъ своихъ генераловъ, былъ заставленъ молча смотрѣть на гибель своей родины, преданный во власть разнузданной толпы, опьяненной революціонной чернью, не могъ поднять своего голоса, а одиночныя попытки вызывали только волну кровавыхъ расправъ со стороны завладѣвшихъ кормиломъ правленія, сумасшедшихъ измѣнниковъ. Уже болѣе чѣмъ на 2/3 порѣдѣвшіе ряды офицерскаго корпуса вслѣдствіи потерь въ бояхъ, науськиваніемъ спеціально для этого посылаемыхъ изъ Москвы и Петрограда агитаторовъ. были растерзаны озвѣрѣвшей солдатской массой на фронтѣ и разстрѣливаемы по городамъ. Планомѣрно твердо и невѣроятно жестоко революціонная новая власть уничтожала еще способныхъ къ протесту и готовыхъ отдать жизнь свою на спасеніе гибнущей родины. Часть когда то мощнаго офицерскаго корпуса русской императорской арміи пала отъ вражескихъ пуль на поляхъ сраженій, часть была убита своими же обезумѣвшими солдатами, а счастливо избѣгнувшіе смерти и вернувшіеся по своимъ домамъ были вылавливаемы и разстрѣливаемы тысячами. Люди порядка, чести и долга были не нужны и опасны для власти, опирающейся на отбросы русскаго народа да на штыки спѣшно сформированныхъ его революціонныхъ войскъ на 90% состоявшихъ изъ наемниковъ китайцевъ и латышей — этой красы русской революціи, называвшейся безкровной, но залившей моремъ крови многострадальную нашу Родину.

Три причины заставили меня взяться за перо и безхитростно, правдиво записать, какъ съумѣлъ, свои воспоминанія о томъ, что я видѣлъ, слышалъ и хорошо знаю.

1. Это мой долгъ передъ Богомъ, Царемъ и Отечествомъ, какъ вѣрующаго человѣка передъ святымъ причастіемъ,

разсказать всю правду и не уносить съ собой въ близкую могилу то, что можетъ помочь разобраться, хоть немного, въ правдѣ новому поколѣнію, становящемуся намъ на смѣну.

Есть еще много моихъ соратниковъ, разбросанныхъ по свѣту, участниковъ двухъ войнъ, начавшихъ со мной формированіе Добровольческой арміи, вышедшихъ вмѣстѣ въ 1-ый Кубанскій походъ и находившихся въ рядахъ вооруженныхъ силъ Юга Россіи и въ Крыму. Всему тому, что я пишу они суть живые свидѣтели.

2. Не такъ давно мною прочитанная брошюра «Павловскій Гобеленъ» Стараго Кирибея (изданіе «Владимірскаго Вѣстника») перевернувшая мнѣ душу и которую совѣтую всѣмъ прочесть.

3. Полученная мною листовка «Въ защиту Храма въ Священную Память Государя Императора Николая II» въ Брюсселѣ, противъ кощунственнаго желанія группы лицъ поставить въ храмѣ-памятникѣ доску съ именемъ Корнилова (думаю, что это желаніе явилось благодаря незнанію правды, скрываемой| отъ всѣхъ). Корнилова — этого измѣнника, предателя, способствовавшаго своими дѣйствіями убійству всей Царской Семьи.

Эта третья причина возмутила меня и окончательно толкнула взяться за перо.

XXVI.

Къ вопросу о постановкѣ въ храмѣ-памятникѣ Государю Императору Николаю II доски съ именемъ генерала Корнилова.

Въ номерѣ журнала «Часовой» отъ 15-го сентября с. г. появилось письмо полковника Бояринцева «отъ имени всѣхъ корниловцевъ, въ разсѣяніи пребывающихъ» и касающееся вопроса о постановкѣ въ храмѣ-памятникѣ въ Брюсселѣ, доски съ именемъ генерала Корнилова.

На это письмо, содержащее рядъ выпадовъ лично противъ меня, а также совершенное искаженіе фактовъ, я послалъ отвѣтъ редактору «Часового» г. Орѣхову, который вопреки литературнымъ обычаямъ и закону въ помѣщеніи отвѣта мнѣ отказалъ. Не стоитъ, конечно, останавливаться на политическихъ изворотахъ г. Орѣхова, страдающаго, вѣроятно, свѣтобоязнью, но въ отвѣтъ не только на письмо

полк. Бояринцева, но и на всю ложь, которая неустанно плетется вокругъ вопроса о храмѣ-памятникѣ Государю Императору Николаю II, я считаю своимъ долгомъ вновь обратиться къ русскому общественному мнѣнію.

Вопреки утвержденію сторонниковъ ген. Корнилова, ни я, ни другіе мои единомышленники не отрицая боевыхъ его заслугъ и его выдающейся роли въ Бѣломъ Движеніи, но мы утверждаемъ, что для имени генерала, примкнувшаго къ революціи съ перваго дня и ревностно ей служившаго, нѣтъ мѣста въ храмѣ, посвященномъ памяти царственныхъ жертвъ, на которыхъ онъ поднялъ преступную руку свою.

Мы утверждали и утверждаемъ, что ген. Корниловъ былъ назначенъ въ Петроградъ революціонной самозванной властью, что онъ арестовалъ императрицу Александру Өеодоровну и держалъ подъ стражей Царскую Семью, что онъ наградилъ георгіевскимъ крестомъ унтеръ-офицера Кирпичникова — измѣнника и бунтовщика.

На эти совершенно ясные факты, приведенные уже раньше въ разныхъ работахъ о революціи, въ томъ числѣ въ моей книгѣ «Императоръ Николай II и революція», посыпался цѣлый ворохъ противорѣчивыхъ опровержeній, безпочвенныхъ заявленій, возмущенныхъ выкриковъ. Сводятся они къ слѣдующему:

1. Ген. Архангельскій заявлялъ въ «Часовомъ» отъ 5 іюля 1939 г., что «выборъ ген. Корнилова на должность главнокомандующаго войсками Петроградскаго военнаго округа состоялся еще 2 марта (подчеркнуто ген. Архангельскимъ) до отреченія Государя и до образованія временнаго правительства». И что ген. Корниловъ былъ указанъ главнымъ штабомъ для этого назначенія. Но вѣдь до отреченія Государя не было законной власти кромѣ монаршей, которая могла бы принять это рѣшеніе; временное же правительство еще не было образовано. Кѣмъ же былъ назначенъ ген. Корниловъ?

Ген. Архангельскій скромно умалчиваетъ о томъ. Въ дѣйствительности ген. Корниловъ былъ назначенъ постановленіемъ самозваннаго временнаго комитета государственной думы отъ 2-го марта, распубликованнымъ въ «Новомъ Времени» отъ 5 марта (№ 14719). Со своей стороны ген. Деникинъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

«Всѣ знавшіе хотя немного Корнилова, чувствовали, что онъ долженъ сыграть большую роль на фонѣ русской революціи, 2-го марта Родзянко телеграфировалъ непосредственно Корнилову, предлагая постъ командующаго войсками Петроградскаго округа. Все построеніе этой телеграммы, также революціонный путь назначенія, минуя военное ко-

мандованіе, очевидно не понравилось ставкѣ». (Деникинъ. «Очерки русской смуты», т. 1, стр. 76).

Итакъ, по свидѣтельству человѣка, ближе всего знавшаго этотъ вопросъ, Корниловъ былъ заранѣе опредѣленъ на «большую роль» въ революціи, назначенъ былъ въ Петроградъ властью революціонной и революціоннымъ способомъ, т. е. именно то самое, что я о немъ писалъ.

2. Въ письмѣ на имя г-жи Корниловой-Шапронъ («Послѣднія Новости» 15 іюня 1939 г.) ген. Деникинъ ссылается на слѣдователя Н. А. Соколова, который въ своей книгѣ будто бы удостовѣряетъ, на основаніи «единодушныхъ» показаній свидѣтелей, что ген. Корниловъ, при арестѣ Государыни «держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и встрѣтилъ полное доброжелательство съ Ея стороны». Въ дѣйствительности же при арестѣ Императрицы присутствовалъ только одинъ полковникъ Кобылинскій, который въ своемъ показаніи ни словомъ не обмолвился ни о «большомъ достоинствѣ» ген. Корнилова, ни о «доброжелательствѣ» къ нему Императрицы. (Соколовъ, «Убійство Царской Семьи» фр. изд. стр. 20.).

Генералъ Архангельскій оправдываетъ ген. Корнилова тѣмъ, что онъ арестовалъ Императрицу «безъ какихъ либо обидныхъ для Ея Величества выходокъ и словъ», но тутъ же признаетъ, что другое лицо «нашло бы и другія, болѣе мягкія слова».

Не знаю, понимаетъ ли хорошо ген. Архангельскій смыслъ и значеніе того, что онъ пишетъ. Вѣдь большевицкіе изверги разстрѣляли Царскую Семью «безъ какихъ либо обидныхъ для Нея выходокъ и словъ». Тов. Юровскій, передъ убійствомъ, велѣлъ даже принести три стула для своихъ жертвъ.

Но теперь мы имѣемъ совершенно безспорное свидѣтельство о томъ какъ дѣйствительно произошелъ арестъ, какъ себя держалъ ген. Корниловъ и что испытала при этомъ Государыня — это свидѣтельство самой Императрицы Александры Феодоровны. Нельзя безъ глубокаго волненія, безъ чувства остраго возмущенія, читать эти слова замученной Царицы.

Вотъ выдержка изъ этого документа:

«26 іюля 1939 г.

Вы знаете (я вамъ сіе разсказывалъ лично), что мнѣ привелось, какъ величайшее счастье, видѣть Императрицу Александру Феодоровну уже въ Царскомъ Селѣ. Такъ вотъ я, какъ сейчасъ, помню слова Ея Величества, обращенныя ко мнѣ: «Я поняла и понимаю, сказала Она, ненависть къ

намъ Гучкова, Керенскаго и другихъ, но за что насъ такъ ненавидятъ такіе люди, какъ генералъ Корниловъ, котораго такъ обласкалъ Ники? Вы знаете Меня давно и знаете, что Я себя умѣю держать въ рукахъ, но въ тотъ часъ, когда ген. Корниловъ съ краснымъ бантомъ рядомъ съ пожалованнымъ ему Ники орденомъ св. Георгія, вошелъ ко Мнѣ и сказалъ Мнѣ: «Гражданка Александра Феодоровна Романова, встаньте и выслушайте повелѣніе временнаго правительства» у Меня потемнѣло въ глазахъ». И тутъ на глазахъ Императрицы появились слезы».

Подлинникъ этого документа, исходящаго отъ лица, высокій авторитетъ котораго признается всей русской эмиграціей, и пользуется уваженіемъ во всемъ мірѣ, находится въ Брюсселѣ и былъ показанъ многимъ лицамъ, въ томъ числѣ членамъ комитета по сооруженію храма-памятника и его предсѣдателю гр. Апраксину. Онъ также хорошо извѣстенъ г. Орѣхову, который просилъ меня не называть имени его автора, что я и исполняю. Но что сказать про лицъ, которыя, зная объ этомъ убійственномъ документѣ и пытаясь его скрыть, продолжаютъ лицемѣрно умиляться передъ «вежливостью» ген. Корнилова и настаивать на кощунственномъ помѣщеніи его имени рядомъ съ именами его жертвъ?

И чего стоятъ лживыя заявленія о томъ, что Корниловъ арестовалъ Императрицу для Ея же пользы, «исключительно съ цѣлью оберечь Государыню отъ возможныхъ униженій со стороны представителей революціонной демократіи», когда по свидѣтельству того же слѣдователя Соколова, Корниловъ смѣнилъ вѣрную Царю охрану именно «революціонной» ватагой, отъ которой Царь и Царица терпѣли постоянныя обиды?

3. По вопросу о награжденіи георгіевскимъ крестомъ унтеръ-офицера Кирпичникова, поклонники ген. Корнилова никакъ сговориться не могутъ. Командиръ Корниловскаго ударнаго полка полковникъ Кондратьевъ признаетъ преступленіе Кирпичникова, но утверждаетъ, что «приписываемое ему (ген. Корнилову) награжденіе георгіевскимъ крестомъ унт.-оф Кирпичникова является чистѣйшей ложью. Этого убійцу награждалъ не ген. Корниловъ, а слѣдующій за нимъ командующій войсками Петроградскаго военнаго округа Кузминскій». («Возрожденіе» отъ 23 іюня 1939 г.).

Другіе сторонники ген. Корнилова за неосторожнымъ и неосвѣдомленнымъ полк. Кондратьевымъ не пошли и распространили версію, что ген. Корниловъ дѣйствительно наградилъ Кирпичникова, но не за бунтъ, а за предшествующія военныя заслуги.

Вопросъ этотъ разрѣшается просто. Кирпичниковъ былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ и произведенъ въ подпрапорщики 6 апрѣля 1917 г., именно за бунтъ, что и было распубликовано въ «Новомъ Времени» отъ 9-го числа того же мѣсяца (№ 14747).

Подъ портретомъ Кирпичникова, помѣщенномъ въ № 16 «Нивы» за тотъ же годъ, значится слѣдующая надпись: «георгіевскій кавалеръ за гражданскія заслуги. Старшій унтеръ-офицеръ Волынскаго полка Тимофей Ивановичъ Кирпичниковъ, первый поднявшій знамя возстанія среди солдатъ, награжденный ген. Корниловымъ георгіевскимъ крестомъ и нынѣ произведенный въ подпрапорщики».

Какъ относился самъ ген. Корниловъ къ этому эпизоду видно изъ слѣдующаго свидѣтельства князя Д. Авалова, бывшаго младшаго офицера въ учебной командѣ запаснаго батальона Л.-Гв. Волынскаго полка, въ которомъ тогда произошелъ бунтъ съ убійствомъ капитана Лашкевича: «у меня сохранилось очень тягостное воспоминаніе. Ген. Корниловъ пріѣхалъ къ намъ въ батальонъ; мы тогда были въ большой модѣ и въ теченіе не менѣе чѣмъ 1½ часовъ обсуждалъ съ Кирпичниковымъ и комитетомъ солдатъ вопросъ какое отличіе дать командѣ за ея геройское поведеніе: красную обойму, нашитую на рукавъ, или же красную же пулеметную ленту черезъ плечо, и кому давать, только командѣ, или же всему батальону? Это происходило въ офицерскомъ собраніи и когда ген. Корниловъ пріѣхалъ то за руку поздоровался со всѣмъ комитетомъ. Насъ же, немногочисленныхъ офицеровъ, онъ не замѣтилъ, а мы его ждали, какъ опору». (Письмо кн. Д. Авалова отъ 14 октября 1949).

На этомъ можно было бы и закончить. Этихъ фактовъ больше чѣмъ достаточно, чтобы у всѣхъ честныхъ и безпристрастныхъ русскихъ людей отпали всякія сомнѣнія въ невозможности въ храмѣ-памятникѣ прославлять имя революціоннаго генерала.

Но сторонники этой оскорбительной для памяти мучениковъ мѣры столь настойчиво ея добиваются, столь громко твердятъ о своихъ монархическихъ чувствахъ, столь возмущенно обвиняютъ меня въ несправедливости къ ген. Корнилову, которому приписываютъ чистоту монархическихъ побужденій, что мнѣ приходится остановиться и на этихъ вопросахъ.

Въ письмѣ, помѣщенномъ въ «Возрожденіи» отъ 23 іюня 1939 г., начальникъ группы корниловцевъ во Франціи (безъ подписи) заявлялъ, что «всѣ корниловцы искренне и отъ души, сочувствуютъ идеѣ сооруженія храма-памятника Царю-Мученику и всѣмъ въ смутѣ убіеннымъ». Далѣе, ав-

торъ письма утверждаетъ, что «вопреки существующему въ части общества представленію», настроеніе «подавляющаго большинства чиновъ полка» монархическое и т. д.

Къ сожалѣнію корниловцы не всегда такъ чувствовали и думали. Обращаясь къ источникамъ корниловцевъ же, напримѣръ къ книгѣ «Корниловскій ударный полкъ», съ предисловіемъ ген. Скоблина и Головина, мы находимъ, что первая ячейка офицерскаго состава этого была составлена изъ прапорщиковъ, которые «почти всѣ считали себя или республиканцами или сочувствующими партіи соціалистовъ-революціонеровъ»... «тогдашнее настроеніе юныхъ прапорщиковъ отразилъ прапорщикъ Кривошеевъ въ своей книгѣ «Пѣсни Корниловца», (стр. 11). Въ одной изъ этихъ пѣсенъ встрѣчается слѣдующій куплетъ: «мы былого не жалѣемъ, Царь намъ не кумиръ». «Однажды въ 1 Кубанскомъ походѣ Корниловъ, услышавъ этотъ мотивъ, попросилъ, чтобы ему записали слова. Когда Корниловъ былъ убитъ, листокъ съ этой пѣсней, пробитый осколкомъ, былъ найденъ въ карманѣ на груди погибшаго главнокомандующаго. Это такъ поразило корниловцевъ, что съ тѣхъ поръ пѣснь корниловцевъ стала офиціальнымъ маршемъ Корниловскаго полка». (Тамъ же стр. 12).

Русская императорская армія билась «за Вѣру, Царя и Отечество», а корниловцы пѣли: «такъ за Корнилова, за родину, за вѣру мы грянемъ громкое ура!» (стр. 63). Царь исчезъ изъ пѣсни, замѣненный Корниловымъ, а вѣра ушла на третье мѣсто. И эти настроенія оставались все время. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу участникъ бѣлаго движенія гв. полк. Н. М. Гончаренко: «отдавая должное заслугамъ корниловцевъ въ Бѣломъ Движеніи, разрѣшите разсказать маленькій фактъ изъ моихъ личныхъ воспоминаній, характеризующій анти-монархическое настроеніе этихъ частей. Вскорѣ послѣ взятія Новороссійска, полковникъ Кутеповъ устроилъ обще-гвардейскій обѣдъ въ верхнемъ этажѣ одного изъ ресторановъ. Подъ конецъ обѣда былъ провозглашенъ монархическій тостъ и оркестръ исполнилъ «Боже Царя храни». Бывшіе въ нижнемъ этажѣ корниловцы поднялись на верхъ и съ угрозами заявили намъ, что «для свободныхъ корниловцевъ этотъ гимнъ ненавистенъ». Полк. Кутеповъ (впослѣдствіи генералъ) со свойственнымъ ему умѣніемъ уладилъ не безъ труда назрѣвшій инцидентъ». (Изъ заявленій гв. полк. Н. М. Гончаренко на имя предсѣдателя строительнаго комитета храма-памятника отъ 14 іюня 1949 г.).

За все время своей службы революціи ген. Корниловъ не только ничего не сдѣлалъ для облегченія участи Царст-

венныхъ Плѣнниковъ, но ни разу, ни при какихъ обстоятельствахъ не проронилъ ни одного слова участія къ Нимъ.

8 іюня, держа рѣчь передъ только что сформированнымъ ударнымъ полкомъ, онъ заявилъ, что «русскій народъ завоевалъ себѣ свободу» (Корниловскій ударный полкъ, стр. 18). Такъ изображалъ ген. Корниловъ февральскую революцію, это величайшее преступленіе именно противъ русскаго народа, начало его порабощенія.

А когда въ іюлѣ 1917 г., т. е. въ дни полнаго развала государства и арміи съ нимъ заговорили о возможномъ переворотѣ и возстановленіи монархіи, ген. Корниловъ «заявилъ категорически, что ни на какую авантюру съ Романовыми онъ не пойдетъ». (Ген. А. И. Деникинъ, «Очерки русской смуты», т. 1, стр. 198).

А вотъ выдержка изъ статьи В. Бутенко, поклонника ген. Корнилова и участника Бѣлаго Движенія, появившейся въ «Новомъ Русскомъ Словѣ» отъ 20 ноября 1949 г. «Въ качествѣ живого свидѣтеля, отвѣтственно утверждаю, что въ серединѣ января 1918 г. Л.Г. Корниловъ вмѣстѣ съ генералами Деникинымъ и Марковымъ посѣтили только что сформировавшійся въ Новочеркасскѣ 1-ый офицерскій батальонъ Добрарміи передъ отправкой его въ бой. Передъ строемъ, ген. Корниловъ обратился къ намъ съ изложеніемъ своей политической программы и при этомъ совершенно ясно и точно заявилъ, что онъ лично является убѣжденнымъ республиканцемъ. Отчетливо помню его оговорку: если Учредительное Собраніе высказалось бы, во что онъ самъ не вѣритъ, за монархію, онъ этому рѣшенію подчинится; съ той оговоркой, однако, что если бы оно остановило свой выборъ на комъ либо изъ представителей Романовской Династіи, то онъ, Корниловъ, немедленно сложитъ свои полномочія и покинетъ предѣлы Россіи, ибо... (далѣе слѣдовала весьма нелѣстная характеристика этой династіи, буквальныя выраженія которой въ моей памяти не сохранились). Это заявленіе было встрѣчено съ нашей стороны бурной оваціей.

Добавлю къ этому, что, не говоря уже о всѣмъ извѣстной политической настроенности корниловцевъ, обстрѣлявшей въ Галиполи палатку, откуда ночью однажды раздалось пѣніе «Боже Царя храни», мнѣ за все мое безпрерывное пребываніе среди марковцевъ, не приходилось наталкиваться на монархическія настроенія».

Анонимный начальникъ группы корниловцевъ во Франціи утверждаетъ, что ген. Корниловъ «первый поднялъ знамя борьбы противъ революціи въ 1917 г. и объявилъ Ке-

ренскаго государственнымъ измѣнникомъ». («Возрожденіе» отъ 22 іюня 1939 г.).

Передо мной два изданія корниловцевъ: «Корниловскій ударный полкъ» и «Л.Г. Корниловъ». Въ обоихъ этихъ изданіяхъ устанавливается, что ген. Корниловъ послалъ въ столицу корпусъ генерала Крымова по просьбѣ Керенскаго, что Корниловъ желалъ «усилить авторитетъ и власть временнаго правительства», что не онъ объявилъ Керенскаго измѣнникомъ, а, наоборотъ, «28 августа Керенскій объявилъ Корнилова мятежникомъ и измѣнникомъ», что это была «великая провокація» и т. д.

Итакъ, по свидѣтельству самихъ корниловцевъ, ген. Корниловъ никакого знамени борьбы противъ революціи не подымалъ и Керенскаго измѣнникомъ не называлъ. Пора, казалось бы, покончить съ этими безконечными невѣжественными легендами.

Чтобы добиться согласія высокаго іерарха православной церкви за рубежомъ на постановку доски, комитетъ увѣрилъ его, что корниловцы согласились (!) въ первой части своей надписи на доскѣ выразить свое благоговѣйное чувство къ памяти Царя-Мученика и Его Августѣйшей Семьи, какъ бы выражая тѣмъ сожалѣніе и раскаяніе по поводу оскорбительнаго для Царской Семьи поступка ихъ шефа».

До сего времени корниловцы ни сожалѣнія, ни раскаянія за ген. Корнилова не выражали и о нихъ нѣтъ слѣда въ письмѣ полк. Бояринцева. Но, во всякомъ случаѣ, какъ могутъ корниловцы и комитетъ самовольно приписывать ген. Корнилову чувства, которыя рѣзко противорѣчатъ всѣмъ его дѣйствіямъ? Къ чему эта ложь и лицемѣріе?

Корниловъ остался вѣренъ революціи: онъ умеръ, имѣя на груди слова: «мы былого не жалѣемъ, царь намъ не кумиръ». Этимъ онъ ясно проявилъ свои чувства и выразилъ свою волю. По какому праву корниловцы пытаются теперь насиловать эту волю и протаскивать его имя въ храмъ, посвященный памяти Царя, котораго онъ не любилъ и противъ котораго онъ возсталъ?

Неужели корниловцы не понимаютъ, какое оскорбленіе они этимъ наносятъ всѣмъ русскимъ людямъ, свято чтущимъ память Царя?

Какъ бы они отнеслись къ проекту чествованія, вмѣстѣ съ памятью ген. Миллера, также и имени предавшаго его ген. Скоблина? А вѣдь Скоблинъ былъ также герой Бѣлаго Движенія и даже командиромъ Корниловскаго полка?

Но корниловцы быть можетъ и не понимаютъ, что это упорное желаніе прославить ихъ шефа подъ сѣнью царскаго

имени есть стремленіе темныхъ силъ реабилитировать февральскую революцію и ея дѣятелей; сегодня Корниловъ, а завтра другіе.

Среди протестовъ, поступающихъ со всѣхъ сторонъ есть и такіе, въ которыхъ выражается требованіе доску съ именемъ ген. Корнилова снять, если она будетъ поставлена. Каково же можетъ быть, при такихъ условіяхъ, настроеніе молящихся и какое черное дѣло совершаетъ теперь комитетъ, сѣя своимъ кощунственнымъ рѣшеніемъ вражду и распри среди русскихъ людей.

Полк. Бояринцевъ, въ своемъ письмѣ, ссылается на мнѣніе Великой Княгини Ксеніи Александровны, якобы согласившейся на постановку доски. Ни на какой документъ, ни на какое свидѣтельство, подтверждающее заявленіе Ея Императорскаго Высочества, полк. Бояринцевъ не ссылается. Самый текстъ заявленія приводился до сихъ поръ въ разныхъ версіяхъ, при чемъ ни въ одной изъ нихъ подлинныхъ словъ Великой Княгини не цитируется. Но даже въ своемъ изложеніи полк. Бояринцевъ замалчиваетъ ту часть заявленія, приписываемаго Ея Императорскому Высочеству, гдѣ она говоритъ, что сердце Государя было исполнено всепрощеніемъ ко всѣмъ, кто причинилъ Ему какую либо обиду въ этой жизни.

Если Великая Княгиня Ксенія Александровна и рѣшила, дѣйствительно, простить вину ген. Корнилова, то это, прежде всего значитъ, что она эту вину признаетъ; но преклоняясь передъ ея христіанскими побужденіями, мы, рядовые русскіе люди, не можемъ взять на себя смѣлости ни «прощать» преступленій противъ Царя, ни гадать о томъ, какъ отнесся бы Государь къ постановкѣ доски ген. Корнилову. Полк. Бояринцевъ, въ своемъ письмѣ, приписываетъ только мнѣ сужденія о ген. Корниловѣ и протесты противъ постановки доски съ его именемъ. Это совершенно невѣрно и если комитетъ и скрываетъ протесты, которые къ нему поступаютъ, то мы можемъ утверждать, что такія обращенія очень многочисленны и приходятъ изъ разныхъ мѣстъ русскаго разсѣянія. Не имѣя возможности перечислить ихъ всѣхъ, я приведу краткія выдержки изъ нѣкоторыхъ обращеній, которыя до меня дошли:

От ъ почетной предсѣдательницы комитета по сооруженію храма-памятника Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Владиміровны

«Глубоко возмущена рѣшеніемъ комитета соорудить доску съ именемъ ген. Корнилова въ храмѣ-памятникѣ — разумѣется такой доскѣ не можетъ быть тамъ мѣсто...»

Отъ члена комитета по сооруженію храма-памятника протопресвитера А. Шабашева — Графу П. Н. Апраксину

Строительный комитетъ храма-памятника соглашается установить памятныя доски въ храмѣ съ именами генераловъ-героевъ русской революціи, прославившими себя подвигами предательства Мученика Императора, оскорбительнымъ поведеніемъ съ Государыней и даже награжденіемъ солдата георгіевскимъ крестомъ за гражданскіе подвиги, выразившіеся въ убійствѣ своего офицера и поднявшаго первымъ знамя возстанія противъ государственнаго порядка.

Въ мою бытность въ Брюсселѣ, этотъ вопросъ подымался въ засѣданіи комитета и былъ, разъ навсегда, разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, и меня, какъ состоящаго еще въ числѣ членовъ комитета, удивляетъ почему этотъ вопросъ вновь поднятъ и даже баллотировался въ засѣданіи комитета.

Отъ члена комитета по сооруженію храма-памятника И. И. Сахновскаго

Здѣсь всѣ монархисты и я считаемъ, что постановка такой доски является оскорбленіемъ драгоцѣнной для насъ памяти Царя-Мученика, оскорбленіемъ всѣхъ кавалеровъ ордена св. Георгія и даже православной церкви.

Я въ своемъ письмѣ требую исключенія изъ комитета того члена комитета, который внесъ такое гнусное предложеніе.

Отъ предсѣдателя отдѣла союза ревнителей памяти Императора Николая II, въ Санъ-Франциско, Н. В. Борзова.

Предсѣдателю комитета по сооруженію въ Брюсселѣ храма въ память Царя-Мученика.

Правленіе отдѣла отъ имени всѣхъ членовъ отдѣла вполнѣ присоединяется къ тѣмъ чувствамъ возмущенія, которыя изложены въ открытомъ вамъ письмѣ Иваномъ Павловичемъ Якобій отъ 17-го сего іюля по поводу страннаго рѣшенія возглавляемаго вами комитета о постановкѣ въ Брюссельскомъ храмѣ-памятникѣ доски съ именемъ ген. Корнилова, а также абсолютно раздѣляетъ ту точку зрѣнія, которая изложена въ этомъ письмѣ, о недопустимости вывѣшиванія такой доски въ храмѣ, ибо все это носитъ всѣ признаки провокаціи.

Отъ графа Д. С. Татищева графу П. Н. Апраксину

Генералъ Корниловъ открыто выразилъ свое сочувствіе революціи, онъ въ ней соучаствовалъ, онъ примѣнилъ авто-

ритетъ своего имени не на служеніе своему Государю, а противъ Него, онъ пошелъ противъ тѣхъ, кто Государю оставался вѣрнымъ и за Него, за свою вѣрность Ему отдали жизнь свою въ минуты борьбы противъ измѣны, онъ покрылъ себя позоромъ, рѣшившись взять на себя арестъ Царской Семьи, онъ санкціонировалъ передъ лицомъ всей русской арміи преступный жестъ солдата, убившаго доблестнаго своего офицера за вѣрность его присягѣ Царю.

Имени генерала Корнилова въ храмѣ-памятникѣ, посвященномъ памяти Царя-Мученика, мѣста нѣтъ.

Какъ предсѣдатель комитета по сооруженію этого храма, вы не имѣете права допустить такого, противорѣчащаго цѣли его созданія, акта и я, какъ и многіе, многіе русскіе люди, рѣшительно возстаю противъ такого оскорбительнаго для памяти Государя сопоставленія двухъ именъ».

Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ привести здѣсь выписки изъ заявленій и писемъ православныхъ приходовъ, игумена Амвросія, архимандрита Гермогена, проіерея Зноско, Высшаго Монархическаго Совѣта, объединенія бывшихъ кадетъ русскаго кадетскаго корпуса въ Югославіи, Б. Л. Бразоля, Н. А. Пушкина, кн. Голицына и многихъ другихъ. Эти документы будутъ мной опубликованы впослѣдствіи.

Всѣ русскіе люди, кому дорога память нашего Царя, должны поднять свой голосъ противъ готовящагося кощунства.

И. Якобій.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

ПРЕДСѢДАТЕЛЮ КОМИТЕТА ПО СООРУЖЕНІЮ ВЪ БРЮССЕЛѢ ХРАМА ВЪ ПАМЯТЬ ЦАРЯ-МУЧЕНИКА НИКОЛАЯ II ГРАФУ ПЕТРУ НИКОЛАЕВИЧУ АПРАКСИНУ.

Милостивый Государь,

графъ Петръ Николаевичъ,

2-го минувшаго іюня я вамъ послалъ заказное письмо, въ которомъ, указывая на возмущеніе, вызванное у многихъ русскихъ людей слухами о постановкѣ въ храмѣ-памятникѣ въ Брюсселѣ доски съ именемъ генерала Корнилова, я просилъ васъ сообщить мнѣ о томъ рѣшеніи, которое состоящій подъ вашимъ предсѣдательствомъ комитетъ по сооруженію храма приметъ по этому вопросу.

Вы не сочли нужнымъ мнѣ отвѣтить и такъ какъ комитетомъ уже принято принципіальное рѣшеніе въ пользу этого вопроса, то я обращаюсь въ настоящемъ открытомъ письмѣ не къ вашей совѣсти — я знаю, что это безполезно, а къ русскому общественному мнѣнію.

Генералъ Корниловъ являлся однимъ изъ славныхъ вождей Бѣлаго Движенія и совершенно понятно, что сподвижники его по Добровольческой арміи могутъ желать воздать уваженіе его памяти. Но вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Корниловъ принадлежалъ къ числу военачальниковъ, которые примкнули къ революціи съ перваго дня. Онъ былъ вызванъ съ фронта 2-го марта, въ самый день отреченія Государя, телеграммой предсѣдателя самозваннаго комитета государственной думы Родзянко и назначенъ главнокомандующимъ Петроградскимъ округомъ.

Генералъ Деникинъ, въ своихъ «Очеркахъ русской смуты», справедливо называетъ такой способъ назначенія, минуя военное командованіе, революціоннымъ.

На генерала Корнилова, какъ на довѣренное лицо революціоннаго временнаго правительства, было возложено приведеніе въ исполненіе преступнаго и предательскаго ареста Государыни Императрицы Александры Феодоровны среди Ея больныхъ дѣтей и содержаніе подъ строгой стражей Государя и Царской Семьи, что генераломъ Корниловымъ и было выполнено съ чрезвычайнымъ усердіемъ.

Но, какъ пишетъ В. Д. Набоковъ въ своихъ воспоминаніяхъ, актомъ лишенія Царя свободы былъ завязанъ тотъ узелъ, который товарищъ Бѣлобородовъ разрубилъ въ Екатеринбургѣ 17 іюля 1918 года. Этотъ узелъ былъ затянутъ генераломъ Корниловымъ, который и положилъ начало крестному пути Царской Семьи, закончившемуся ужаснымъ Екатеринбургскимъ злодѣяніемъ.

Въ эту эпоху революціонное усердіе генерала Корнилова не знало предѣловъ. Такъ, 6 апрѣля 1917 года онъ наградилъ георгіевскимъ крестомъ унтеръ-офицера Волынскаго полка Кирпичникова, убившаго своего офицера капитана Лашкевича. Фактъ этотъ теперь стараются скрыть или дать ему ложныя объясненія. Но приказъ о награжденіи этого убійцы былъ тогда же распубликованъ въ газетахъ, а въ ном. 16 «Нивы» за этотъ же годъ (стр. 242-243) помѣщены фотографическіе снимки изображающіе Кирпичникова и пожалованный ему георгіевскій крестъ. Подъ портретомъ значится слѣдующая надпись: «георгіевскій кавалеръ за гражданскія заслуги. Старшій унтеръ-офицеръ Волынскаго полка Тимофей Ивановичъ Кирпичниковъ, первый поднявшій знамя возстанія среди солдатъ, награжденный генераломъ Корниловымъ георгіевскимъ крестомъ и нынѣ произведенный въ подпрапорщики». Документъ этотъ находится у меня въ рукахъ.

Какъ бы ни расцѣнивать означенные поступки генерала Корнилова, одно несомнѣнно: для имени человѣка ихъ со-

вершившаго нѣтъ мѣста въ храмѣ посвященномъ памяти Царя-Мученика.

Таково глубокое убѣжденіе многихъ и многихъ русскихъ людей, недопускающихъ мысли о возможности столь грубаго и кощунственнаго надругательства надъ святыней и самовольнаго искаженія комитетомъ той высокой цѣли, на которую они вносили свои трудовыя лепты.

Вами получены уже протесты по этому поводу даже отъ членовъ комитета, находящихся внѣ Бельгіи. Да и самъ комитетъ, когда до войны возникъ вопросъ о доскѣ генералу Корнилову, отвергъ это предложеніе единогласно.

Но вѣтеръ перемѣнился и политическіе флюгера повернулись въ другую сторону. Быть можетъ вамъ и удастся склонить въ пользу вашего проекта нѣкоторыхъ благомыслящихъ людей, мало знакомыхъ съ этимъ вопросомъ или недостаточно стойкихъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Совершенно очевидно, однако, что избранный вами способъ чествованія генерала Корнилова не можетъ послужить его памяти. Имя генерала Корнилова перешло въ исторію; о немъ, какъ о всякомъ другомъ историческомъ лицѣ, можно и должно судить по его дѣйствіямъ и скрывать подъ лицемѣрнымъ предлогомъ забвенія всю революціонную часть его карьеры и невозможно и недостойно его же памяти. Вся эта поднятая вами шумиха можетъ быть выгодна только тѣмъ темнымъ силамъ, которыя давно уже пытаются внести смуту и дискредитировать святое дѣло храма въ память замученнаго нашего Царя.

И дабы усилить это кощунство, вами предложено помѣстить на одной доскѣ имена Государя и Корнилова — жертвы и ея тюремщика!

Быть можетъ столь усердно ратуя въ пользу забвенія прошлыхъ грѣховъ, вы надѣетесь обѣлить и себя, вычеркнуть изъ слѣдственнаго матерьяла Соколова строки васъ касающіяся: «графъ Апраксинъ находился во дворцѣ, когда 21 марта генералъ Корниловъ пріѣхалъ и заявилъ, что всѣ желающіе могутъ тамъ оставаться. Апраксинъ остался; но нѣсколько дней спустя онъ покинулъ Царскую Семью». (Стр. 32 французскаго изданія).

Показаніе полковника Кобылинскаго: «жертвенность графа Апраксина продолжалась три дня, приблизительно, не болѣе. Онъ попросилъ чтобы его отпустили. Онъ сказалъ, что кончилъ все, что ему полагалось сдѣлать во дворцѣ». (Стр. 33).

Показаніе Теглевой: «многіе измѣнили Государю и Государынѣ... Графъ Апраксинъ ихъ покинулъ». (Стр. 33).

Вамъ, вѣроятно, тяжело вспомнить о малодушномъ поступкѣ вашемъ, но, если вы искренне желаете его загладить, то только исполненіемъ своего долга, хотя бы теперь, по отношенію къ священной памяти Государя, покинутаго вами въ трагическую минуту, вы можете надѣяться заслужить снисхожденіе.

Я же сочту своимъ долгомъ пролить свѣтъ, на основаніи имѣющихся въ моемъ распоряженіи документовъ, на это провокаціонное дѣло и обращаюсь ко всѣмъ, кому дорога память Государя, съ горячимъ призывомъ поднять свой голосъ противъ готовящагося кощунства.

Парижъ. 17 іюля 1949 г. И. Якобій.

ВЪ ЗАЩИТУ ХРАМА ВЪ СВЯЩЕННУЮ ПАМЯТЬ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II ВЪ БРЮССЕЛѢ.

Рѣшеніе комитета по сооруженію храма-памятника Императору Николаю II о постановкѣ въ этомъ храмѣ доски съ именемъ генерала Корнилова вызвало со стороны русской эмиграціи самые энергичные и возмущенные протесты.

Августѣйшая предсѣдательница комитета Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елена Владиміровна присоединила и свой авторитетный голосъ къ общему голосу русскихъ людей, высказавшись рѣзко отрицательно по этому вопросу.

Независимо отъ этого, мною было опубликовано письмо выдающагося, всемірно извѣстнаго государственнаго дѣятеля, содержащее убійственное для генерала Корнилова сужденіе о немъ Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Письмо это фельдмаршала барона Г. К. Маннергейма обращено къ редактору «Часового» В. В. Орѣхову, у котораго и находится подлинникъ. Если я до сихъ поръ не называлъ этого имени, то исключительно по просьбѣ В. В. Орѣхова не дѣлать этого при жизни фельдмаршала барона Г. К. Маннергейма. Послѣ кончины послѣдняго это отпадаетъ.

Вотъ текстъ этого письма, въ части, касающейся генерала Корнилова.

«26 іюля 1939 г.

Хотѣлось вамъ, какъ и всегда, лично и довѣрительно, сказать свое мнѣніе о прекраснѣйшей книгѣ о Государѣ Императорѣ г-на Якобія, которую Вы такъ любезно мнѣ прислали. Онъ совершенно правъ.

Вы знаете (я вамъ сіе разсказывалъ лично), что мнѣ привелось, какъ величайшее счастье, видѣть Императрицу Александру Феодоровну уже въ Царскомъ Селѣ.

Этого никто не знаетъ, мое же положеніе не позволяетъ мнѣ объ этомъ нигдѣ говорить, и когда нибудь узнаютъ по моимъ мемуарамъ, которые выйдутъ послѣ моей смерти.

Такъ вотъ я, какъ сейчасъ, помню слова Ея Величества, обращенныя ко мнѣ. «Я поняла и понимаю, баронъ, сказала Она, ненависть къ Намъ Гучкова, Керенскаго и другихъ, но за что Насъ такъ ненавидятъ такіе люди, какъ генералъ Корниловъ, котораго такъ обласкалъ Ники? Вы знаете, баронъ, Меня давно и знаете, что Я себя умѣю держать въ рукахъ, но въ тотъ часъ, когда генералъ Корниловъ съ краснымъ бантомъ рядомъ съ пожалованнымъ ему Ники орденомъ св. Георгія, вошелъ ко Мнѣ и сказалъ Мнѣ «гражданка Александра Феодоровна Романова, встаньте и выслушайте повелѣніе временнаго правительства» — у Меня потемнѣло въ глазахъ».

И тутъ на глазахъ Императрицы появились слезы.

Г. Маннергеймъ».

Но у насъ имѣется еще одно рѣшающее свидѣтельство.

Комитетъ находится подъ высокимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ксеніи Александровны. И, дабы склонить къ согласію высокихъ іерарховъ православной церкви за рубежомъ, сторонники постановки доски прислали Ея Императорскому Высочеству заявленіе, въ которомъ Она, якобы выразила свое согласіе на эту мѣру. Это же заявленіе фигурируетъ въ письмѣ полковника Бояринцева, появившемся въ ном. 289 «Часового», отъ 15 сентября 1949 года.

И іерархи, и полковникъ Бояринцевъ и всѣ лица, повѣрившіе этому заявленію, были введены въ заблужденіе грубымъ обманомъ. Ея Императорское Высочество никогда согласія своего на это кощунственное дѣло не давала. При пріемѣ Великой Княгиней Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Анастасія 1 іюня 1950 г. Ея Императорское Высочество изволила высказать митрополиту свое крайнее возмущеніе и огорченіе такимъ злоупотребленіемъ Ея именемъ, а также въ связи съ этимъ, намѣреніе свое отказаться отъ званія покровительницы комитета. И только уступая просьбѣ митрополита, Ея Императорское Высочество согласилась временно не приводить это намѣреніе въ исполненіе.

Эти же чувства возмущенія въ отношеніи лицъ, ложно приписавшихъ Ей выраженіе согласія, Великая Княгиня повторила 2 іюня, на другой день послѣ пріема Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Анастасія, и протоіерею отцу Іоанну Григору Клочко. Подтвержденіе того же получилъ и Николай Михайловичъ Котляревскій, удостоившійся 22

іюля 1951 года милостиваго пріема Ея Императорскимъ Высочествомъ.

Итакъ, мы имѣемъ непосредственно высказанныя по этому вопросу мнѣнія родной сестры Императора Николая II, августѣйшей покровительницы комитета Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ксеніи Александровны, августѣйшей почетной предсѣдательницы комитета, Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Владиміровны и сообщенное фельдмаршаломъ барономъ Маннергеймомъ мнѣніе Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

Но комитетъ, подъ вліяніемъ темныхъ силъ, упорно не желаетъ считаться ни съ мнѣніемъ ближайшихъ къ замученному Государю родственниковъ, ни съ протестами вѣрныхъ русскихъ людей.

Имя генерала Корнилова можетъ быть увѣковѣчено его сторонниками и почитателями разными способами: постановкой ли памятника, сооруженіемъ ли доски въ любой русской церкви, противъ чего едва ли могутъ быть возраженія.

Но въ храмѣ посвященномъ памяти Царя-Мученика, для имени Его врага и тюремщика мѣста нѣтъ.

Это знаютъ и чувствуютъ всѣ русскіе люди, которымъ дорога священная память нашего Царя и они вѣрятъ, что высшая русская церковная власть за рубежомъ, Архіерейскій Синодъ, не допуститъ этого кощунства.

17/30 сентября 1951 г. И. Якобій.

МОЕ ПИСЬМО ГЕНЕРАЛУ ОТЪ ИНФАНТЕРІИ В. Е. ФЛУГУ.

12/I 1952 г.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокоуважаемый Василій Егоровичъ,

Простите, что безпокою васъ одной просьбой – вѣрнѣе однимъ вопросомъ: въ бытность въ Бѣлградѣ мнѣ разсказывалъ генералъ-лейтенантъ Михаилъ Александровичъ Васильевъ (умершій въ 1942 г.) какъ онъ, уже послѣ революціи, возвращаясь съ фронта въ Кіевъ съ украинизировавшейся дивизіей, которой командовалъ былъ арестованъ «галиційскими украинцами» и со своимъ нач. шт. полковникомъ ген. шт. Подгурскимъ былъ сданъ австрійскимъ властямъ и заключенъ въ военный концентраціонный лагерь, названіе котораго я не могу вспомнить (это тотъ лагерь, гдѣ содержался генералъ Корниловъ) и пробылъ тамъ 1½

или два мѣсяца, а потомъ по требованію изъ Кіева, былъ освобожденъ, какъ задержанный по недоразумѣнію.

Въ день своего освобожденія къ ген. Васильеву зашелъ комендантъ лагеря, австрійскій генералъ, объявилъ о его освобожденіи и пригласилъ на обѣдъ. На обѣдѣ присутствовали чины штаба коменданта, за столомъ комендантъ сказалъ теплую рѣчь генералу Васильеву. Генералъ Васильевъ отвѣтилъ въ свою очередь рѣчью, въ которой и упомянулъ о смѣломъ и геройскомъ побѣгѣ изъ плѣна ген. Корнилова. Когда ген. Васильевъ говорилъ о побѣгѣ ген. Корнилова (все переводилъ нач. шт. полк. Подгурскій), то замѣтилъ, что комендантъ все время саркастически улыбался, это такъ смутило ген. Васильева, что онъ скомкавъ свою рѣчь, сѣлъ и потомъ обратился къ коменданту съ вопросомъ, чѣмъ были вызваны его улыбки. Комендантъ отвѣтилъ, что теперь онъ можетъ разсказать правду и сказалъ, что съ начала плѣна ген. Корнилова сюда въ лагерь, котораго онъ былъ комендантомъ, неоднократно пріѣзжали отъ командованія разные чины и имѣли съ ген. Корниловымъ разговоры и когда убѣдились, что ген. Корниловъ согласенъ работать на революцію, то онъ, комендантъ, получилъ приказъ переправить скрытно ген. Корнилова на русскую сторону. «Мы, сказалъ комендантъ, ген. Корнилова переодѣли и два моихъ офицера довезли его на автомобилѣ до нашихъ окоповъ, перевезли его черезъ нашу послѣднюю линію и указавъ ему точно расположеніе русскихъ, съ нимъ распрощались».

Ген. Васильевъ мнѣ сказалъ, что о всемъ этомъ онъ написалъ подробный докладъ, который и передалъ Вамъ, какъ предсѣдателю общества памяти Императора Николая II, докладъ вы приняли, но сказали, что сейчасъ еще не время предавать его гласности.

Это ген. Васильевъ уже въ больницѣ, умирая, мнѣ подтвердилъ еще разъ.

И вотъ, зная васъ, зная ваше высокое благородство и незапятнанную офицерскую честь, прошу ваше высокопревосходительство сообщить мнѣ вывезенъ ли изъ Бѣлграда съ прочимъ архивомъ докладъ ген. Васильева и помните ли вы его содержаніе.

Примите увѣренія въ совершенномъ моемъ уваженіи и таковой же преданности. Готовый къ услугамъ

И. Киріенко.

ОТВѢТЪ ГЕНЕРАЛА ОТЪ ИНФАНТЕРІИ В. Е. ФЛУГА.

21 января 1952 г.

Глубокоуважаемый Иванъ Касьяновичъ,

Изъ за старческой немощи принужденъ быть краткимъ. Въ бытность въ Бѣлградѣ въ моихъ рукахъ было однажды письмо покойнаго ген. Васильева точно того содержанія какъ Вы пишете. Было ли оно адресовано мнѣ или кому нибудь другому, не помню. Не помню также, какъ я на него реагировалъ. Возможно и даже вѣроятно, что правленіе общества памяти Императора Николая II было ознакомлено мною съ его содержаніемъ и что имъ было постановлено хранить это письмо въ архивѣ правленія. Архивъ, находившійся въ музеѣ о-ва, вывезенъ изъ Бѣлграда не былъ и дальнѣйшая его судьба мнѣ неизвѣстна.

Вашъ В. Флугъ.

Въ дополненіе къ этому считаю необходимымъ указать еще два случая:

1. Въ самомъ началѣ революціи переломный моментъ произошелъ въ Петроградѣ, когда генералъ Хабаловъ отдалъ распоряженіе запасному Гвардейскому Волынскому полку выслать часть въ помощь полиціи для прекращенія безпорядковъ. Командиръ баталіона капитанъ Лашкевичъ выстроилъ свою часть и, желая ее вывести, былъ убитъ унтеръ-офицеромъ Кирпичниковымъ. Въ мартѣ 1917 г. главнокомандующимъ войсками Петроградскаго округа былъ назначенъ временнымъ правительствомъ генералъ Корниловъ, который и наградилъ убійцу своего командира унтеръ-офицера Кирпичникова, вопреки статута, георгіевскимъ крестомъ и произвелъ его въ подпрапорщики. Приказъ о награжденіи былъ напечатанъ въ «Новомъ Времени» и другихъ газетахъ, только слова за убійство своего командира были замѣнены словами: «за гражданскій подвигъ»... Этимъ великолѣпно обрисовывается обликъ Корнилова.

2. Во время 1-го Кубанскаго похода, мы уже шли по Кубанской области, въ станицѣ Кореновской была дневка и ген. Корниловъ назначилъ казачій сходъ. Я, подполковникъ Святополкъ-Мирскій со своимъ братомъ и еще нѣсколько добровольцевъ, пожертвовавшихъ своимъ отдыхомъ, пошли послушать генерала Корнилова, призывавшаго казаковъ идти въ Добровольческую армію. Свой короткій призывъ генералъ Корниловъ закончилъ хвастливо брошенной страшной фразой, которую мы запомнили на всю жизнь.

Вотъ что сказалъ Корниловъ: «я имѣлъ счастье арестовать Царскую Семью и Царицу измѣнницу». И добавилъ что онъ очень занятъ и вмѣсто него будетъ говорить его ближайшій (?) помощникъ матросъ Баткинъ.

Результатъ — казаки къ намъ не пошли. Возмущенные до глубины души я, Святополкъ-Мирскій, его братъ и еще нѣсколько добровольцевъ не остались слушать Баткина и ушли.

Сопоставляя все вышеизложенное должно сдѣлать выводъ такой же, какъ дѣлаетъ г-нъ И. Якобій, но съ добавленіемъ, что не только въ храмѣ-памятникѣ, но ни въ какой уважающей себя Православной Соборной и Апостольской Церкви не можетъ быть мѣста доскѣ въ память Корнилова. О немъ можно молиться о прощеніи ему его великихъ грѣховъ передъ Богомъ, Царемъ и Россіей.

Памятная доска, съ перечисленіемъ именъ и дѣяній: Мазепы, убійцъ императора Павла I-го, декабристовъ, генераль-адъютантовъ измѣнниковъ, убійцъ Императора Николая II и Его Семьи, Скоблина, Плевицкой и, конечно, Корнилова, можетъ быть поставлена, и даже хорошо бы было, на площади или въ помѣщеніи любой организаціи, выразившей на это свое желаніе, въ назиданіе потомству.

Хочу еще разсказать случай, связанный съ именемъ ген. Корнилова, показавшій необдуманную пристрастность и недостойный образъ дѣйствій 28-ми старшихъ генераловъ Бѣлградскаго отдѣла РОВС'а. Въ 1931 г. я помѣстилъ въ газетѣ «Царскій Вѣстникъ» фразу ген. Корнилова: «я имѣлъ счастье арестовать Царскую Семью и Царицу измѣнницу». Они въ своей бѣлградской газетѣ, кажется «Военный Голосъ», въ отвѣтъ на мою статью сообщили, что «ген. Корниловъ этого не говорилъ», и подписали всѣ 28 генераловъ Бѣлградскаго отдѣла РОВС'а, изъ которыхъ 27 въ 1-мъ Кубанскомъ походѣ не были, а былъ лишь одинъ изъ нихъ — генералъ Казановичъ, который на станичномъ сходѣ не былъ, а потому и не могъ слышать, что говорилъ Корниловъ. На это я отвѣтилъ предложеніемъ, что принесу въ церкви присягу, что ген. Корниловъ сказалъ именно эту фразу, но требую и отъ 28-ми генераловъ, чтобы и они принесли присягу, что ген. Корниловъ этой фразы не говорилъ. Послѣ этого на засѣданіи этихъ 28-ми руководителей Бѣлградскаго отдѣла РОВС'а произошелъ скандалъ: 27 генераловъ напали на ген. Казановича, очевидно сказав-

шаго имъ, что Корниловъ этого не говорилъ — они ему заявили, что какъ они могутъ присягать разъ они не были въ 1-мъ Кубанскомъ походѣ и, вѣроятно, потребовали отъ ген. Казановича, чтобы онъ самъ распуталъ это дѣло.

Ген. Казановичъ прислалъ мнѣ письмо съ приглашеніемъ въ воскресеніе прибыть въ церковь для принесенія присяги. Я отвѣтилъ, что приду.

Въ церковь я пришелъ, предполагая, что они все подготовили. По окончаніи Литургіи церковь опустѣла, остались только мы — чины Корпуса Императорской Арміи и Флота во главѣ съ генераломъ Апухтинымъ и ген. Казановичъ съ чинами РОВС'а. 27 генераловъ во главѣ съ ген. Барбовичемъ не явились. Я сказалъ ген. Казановичу, что иду въ церковь присягать и пошелъ, и сталъ передъ иконой на аналоѣ. Я былъ одинъ, никто за мной не вошелъ. Я услышалъ громкіе споры передъ церковью и вышелъ изъ церкви. Наши нападали на ген. Казановича: почему никто не явился и почему онъ не пошелъ въ церковь тоже для присяги. Ген. Казановичъ повернулся и пошелъ къ выходу изъ церковной ограды. Нелестные слова послышались по адресу Казановича. Его секретарь, подполковникъ Николаевъ (сейчасъ живетъ въ Америкѣ) догналъ ген. Казановича и что то ему говорилъ. Ген. Казановичъ вернулся и сказалъ: «присягу генерала Киріенко я принимаю» и, поднявъ руку какъ для присяги и двигая ею вверхъ и внизъ, произнесъ: «со своей стороны я з а я в л я ю (?), что нашъ пресвѣтлый вождь э т о г о н е м о г ъ с к а з а т ь». Въ данномъ случаѣ онъ не сказалъ какъ было напечатано въ ихъ газетѣ: «э т о г о н е г о в о р и л ъ». На этомъ ген. Казановичъ и закончилъ. Я обратился къ нему и сказалъ: «Ваше превосходительство, одинъ изъ насъ лжецъ. Я не считаю достойнымъ для двухъ русскихъ генераловъ, да еще въ церкви, сводить счетъ кулаками, а потому прошу принять мой вызовъ». Ген. Казановичъ ничего не отвѣтилъ и ушелъ. Сейчасъ же я попросилъ двухъ нашихъ офицеровъ быть моими секундантами и пойти къ ген. Казановичу и узнать кто его секунданты и на завтра все подготовить. Но вышло совсѣмъ иначе: секунданты ген. Казановича спорили съ моими и оттягивали дѣло, тогда я поручилъ своимъ, чтобы они на слѣдующемъ собраніи заявили, что если не будетъ принято окончательное рѣшеніе, то составить протоколъ и опубликовать въ газетахъ. На другой день секунданты ген. Казановича заявили, что отъ начальника РОВС'а генерала Миллера полученъ приказъ, что онъ запрещаетъ генералу Казановичу дуэль. На этомъ все и закончилось. Я также получилъ письмо отъ В. Штрандтмана слѣдующаго содержанія:

ДЕЛЕГАЦІЯ
вѣдающая интересами
РУССКОЙ ЭМИГРАЦІИ
въ Югославіи

18 сентября 1931 г.
1170.
Бѣлградъ
Ул. Кр. Милана Бр. 12.

Секретно

Милостивый Государь
Иванъ Касьяновичъ,

Освѣдомившись о томъ, что вы вызвали на дуэль генералъ-лейтенанта Казановича, я почитаю своимъ долгомъ васъ увѣдомить, что по югословянскимъ законамъ дуэль въ Югославіи воспрещена.

Основываясь на авторитетѣ моего официальнаго положенія я почитаю долгомъ напомнить вамъ о незаконности вашихъ дѣйствій и о связанныхъ съ таковыми послѣдствіяхъ.

Происшедшій споръ можетъ быть разрѣшенъ судомъ чести.

Прошу принять увѣренія въ совершенномъ почтеніи и преданности.

В. Штрандтманъ.

Его превосходительству
И. К. Киріенко.

Черезъ полтора мѣсяца я получилъ изъ Америки отъ полковника Святополкъ-Мирскаго письмо, въ которомъ онъ подтверждаетъ, что ген. Корниловымъ была сказана именно эта подлая фраза о Царской Семьѣ.

Отвѣтъ полковника Святополкъ-Мирскаго я напечаталъ въ «Царскомъ Вѣстникѣ» и 28 генераловъ промолчали. Предполагаю, что изъ боязни вызвать другія подтвержденія добровольцевъ, бывшихъ на сходѣ слышавшихъ и также возмущенныхъ.

XXVII.

«Умомъ Россію не объять
Аршиномъ общимъ не измѣрить,
У ней особенная стать
Въ Россію можно только вѣрить».

Вотъ суммированная правда о генералѣ Корниловѣ, способствовавшемъ, вольно или невольно, убійству всей Царской Семьи, коммунистами. Знаю, что это и въ дальнѣйшемъ вызоветъ потокъ оправдательныхъ фальшивокъ со стороны его почитателей.

1. Награжденіе Корниловымъ георгіевскимъ крестомъ Кирпичникова за убійство своего командира.

2. Мое желаніе идти спасать Царскую Семью обманомъ «вождей» было не допущено.

3. Такая же вторая полтавская попытка спасенія обманомъ «вождей» тоже была не допущена.

4. На казачьемъ сходѣ въ станицѣ Кореновской Корниловъ сказалъ: «я имѣлъ счастіе арестовать Царскую Семью и Царицу измѣнницу».

5. Арестъ Царской Семьи, выдержка изъ письма ген. Маннергейма: «Гражданка Александра Феодоровна Романова, встаньте и выслушайте повелѣніе временнаго правительства».

6. Корниловъ сказалъ: «клянусь, что Романовы взойдутъ на тронъ черезъ мой трупъ». Это напечатано въ книгѣ «Ген. Корниловъ» В. Сѣвскаго, изданіе Корниловскаго ударнаго полка 1919 г., стр. 73, четвертая строка снизу.

7. Корниловъ сказалъ: «ни на какую авантюру съ Романовыми я не пойду». (См. Мельгуновъ, стр. 186).

ВОПРОСЫ:

1. Почему за Царя народъ шелъ умирать и умиралъ, а за февраль, за государственную думу (гдѣ совсѣмъ не думали), за Керенскаго, за бабушку «русской» революціи, за генералъ-адъютантовъ измѣнниковъ, за свободу, за «вождей», Алексѣева, Корнилова, Деникина умирать не захотѣлъ и не пошелъ?

2. Почему послѣднее царствованіе называютъ кровавымъ, тюрьмой народовъ и прочее, а февраль сталъ «великимъ-безкровнымъ», а въ одномъ Петроградѣ въ февралѣ крови было больше чѣмъ за все царствованіе Императора Николая II?

3. Почему злословить убіенную Царскую Семью и лгать на нее можно, а писать правду о «вождяхъ» измѣнникахъ всѣхъ видовъ нельзя?

4. Почему нѣкоторыя газеты («Россія») въ заглавномъ листѣ ставятъ «за вѣру, за родину», отбрасывая царя, вѣдь и въ СССР есть и вѣра и родина и тоже нѣтъ царя?

5. Почему и сейчасъ всякіе лѣвые и непредрѣшенцы кричатъ отъ имени всего русскаго народа, когда это неотъемлемое право лишь Государя?

6. Почему день непримиримости пріурочиваютъ къ октябрю, а не къ февралю, если они неотдѣлимы?

7. Почему группы офицеровъ, юнкеровъ и женскій баталіонъ встали на защиту февраля, больше всего отъ него пострадавшіе, проливали свою кровь, а Керенскіе, создавшіе февраль, потихоньку, въ женскомъ платьѣ, удрали за границу не забывъ прихватить съ собой и русское, царское золото, а свои «керенки» великодушно оставили для русскаго народа?

8. Почему и сейчасъ всякіе февралисты кричатъ о непредрѣшенчествѣ, скрытно предрѣшивъ, въ своихъ душенкахъ февраль и только личныя выгоды?

9. Почему поминаютъ измѣнившихъ ген. Алексѣева, Корнилова и другихъ, а забываютъ такихъ же измѣнниковъ и предателей, какъ Мазепа, Скоблинъ и прочіе? Молятся о Толстомъ, Оберучьевѣ и другихъ лѣвыхъ дѣятеляхъ, а забываютъ Іуду Искаріота. Но Іуда, увидѣвъ, что Іисусъ Христосъ осужденъ, въ послѣдній часъ покаялся и бросилъ первосвященникамъ 30 сребренниковъ говоря: «согрѣшилъ я, предавъ кровь невинную». Пошелъ и самъ себя покаралъ — повѣсившись. Возможно, что Милосердный Господь Іуду помилуетъ. А помилуетъ ли Господь февралистовъ, непредрѣшенцевъ и всѣхъ сочувствующихъ, готовившихъ и сдѣлавшихъ россійскій бунтъ? Сомнительно, ибо покаянія они не выражаютъ. «Мнѣ отмщеніе и азъ воздамъ».

10. Почему всѣ лѣвыя газеты, да и большинство правыхъ отбросили названіе Малороссія, замѣнивъ его «Украиной»? Въ угоду кому и для чего это? «Шчэ нэ вмэрла Украина отъ Кіева до Берлина, гайдамакы шчэй нэ здалысь— дойчляндъ, дойчляндъ юбэръ алесъ. Да, шчэ нэ вмерла Украина, а вжэжъ смэрдыть».

11. Почему нашу азбуку, созданную св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, подавляющее большинство русскихъ (?) газетъ и журналовъ, отбросили, а приняли «новое правописаніе», умышленно созданное масонами, коммунистами и ихъ прис-

пѣшниками, глупо-либеральными горе-профессорами и февралистами, думающими, какъ и Водовы, что они умнѣе св. Кирилла и Меѳодія. «Русская Мысль» сначала печаталась по старому правописанію, а потомъ, почувствовавъ свое родство съ февралемъ и октябремъ, перешла на новое правописаніе.

12. Почему пишутъ экуменизмъ, а не экоммунизмъ, что было бы правильнѣе?

Почему?

А вѣдь наша православная, зарубежная соборная церковь, возглавляемая нашимъ первоіерархомъ митрополитомъ Анастасіемъ и Великій Князь Владиміръ Кирилловичъ пишутъ по старому русскому правописанію.

А вы, вѣрующіе въ Бога, и безоговорочно подчинившіеся Государю, какъ пишете въ газетахъ?! Не точно ли какъ и г. Водовъ въ «Русской (?) Мысли», да еще свои напечатанныя произведенія украшаете россійскимъ двуглавымъ орломъ. Неужели вамъ самимъ не противно видѣть надъ совѣтскимъ правописаніемъ русскаго двуглаваго орла съ царской короной и не стыдно ли вамъ? Ужъ лучше скиньте съ бѣднаго орла корону, какъ сбросилъ Орѣховъ.

Большинство газетъ, почти всѣ, пишутъ по новому правописанію прикрываясь тѣмъ, что это понятнѣе новымъ бѣженцамъ, которые по старому правописанію (православному) читать не могутъ, а новые бѣженцы, которымъ я даю читать «Православную Русь», не только съ удовольствіемъ ее читаютъ, но и добавляютъ, что «сразу видно, что православный журналъ и не написанъ по масонско-совѣтскому правописанію».

«НОЧЬ. КЕЛЬЯ ВЪ ЧУДОВОМЪ МОНАСТЫРѢ.

(1603 годъ).

ОТЕЦЪ ПИМЕНЪ

(пишетъ передъ лампадой)

Еще одно послѣднее сказанье — и лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ, грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ;
Когда нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безымянный,
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду

И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро,—
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ,
На старости я сызнова живу,
Минувшее проходитъ предо мною —
Давно ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море окіянъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно,
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно...
Но близокъ день, лампада догораетъ,
Еще одно, послѣднее сказанье.

А. С. Пушкинъ.

«За Вѣру, Царя и Отечество»,

ТОЛЬКО ТОГДА.

Да поможетъ мнѣ Господь Богъ изложить свои мысли передъ тѣми, кто стремится на Родину, кто ее любитъ, для кого слово Россія является самымъ важнымъ словомъ послѣ слова Богъ.

Съ самаго перваго момента организаціи Бѣлой борьбы и до нашихъ дней прошло почти 46 лѣтъ.

Почти полъ вѣка россіяне ведутъ неустанную борьбу съ самымъ страшнымъ зломъ, равнаго которому никогда не было въ исторіи человѣчества.

Что же достигнуто за эти годы?

И много, и... къ великому сожалѣнію, — ничего.

Что изъ того, что мнѣніе, такъ называемаго, міра измѣнилось и міръ началъ понимать истинное значеніе Бѣлой борьбы? Кому отъ этого «пониманія» холодно или жарко?

Что изъ того, что «міръ», какъ говорятъ, объединился и «готовъ» вступить въ борьбу съ давно намъ извѣстнымъ зломъ?

Что изъ того, что «міръ» готовъ обрушить свои огромныя техническія силы на головы незначительнаго числа руководителей и пособниковъ зла, и на громадное число изнывающихъ отъ этого зла? Кому отъ этого холодно или

жарко теперь? Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что «міру» будетъ и холодно и жарко тогда, когда онъ приступитъ къ выполненію своего «плана».

Нѣтъ нужды вдаваться въ большія подробности и касаться тѣхъ вопросовъ, которые избиты и истолкованы всѣми на протяженіи многихъ лѣтъ.

Остановимся на Россіи и ея народѣ, т. к. только Россія способна измѣнить, въ худшую или въ лучшую сторону, создавшееся напряженіе въ мірѣ.

Въ исторіи Россіи не было случая, когда борьба съ внѣшнимъ или внутреннимъ врагомъ была бы выиграна тогда, когда во главѣ борьбы не стоялъ бы человѣкъ съ желѣзной волей, которому безпрекословно подчинились всѣ главныя силы и слово котораго не явилось бы закономъ для всѣхъ.

Объединенные единой волей одного человѣка, россіяне шли на борьбу и выигрывали эту борьбу.

Почему Бѣлая борьба не имѣла успѣха?

Потому что она не была возглавлена человѣкомъ, имѣющимъ право и власть повелѣвать россійскимъ народомъ.

Никакіе «новые» и «новѣйшіе» комитеты борьбы за освобожденіе народовъ Россіи никогда не имѣли и не будутъ имѣть успѣха. Гдѣ бы и когда бы они не создавались — будь то въ Нью-Іоркѣ, въ Лондонѣ, въ Берлинѣ, или даже въ самой Москвѣ — ихъ дѣло обречено на провалъ.

Кто такіе организаторы комитетовъ?

Обыкновенные люди, которымъ почти никто изъ насъ не вѣритъ и которымъ безусловно никто и никогда не повѣритъ въ Россіи. Можетъ быть, они заслуживаютъ почтенія и уваженія? Можетъ быть, они вліятельны и преданы Россіи? Можетъ быть, они лучшіе изъ лучшихъ россіянъ? Но они безвластны. Они не имѣютъ права командовать россіянами. Они не имѣютъ права приказывать и никогда этого права имѣть не будутъ.

Единственный человѣкъ, по Богомъ данному праву, способный стать во главѣ борьбы россійскаго народа съ міровымъ зломъ — это Великій Князь Владиміръ Кирилловичъ Романовъ, прямой и единственный наслѣдникъ русскаго престола.

Только Онъ, по Богомъ данному праву, можетъ приказывать россіянамъ и только Ему они будутъ подчиняться, какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и за ея предѣлами.

Только тогда, когда Онъ скажетъ свое рѣшающее слово и дастъ приказъ — начнется дѣй-

ствительная борьба за Россію, начнется новая эра борьбы за освобожденіе Родины отъ ига коммунизма.

«Скажите: февральская революція была за Христа? Нѣтъ, она была противъ». Такъ пишетъ Н. Кусаковъ въ своей чрезвычайно обоснованной статьѣ, напечатанной въ газетѣ «Наша Страна» № 512 — 1959 г. А что же мы — съ Богомъ или противъ, за февраль или противъ? Большинство «интеллигенціи», государственная дума, генералъ-адъютанты измѣнники, и міровой интернаціоналъ стали за проклятую революцію-бунтъ 16 и 17 года, которая была возстаніемъ противъ Бога, началась бунтомъ противъ Царя, удерживающаго борьбу противъ Христа.

Въ сборникѣ С. С. Бехтѣева «Святая Русь» выпускъ I. Ницца 1949 г., въ примѣчаніи къ стихотворенію «За что?» сказано: «Великій московскій церковно-земскій соборъ 1613 г., призвавшій на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, одновременно поклялся за себя и за всѣхъ своихъ потомковъ служить Дому Романовыхъ до второго пришествія. Это же самое еще разъ подтвердилъ въ достопамятные дни празднованія трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ и нашъ Синодъ въ своей «Молитвѣ Православныя Церкви Россійской» на 21 день февруаріа 1913 г. по опредѣленію за № 999».

И если мы и сейчасъ постыдимся Христа, то и Христосъ постыдится насъ. Неужели еще намъ мало разныхъ «европъ» и мы желаемъ еще коммунистическихъ?

XXVIII.

«Безъ мене не можете творити ничесоже». (Іоаннъ, 15, 5).

Обращеніе къ Кадетамъ Русскихъ Императорскихъ Корпусовъ.

«За Вѣру, Царя и Отечество».

Вотъ я предлагаю вамъ сегодня благословеніе и проклятіе: благословеніе, если послушаете заповѣдей Господа Бога вашего, а проклятіе, если не послушаете заповѣдей Господа Бога вашего, и уклонитесь отъ пути, который за-

повѣдую вамъ... и пойдете вслѣдъ боговъ иныхъ». (Второзаконіе гл. 11, ст. 26-28).

«ЗА ЧТО?»
(отвѣтъ недоумѣвающимъ).

«Грѣхъ тяготѣющій надъ нами, вотъ сокровенный корень нашей болѣзни, вотъ источникъ нашихъ бѣдъ и злоключеній!»
Слова посланія Патріарха Тихона отъ 18-го іюня 1918 г.

Намъ русскимъ посланъ крестъ тяжелый
И мы должны его влачить,
За грѣхъ чудовищной крамолы,
За то, что не хотѣли чтить
Въ своей безсовѣстной гордынѣ,
Какъ непокорные сыны
Намъ Богомъ данныя святыни
Благой и мудрой старины.
За то, что нехристямъ въ угоду
Преступный замыселъ творя,
Себѣ мы прочили свободу,
И свергли ангела Царя.
И тѣмъ покрывъ себя позоромъ
Дерзнули клятву осквернить,
За всѣхъ насъ данную Соборомъ,
Во вѣкъ Романовымъ служить.
И вотъ за этотъ грѣхъ великій
Страдаемъ всюду мы теперь,
И Русью правитъ деспотъ дикій
Безчеловѣчный, лютый звѣрь.
И долго будемъ мы томиться
Подъ намъ ниспосланнымъ крестомъ,
Пока въ душахъ не совершится
У насъ великій переломъ,
Пока отъ золъ мы не очнемся,
И приведя нашъ бунтъ къ концу,
Къ Царю мы, каясь, не вернемся,
Какъ дѣти блудныя къ отцу.

С. С. Бехтѣевъ. Ницца, 20 окт. 1942 г.

Дорогіе братья Кадеты
Русскихъ Императорскихъ Корпусовъ!

Совѣсть, св. клятва предковъ нашихъ (утвержденная грамота 1613 г.), присяга Императору Царю-Мученику и Его законному наслѣднику и долгъ передъ Отечествомъ повелѣваютъ мнѣ, какъ одному изъ старѣйшихъ кадетъ, обратиться къ вамъ съ напоминаніемъ, совѣтомъ и указаніемъ.

Помните ли вы, дорогіе кадеты, наши юные годы въ родныхъ нашихъ Императорскихъ Корпусахъ, положившихъ много труда на наше воспитаніе?

Помните ли вы, что свое воспитаніе и образованіе вы получили отъ Императора безплатно?

Помните ли наши шалости и проказы?

Помните ли наши корпусные завѣты и преданія?

Помните ли какъ мы гордились своимъ кадетскимъ мундиромъ?

Помните ли о нашей кадетской дружбѣ и спайкѣ, о нашихъ твердыхъ понятіяхъ о чести и вѣрности данному слову и какъ мы готовились стать офицерами?

Давайте вспомнимъ высокоторжественные Царскіе дни. Съ какой радостью и воодушевленіемъ мы пѣли «Боже Царя храни» и какъ мы отъ души кричали ура, а когда какому либо корпусу выпадало счастье принимать или встрѣчать Царя, то нѣтъ словъ выразить охватывавшій насъ восторгъ. А теперь? Теперь многія, даже и военныя организаціи, забыли нашъ чудный гимнъ и подмѣнили его похороннымъ «Коль славенъ».

Дальше — военныя училища. Производство въ первый офицерскій чинъ и присяга Господу Богу на крестѣ и св. евангеліи, и подъ знаменами присяга на вѣрность службы Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю II и Его законному Наслѣднику.

Но вотъ внѣ Россіи находятся даже и военные, которые говорятъ, что Императоръ Николай II освободилъ насъ отъ присяги; но вѣдь это неправда. Императоръ это не говорилъ и никого не освобождалъ, да и не могъ освободить, — вѣдь мы присягали не лично Царю или Его портрету, а Господу Богу «на вѣрность службы Царю и Его законному Наслѣднику».

А законный Наслѣдникъ находится среди насъ и Онъ неоднократно призывалъ всѣхъ объединиться вокругъ Него. А что же, родные кадеты, вы дѣлаете? Вы объединяетесь во всевозможные союзы, главные и не главные, «правые» и лѣвые и по «четырехвосткѣ» устраиваете «всеобщіе, свободные, равные и тайные выборы» руководителей, предсѣдателей, начальниковъ и прочихъ «вождей», а при такомъ положеніи придетъ вторично пьяный матросъ Желѣзнякъ и пинкомъ ноги разгонитъ всѣ ваши «учредилки».

Почему вы, охотно подчиняясь выбраннымъ «четырехвосткой» начальникамъ, до сихъ поръ не отозвались на призывы Государя, Главы Династіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Кирилловича? Гдѣ ваша кадетская вѣрность и честное слово — присяга? И не желаете безоговорочно Ему подчиниться, какъ законному наслѣднику, къ которому по наслѣдству перешла и ваша присяга, какъ «законному наслѣднику».

Уже гражданскія организаціи, стряхнувъ съ себя соціалистическое непредрѣшенчество, начали передавать себя въ безоговорочное подчиненіе Государю, Великому Князю Владиміру Кирилловичу.

А гдѣ же мои родные кадеты? Вѣдь ихъ мѣсто въ рядахъ Корпуса Императорскихъ Арміи и Флота, подчинен-

наго непосредственно Государю Великому Князю Владимiру Кирилловичу.

Кадеты! Вы должны, и я васъ, какъ старшiй кадетъ, призываю, оставить всѣ «демократическiя объединенiя» и немедленно въ данное отвѣтственное время, вступить въ ряды Корпуса И. А. и Ф., этимъ вы дадите опору и силу, на которые сможетъ опереться законный Наслѣдникъ. Вотъ только этимъ, а не словами, вы сможете доказать, что въ васъ не заглохли кадетскiе завѣты, («традицiя»—иностранное слово, я его избѣгаю), когда есть чудныя русскiя слова: «завѣты-преданья старины глубокой».

Вспомните, родные кадеты, завѣты-преданья корпусовъ, св. клятву предковъ нашихъ 1613 года, — неотмѣненную Богомъ присягу, кадетскую честь, долгъ и вѣрность и, какъ сказалъ генералъ Красновъ: «пора, г.г. офицеры, подать рапортъ «выздоровѣвъ сего числа отъ угара русской революцiи, службу Его Императорскаго Величества нести могу».

Васъ будутъ удерживать всякими лукавыми доводами, не вѣрьте имъ. Сейчась должны быть проявлены твердыя рѣшенiя и крайнiя мѣры.

Одинъ изъ великихъ нашихъ отечественныхъ подвижниковъ благочестiя святитель Өеофанъ, Вышенскiй Затворникъ, самъ кротчайшiй и любвеобильнѣйшiй, еще въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтiя, предсказавшiй ужасы кровавой революцiи, какъ возмездiе Россiи за все болѣе и болѣе распространявшееся невѣрiе и нечестiе, предлагалъ крайнiя мѣры — объявить невѣрiе государственнымъ преступленiемъ и запретить распространенiе матерiалистическихъ ученiй подъ страхомъ смерти. Сдѣлалъ онъ это, конечно, потому, что видѣлъ тогда въ этомъ единственное средство спасти Россiю отъ неизбѣжной гибели.

«Не будетъ Царя не будетъ и Россiи», сказалъ блаженнѣйшiй Митрополитъ Антонiй.

Пойдемъ же и мы, родные кадеты Императорскихъ Корпусовъ, за нашими святителями, за «клятвой предковъ нашихъ 1613 г.», за присягой и честью, и забудемъ все лживое и наносное.

Наши историки, наши профессора, наши учителя, наши писатели, наши газеты, наши журналы, наше «общество» и «интеллигенцiя» (за исключенiемъ очень немногихъ) отъ всего русскаго все это скрыли, и почти 100% населенiя Россiи этого не знали, не знаютъ и сейчасъ, и старались повести его «вслѣдъ боговъ иныхъ», восхваляя все иностранное и оклеветали нашу прекрасную допетровскую Россiю — Домъ Пресвятыя Богородицы, лишь за то, что она не пожелала жить европейскимъ «умомъ». А послѣдующимъ

Императорамъ, желавшимъ вернуться къ вѣками испытанному и провѣренному Московскому періоду, цареубійствами не дали этого сдѣлать и привели къ проклятому февралю 1917 г.

И можно ли, зная теперь все это, не будучи отъ лукаваго, вѣрующему человѣку говорить, писать и проповѣдывать непредрѣшенчество и какія то «конституціи», учредилки и даже земскій соборъ при наличіи законнаго Государя изъ Дома Романовыхъ? Не подводимъ ли мы этимъ вторично самихъ себя подъ анафему, наложенную клятвой предковъ нашихъ?

Такъ что же мы выбираемъ? Благословеніе или проклятіе? До сихъ поръ многіе, какъ будто бы стремятся къ проклятію.

Нѣтъ, вы, родные кадеты, не смѣете выбрать послѣднее, вы должны вспомнить наше старое «За Вѣру, Царя и Отечество» и не только сами вступить въ Корпусъ Императорскихъ Арміи и Флота, но спасти отъ проклятія и увлечь за собой и свои семьи, и другихъ честныхъ и вѣрныхъ людей и молодежь.

Почти въ каждомъ государствѣ есть подраздѣленія Корпуса И. А. и Ф., куда и надо подать рапортъ, а для гражданскихъ лицъ заявленіе. Гдѣ нѣтъ подраздѣленія Корпуса, то подавать въ ближайшее подраздѣленіе. Въ Корпусъ принимаются офицеры и солдаты, гражданскіе лица — мужчины, женщины и молодежь.

Впередъ, кадеты, «за Вѣру, Царя и Отечество» и помоги вамъ Господь выполнить это святое дѣло и дать опору и силу Государю, опираясь на которыя Государь сброситъ коммунизмъ и Его манифестъ: «Божіей милостью мы, Императоръ и Самодержецъ Всея Россіи Владиміръ III повелѣваемъ..» прекратить анархію, рѣзню, самоуправства и всѣ безчинства и Россія станетъ на свой древній историческій путь.

Иного пути нѣтъ и не будетъ.

Никакого диктатора, никакого генерала и «вождей» народъ не послушаетъ, а за Государемъ пойдетъ. Скорѣе же идите и вы, родные кадеты, и честные воины и русскіе люди.

А тѣ, кто во время войны 1914 года скрывались въ земгусарахъ за нашими спинами, отсиживались въ тылахъ и въ Добровольческой арміи за нашими же спинами старались не дать добровольцамъ побѣдить, тѣхъ отбросьте, ибо когда грянетъ громъ и вы грудью станете противъ смерти, ихъ не будетъ среди васъ. Одинъ разъ предавши Императора, много разъ предавая родину, они будутъ спасать свои

жизни для новыхъ политическихъ интригъ и новыхъ предательствъ. И пусть. Россія обойдется безъ нихъ, а русскій народъ сумѣетъ расправиться самъ съ ними.

«Вечерній звонъ, вечерній звонъ, какъ много думъ наводитъ онъ».

Сейчасъ какъ разъ великій постъ. Въ церкви читаютъ съ земными поклонами молитву св. Ефрема Сирина «Господи Владыко живота моего...».

Очистимъ, братья кадеты, нашу совѣсть покаяніемъ въ нашемъ невольномъ грѣхѣ, что мы, хоть и обманутые, но допустили пролить кровь помазанника Божія—Царя Мученика нашего и Его безвинной святой Семьи, измѣнили присягѣ, нарушили святую клятву предковъ нашихъ 1613 года служить Романовымъ изъ рода въ родъ и за это, какъ евреи, разсѣяны по лицу земли и отлучены отъ Святыя Троицы.

Кровь Царя-Мученика и Его Семьи на насъ и на дѣтяхъ нашихъ.

Отлучены бо отъ Святыя Троицы.

И если мы и теперь не покаемся въ страшномъ грѣхѣ клятвопреступленія и не вернемся къ законному Наслѣднику-Государю и оттолкнемъ нашъ древній завѣтъ «за Вѣру, Царя и Отечество» и тѣмъ постыдимся Христа, то и Христосъ постыдится насъ.

Хочу вѣрить и вѣрю, что вы, родные кадеты, воины и честные русскіе люди, не постыдитесь Христа.

Христосъ Воскресе!

Братья кадеты и вѣрные и честные русскіе люди, Корпусъ И. А. и Ф. ждетъ вашихъ рапортовъ и заявленій.

Я, Иванъ Касьяновичъ Киріенко, кадетъ Владимірскаго Кіевскаго Корпуса выпуска 1899 года и юнкеръ Кіевскаго Военнаго Училища, тогда еще не называвшагося Константиновскимъ.

Производства въ офицеры 13 августа 1901 года въ 166 пѣхотный Ровненскій полкъ въ Кіевѣ.

Участвовалъ въ войнѣ съ Японіей въ 1905 г.

Въ 1914 г., въ чинѣ шт. капитана, принявъ роту, выступилъ въ походъ.

За бои 16 августа 1914 г. награжденъ орденомъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія 4-ой ст., и, оказавшись

однимъ изъ первыхъ Георгіевскихъ Кавалеровъ, вошелъ согласно статута о Георгіевскихъ 300-хъ первыхъ Кавалерахъ, въ число георгіевскихъ пенсіонеровъ и, состоя на службѣ въ полку, получалъ установленную пенсію.

Въ 1915 г. получилъ георгіевское оружіе, а затѣмъ всѣ доступные въ моихъ чинахъ ордена. Послѣдніе за бои въ Карпатахъ 14 и 17 января 1917 г. св. Владиміра съ мечами 3 ст. и румынскій орденъ «Михала Витіазиса III класса», для чего былъ вызванъ въ г. Яссы, гдѣ румынскій король Фердинандъ лично прикололъ мнѣ орденъ.

Имѣю три производства въ слѣдующіе чины, послѣдній чинъ полковникъ и состоялъ командиромъ 310 п. Шацкаго полка.

За неимѣніе орденовъ, соотвѣтствующихъ моимъ чинамъ, я имѣлъ счастье и честь получить два высочайшихъ благоволенія.

Былъ 3 раза раненъ.

Послѣ петроградскаго бунта, измѣны генералъ-адъютантовъ и насильственно вырваннаго отреченія Императора, я былъ выгнанъ изъ полка по тогдашней формулѣ, какъ «несоотвѣтствующій духу времени». Да, духъ былъ омерзительный.

Сначала я былъ удрученъ, но потомъ увидѣлъ, что это послѣдняя, морально лучшая награда и промыселъ Божій, сохранившій мнѣ жизнь и давшій мнѣ возможность сразу вступить въ борьбу въ Кіевѣ съ февралемъ, а потомъ и съ октябремъ.

Въ Кіевѣ я началъ формировать 1-ый Георгіевскій полкъ, но «украинизація» сорвала формированіе. Подравшись въ родномъ Кіевѣ съ большевиками (на мой призывъ черезъ газету «Кіевлянинъ» явилось около 300 человѣкъ господъ офицеровъ, а въ Кіевѣ офицеровъ было десятки тысячъ), я съ 16 офицерами и 10 солдатами 1-го Георгіевскаго полка уѣхалъ на Донъ и прибывъ въ Новочеркасскъ, утромъ 6-го ноября 1917 года, сейчасъ же явился генералу Каледину, которому я доложилъ обстановку и на его вопросъ отвѣтилъ, что хочу формировать добровольческій 1-ый Георгіевскій полкъ. Атаманъ генералъ Калединъ, подавъ всѣмъ руку, сказалъ: «помогай вамъ Богъ!» И въ этотъ же день я, написавъ объявленія съ призывомъ русскихъ людей въ Добровольческій полкъ, разослалъ всю свою команду развѣсить объявленія на станціяхъ и въ городахъ.

Вотъ точное число 6-е ноября зарожденія Добровольческой арміи, начало которой положили мы, Георгіевцы изъ Кіева — матери городовъ русскихъ и я ихъ командиръ, а не появляющіеся въ газетахъ вымышленные лица.

Я оставилъ Россію въ составѣ арміи генерала Врангеля.

Сначала нашъ штабъ 1-го Корпуса попалъ въ Салоники откуда я переѣхалъ въ Сербію — Югославію.

Въ 1941 г. въ Бѣлградѣ генералъ-майоръ Скородумовъ, генеральнаго штаба генералъ-майоръ Штейфонъ и я начали формировать русскій корпусъ съ цѣлью спасенія Россіи отъ коммунистическо-соціалистической сатанинской власти.

Когда же выяснилось, что Хитлеръ насъ обманываетъ и идетъ не свергать коммунистовъ, а хочетъ завоевать Россію, превративъ русскихъ въ своихъ рабовъ, что плѣнныхъ русскихъ и захваченную на работы русскую молодежь, нѣмцы безжалостно уничтожаютъ, что рѣшили переодѣть насъ въ нѣмецкую форму, то я запротестовалъ и былъ уволенъ въ отставку.

Нижеприведенный документъ свидѣтельствуетъ, что я не осрамилъ ни своего Владимірскаго Кіевскаго Кадетскаго Корпуса, ни своего Кіевскаго Военнаго училища.

«Полковника Киріенко знаю съ чина подпоручика еще до войны, когда я командовалъ 166-мъ Ровненскимъ пѣхотнымъ полкомъ. На войнѣ онъ былъ подъ командованіемъ моимъ въ теченіи 2-хъ лѣтъ и считаю на основаніи такого долгаго знакомства съ нимъ, по долгу службы и совѣсти заявить, что полковникъ Киріенко выдающійся во всѣхъ отношеніяхъ офицеръ. Въ военномъ отношеніи очень образованный и начитанный, очень быстро разбирается во всякой боевой обстановкѣ, обладаетъ правильнымъ глазомѣромъ, съ настоящимъ военнымъ сердцемъ, беззавѣтно мужественный, увлекается самъ въ бою и способенъ увлечь за собой своихъ подчиненныхъ. Особенно проявилъ себя въ боевомъ отношеніи съ самой лучшей стороны въ успѣшномъ бою 78-ой дивизіи 17 января 1917 г. при овладеніи высотой 1234 въ лѣсистыхъ Карпатахъ въ направленіи Валепутна — Якобени, этотъ бой отмѣченъ былъ во всѣхъ приказахъ всѣхъ высшихъ начальствующихъ лицъ и за него полк. Киріенко получилъ изъ рукъ румынскаго короля орденъ Михаила, соотвѣтствующій св. Георгію. Прилагаю при семъ копію приказа о боѣ помощника август. главы арміи румынскаго фронта ген. Сахарова. Въ рядѣ утратъ моихъ ближайшихъ подчиненныхъ за время войны, я особенно скорблю, что судьба отняла у меня полковника Киріенко и считаю, что онъ является наилучшимъ образцомъ командира пѣхотнаго полка и съ такими командирами боевое командованіе дивизіей можетъ быть однимъ сплошнымъ удовольствіемъ.

Въ политическомъ отношеніи былъ абсолютно безпартійнымъ всѣмъ своимъ сердцемъ любящій родину и армію.

Начальникъ 78 пѣхотной дивизіи
Генералъ-лейтенантъ Добророльскій».

Вотъ это краткое прохожденіе мной службы даетъ мнѣ право обратиться къ вамъ, родные кадеты и честные русскіе люди, съ призывомъ и указаніемъ, и если вы не послѣдуете моему указанію, то послѣ уничтоженія коммунизма и воцаренія главы династіи Государь можетъ сказать вамъ: а гдѣ же были кадеты когда, будучи также внѣ Россіи, я всѣхъ призывалъ помочь мнѣ и объединиться возлѣ меня, они не пришли. Теперь я ихъ не знаю.

«Много званныхъ, но мало избранныхъ», евангеліе отъ Матѳея, гл. 22, 14.

XXIX.

«Мнѣ отмщеніе и азъ воздамъ».

Мой первоначальный докладъ я прочелъ въ Брюсселѣ въ 1952 г. на открытомъ собраніи, чтобы не допустить въ храмѣ-памятникѣ, гдѣ находятся въ память убіенной Царской Семьи мраморная доска и икона, — постановки доски памяти Корнилова, — измѣнника и предателя, арестовавшаго Царскую Семью.

Это вызвало у непредрѣшенцевъ бурю ругани и клеветы, направленныя почему то только на одного меня, оставляя въ сторонѣ генерала отъ инфантеріи Флуга, подтвердившаго, что докладъ генералъ-лейтенанта Васильева былъ у него въ рукахъ, а значитъ не я это выдумалъ, какъ пишутъ генералъ-майоръ Архангельскій и полковникъ Бояринцевъ, не моя вина, что правда имъ не по вкусу.

Начальникъ
Русскаго Обще-Воинскаго Союза
5 іюня 1952 г.
Ницца (Франція).
№ 65

Копія.
Циркулярно

Начальникамъ Отдѣловъ Союза.

За послѣдніе годы въ средѣ русской эмиграціи появились люди, которые изъ клеветническихъ выпадовъ противъ Бѣлаго Движенія и его вождей сдѣлали себѣ нѣчто вродѣ «общественной дѣятельности».

Среди нихъ наиболѣе печальную извѣстность стяжалъ себѣ нѣкій г. Якобій, проживающій въ Бельгіи, и не только написавшій на указанную тему книгу, но періодически издающій также собственныя листовки, въ которыхъ онъ съ особеннымъ озлобленіемъ отзывается о генералѣ Л. Г. Корниловѣ.

Въ апрѣлѣ текущаго года къ упомянутымъ лицамъ присоединился также «первопоходникъ» генералъ Киріенко, недавно переѣхавшій въ Бельгію и занимающій должность въ Корпусѣ Императорской Арміи и Флота. Этотъ генералъ 12-го апрѣля текущаго года выступилъ въ Брюсселѣ съ особымъ докладомъ, на которомъ, правда, передъ весьма немногочисленной аудиторіей (въ средѣ коей находился также и упомянутый выше г. Якобій) насколько это можно судить по дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, онъ назвавъ себя основоположникомъ Бѣлаго Движенія, не только отзывался отрицательно объ этомъ движеніи, въ которомъ самъ принималъ участіе, но порицалъ всѣхъ вождей его — генераловъ Алексѣева, Деникина, Врангеля и другихъ въ особенности генерала Лавра Георгіевича Корнилова, котораго онъ не только пытался обрисовать совершенно отрицательно, но и приписывалъ ему дѣйствія предательскія по отношенію къ Россіи, основывая свои «сенсаціонныя» свѣдѣнія на показаніяхъ лицъ, уже давно покинувшихъ земной міръ.

Для меня нѣтъ и не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что никакія провокаторскія и клеветническія выступленія, «разоблаченія», навѣты и сенсаціи не могутъ омрачить героическаго ореола заслуженно окружающаго нашихъ вождей и среди нихъ, конечно, и генерала Корнилова, который и жизнью и смертью доказалъ свою вѣрность Россіи и никакіе «якобіи» и «киріенки» не набросятъ тѣнь на его свѣтлый образъ, какъ бы не старались и не выступали на славу и на пользу какого то третьяго «неизвѣстнаго». Но тѣмъ не менѣе я счелъ своимъ долгомъ немедленно по полученіи мною свѣдѣній о безпримѣрномъ выступленіи русскаго генерала принять всѣ возможныя мѣры, какъ для того, чтобы выяснить тѣ побужденія, которыя привели его къ такому выступленію, такъ и къ тому, чтобы подобныя выступленія въ будущемъ не могли имѣть мѣста и не вносили бы нежелательной розни въ среду русскихъ организацій въ эмиграціи.

Мѣры эти были тѣмъ болѣе необходимы потому, что генералъ Киріенко, подражая своему предшественнику по недостойной дѣятельности, не ограничился своимъ докладомъ 12 апрѣля, а продолжилъ его, старательно распространяя въ средѣ русской эмиграціи не только въ Бельгіи, довольно примитивныя листовки, въ которыхъ продолжалъ

свои порочащія генерала Корнилова «сенсаціонныя» и клеветническія разоблаченія. Мало того, какъ верхъ безтактности и видимо совершеннаго непониманія того, что онъ дѣлаетъ, генералъ Киріенко эти свои листовки разсылалъ вмѣстѣ съ выпущеннымъ недавно въ свѣтъ обращеніемъ къ свободному міру Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Кирилловича, который съ совершенно исключительнымъ достоинствомъ и благородствомъ призываетъ культурный міръ къ единенію и помощи нашей многострадальной родинѣ, что уже само по себѣ обязываетъ каждаго русскаго человѣка и патріота подумать о необходимости единства и вѣрности родинѣ въ тяжелый и рѣшительный часъ. Обязываетъ подумать и прочувствовать мудрыя и честныя слова главы Россійской Династіи. Генералъ Киріенко находитъ возможнымъ соединить слова обращенія со словами клеветы направленной противъ героя, жизнь свою положившаго за други своя. Призывавшаго насъ къ вооруженной борьбѣ за освобожденіе Россіи и смертью своей доказавшаго вѣрность ей. Раньше всего, по моему порученію, помощникъ мой вошелъ въ сношеніе съ завѣдующимъ Корпусомъ Императорской Арміи и Флота, которому долженъ по своей служебной дѣятельности подчиняться генералъ Киріенко. Въ самый короткій срокъ отъ генерала Олехновича (изъ Соединенныхъ Штатовъ) былъ полученъ отвѣтъ, что имъ приняты мѣры для того чтобы генералъ Киріенко прекратилъ свою неумѣстную дѣятельность, это означало, что не только по линіи РОВС, но и по линіи Корпуса Императорской Арміи и Флота, болѣе чѣмъ сомнительная дѣятельность генерала Киріенко встрѣтила рѣшительное осужденіе, что и не удивительно, такъ какъ за послѣдніе годы обѣ эти воинскія организаціи, объединенныя общей работой ихъ представителей въ Совѣтѣ Россійскаго Зарубежнаго Воинства, естественно нашли общіе пути для сближенія и дружной дѣятельности во имя общихъ интересовъ, препятствіемъ для которой несомнѣнно можетъ оказаться «дѣятельность» типа, предпринятой, повидимому, подъ вліяніемъ всевозможныхъ «якобіевъ», генераломъ Киріенко.

Предприняты мною, конечно, и дальнѣйшіе шаги, которые въ силу разсѣянія русской эмиграціи, окончательныхъ результатовъ еще дать не могли, почему и я еще не могу дать вамъ окончательной оріентировки по данному вопросу.

Выше я высказалъ мое крайнее убѣжденіе, что выступленія подобнаго типа, основанныя на матеріалахъ ф а н т а с т и ч е с к и х ъ, которыхъ и провѣрить невозможно, ни въ какомъ случаѣ не могутъ омрачить геройскаго ореола нашихъ почившихъ вождей. И это несомнѣнно такъ.

Омрачить, конечно, не могутъ... Но, какъ показываетъ мнѣ все то, что доходитъ до моего свѣдѣнія, все происшедшее, то есть гнусное выступленіе генерала Киріенко въ сильной мѣрѣ горестно отозвалось на настроеніяхъ чиновъ РОВС, съ безконечнымъ почитаніемъ относящихся къ тѣмъ, кто ихъ велъ въ бой за Россію.

Отозвалось горестно и прибавило еще очередное переживаніе къ нелегкой жизни русскаго эмигранта. Имена нашихъ вождей, имя ген. Корнилова, есть наше общее достояніе и наша общая непререкаемая цѣнность, общая для всѣхъ безъ исключенія чиновъ РОВС. Я знаю это по себѣ и моимъ личнымъ переживаніямъ въ только что минувшіе дни. Но конечно особенно остро должно было отозваться исключительно безтактное выступленіе генерала Киріенко на тѣхъ кто носитъ имя генерала Корнилова. И потому я раньше всего обратился къ корниловцамъ въ лицѣ возглавляющаго ихъ полковника Бояринцева, выразивъ Корниловскому Объединенію искреннее сочувствіе отъ всѣхъ чиновъ РОВС.

Никто и ничто не можетъ сломить нашей старой воинской спайки. Она создана всѣмъ нашимъ прошлымъ, создана кровью пролитой тѣми, кто велъ насъ, кто шелъ рядомъ съ нами. Не сломитъ нашей спайки, конечно, ни клевета, ни инсинуація.

Въ лицѣ начальниковъ отдѣловъ нашего союза я обращаюсь ко всѣмъ чинамъ возглавляемаго мною союза и призываю ихъ сохранить нашу дружбу, спайку и прочность, какъ это было всегда и во всѣхъ случаяхъ жизни. Сохранить дружбу и спайку не только въ нашей средѣ, но и по отношенію къ сосѣднимъ съ нами воинскимъ организаціямъ, конечно, не раздѣляющимъ взглядовъ генерала Киріенко. Намъ не страшны ни клевета, ни инсинуаціи. Правду о нашихъ вождяхъ знаютъ всѣ тѣ, кто вѣренъ Россіи и кто знаетъ наше прошлое. А для «новой эмиграціи», которую выступленія «якобіевъ» могли бы оріентировать неправильно, я считаю чрезвычайно полезнымъ помѣщеніе въ русской (и иностранной тоже) печати историческихъ справокъ, правдиво описывающихъ наше прошлое и въ томъ числѣ побѣгъ генерала Корнилова изъ австрійскаго плѣна, который лживо освѣтилъ въ своемъ докладѣ генералъ Киріенко, и который честно и правдиво описалъ въ своихъ статьяхъ въ недавнихъ номерахъ «Часового» и «Русской Мысли» старшій корниловецъ полковникъ Бояринцевъ.

Съ содержаніемъ настоящаго циркуляра я прошу васъ по возможности ознакомить всѣхъ чиновъ возглавляемаго вами отдѣла, но не дѣлать его достояніемъ печати.

П. п. генералъ-лейтенантъ [Архангельскій.
Помощникъ начальника союза
генералъ-майоръ Лампе.
Съ подлиннымъ вѣрно:
начальникъ 1-го отдѣла
полковникъ Мацылевъ.

Въ этомъ жуткомъ циркулярѣ, жуткомъ не въ смыслѣ боязни, а своей сплошной ложью, хитростью и обманомъ, генералъ-майоръ Архангельскій, неправо именующій себя генералъ-лейтенантомъ и ген.-майоромъ Лампе лживо пишутъ:

1. Что я «порицалъ и Врангеля», а вотъ въ моемъ докладѣ и моихъ воспоминаніяхъ въ самомъ концѣ 22-ой главы говорится: «изъ указанныхъ добровольческихъ шефовъ только генералы Марковъ, Дроздовскій, Кутеповъ и Врангель заслуживаютъ полнаго уваженія».

2. Въ циркулярѣ написано: «основывая свои свѣдѣнія на показаніи лицъ уже давно покинувшихъ земной міръ». Это тоже неправда. Генералъ отъ инфантеріи Флугъ въ это время проживалъ въ Америкѣ и подтвердилъ, что онъ получилъ отъ генералъ-лейтенанта Васильева (умершаго въ Бѣлградѣ въ 42 году), докладъ о которомъ я писалъ. Письмо объ этомъ генерала отъ инфантеріи Флуга у меня въ рукахъ и я его показывалъ всѣмъ бывшимъ на моемъ докладѣ. Такъ почему же ген.-майоръ Архангельскій, г. фонъ Лампе, полк. Бояринцевъ и остальная теплая компанія обрушилась на одного меня, трусливо и хитро обходя генерала отъ инфантеріи Флуга, подтвердившаго содержаніе моего письма.

3. Подписавшій циркуляръ ген. Архангельскій (объ остальныхъ не стоитъ и говорить) считаетъ, что ему, штабному генералу, никогда не бывшему въ бояхъ и ненюхавшаго пороху, но помогавшаго Лейбѣ Бронштейну-Троцкому организовывать красную армію и разрабатывавшему планъ сраженія, не имѣвшаго ни одного боевого ордена, ни одной царапинки отъ пули или гранаты, должны больше повѣрить его циркулярной лжи, чѣмъ доблестному, честному генералъ-лейтенанту Васильеву, дважды раненому, получившему орденъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія, георгіевское оружіе и прочіе ордена въ великую войну 1914 года, бывшаго въ бояхъ и въ Добровольческой арміи и никогда, ничѣмъ себя не запятнавшаго.

4. Ругая меня въ своемъ циркулярѣ ген. Архангельскій пишетъ: «... и не выступали на славу и на пользу какого то третьяго «неизвѣстнаго». Вотъ этому третьему «неизвѣстному» — Лейбѣ Бронштейну-Троцкому служилъ не я, а самъ ген. Архангельскій.

5. Весь циркуляръ, наполненный «невинными слезами», руганью меня и г. Якобія, (кстати сказать, съ которымъ при чтеніи моего доклада я еще не былъ знакомъ), есть «гнусное» восхваленіе недостойныхъ «вождей».

6. Въ циркулярѣ въ концѣ его о статьѣ полк. Бояринцева написано: «честно и правдиво описалъ». Разбирая дальше всю статью увидимъ былъ ли правъ ген. Архангельскій и г. фонъ Лампе, утверждая честность и правду статьи, напечатанной въ «Часовомъ» и «Русской Мысли». Есть хорошая русская пословица: «куликъ кулика видитъ издалека». Въ концѣ циркуляра рекомендовано «не дѣлать его достояніемъ печати», но несмотря на это чины РОВС'а распространили циркуляръ.

7. Генералъ Архангельскій лукаво умалчиваетъ о причине моего выступленія, а причина слѣдующая:

Моя первоначальный короткій докладъ я прочелъ въ Брюсселѣ въ 1952 г. на открытомъ собраніи, чтобы не допустить въ храмѣ-памятникѣ Царской Семьи, гдѣ находятся мраморная доска и икона въ память убіенной Царской Семьи, установки, съ помощью подлога и лжи, еще доски Корнилову, пособнику убійства Царской Семьи и Россіи.

Утверждаю категорически, пособника убійства, по той причинѣ, что когда я предложилъ генералу Алексѣеву спасти Царскую Семью, то три «вождя», Алексѣевъ, Корниловъ и Деникинъ, обманувъ меня и полтавцевъ, спасать не пошли и мнѣ запретили, чѣмъ и способствовали убійству.

Доска Корнилова въ царскомъ памятникѣ была бы издѣвательствомъ надъ мученически убіеннымъ Императоромъ Николаемъ II, Императрицей Александрой Феодоровной, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Алексѣемъ и Великими Княжнами Ольгой, Татьяной, Маріей и Анастасіей и бывшими при Нихъ лицами. Вотъ это, и только это, возмутило мою совѣсть и я по долгу совѣсти выступилъ въ защиту памяти моего Царя. Я не корниловецъ, которые пѣли: «мы былого не жалѣемъ, царь намъ не кумиръ». А вѣдь былое — это все прошлое Россіи.

Кромѣ описанія побѣга ген. Корнилова, изложеннаго генералъ-лейтенантомъ Васильевымъ въ докладѣ поданомъ Обществу памяти Императора Николая II въ Бѣлградѣ,

полученіе котораго и объявленіе его содержанія правленію подтверждаетъ генералъ отъ инфантеріи Флугъ, бывшій предсѣдатель этого общества, существуютъ еще двѣ неправдоподобныя версіи:

Одна напечатанная въ «Larousse Mensuel Illustré» № 154 — Decembre 1919 г., стр. 974 за подписью «S. Reizber», говоритъ, что по телеграмме германскаго военнаго министра, взятый въ плѣнъ 28/4 1915 г. ген. Корниловъ былъ переведенъ изъ хорошо охраняемаго лагеря въ госпиталь, (вѣроятно для болѣе легкаго побѣга). Странно заботливая телеграмма — и это у нѣмцевъ, при ихъ организованной слѣжкѣ и контръ-развѣдкѣ, дальнѣйшее заполнено хвалѣбными гимнами Корнилову...

Ген. Корниловъ бывшій командиръ бригады, а потомъ начальникъ дивизіи, былъ совершенно неизвѣстнымъ генераломъ, каковыхъ были сотни и многіе изъ нихъ — лучшіе уже были награждены орденомъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія 3-й степени, ген. Корниловъ же орденъ св. вел. и поб. Георгія 4-й ст. получилъ въ японскую войну, а орденъ св. вел. и поб. Георгія 3-й ст. получилъ лично изъ рукъ Государя за свой якобы побѣгъ.

Обласканный вѣрившимъ ему Царемъ, потомъ нагло распоясавшійся Корниловъ съ дьявольской злобой говорилъ о Царской Семьѣ и Династіи.

Вторая версія полк. Бояринцева, напечатанная въ опроверженіе доклада генералъ-лейтенанта Васильева въ газетѣ «Русская Мысль» ном. 453 отъ 28/5 1952 г. подъ заглавіемъ «Бѣгство генерала Корнилова изъ австрійскаго плѣна. Историческая справка», не можетъ показаться убѣдительной не только военному, но и всякому грамотному. Она нужна тѣмъ, кто чувствуетъ, но старается скрыть свой грѣхъ передъ Богомъ, Царемъ и Россіей.

Полк. Бояринцевъ пишетъ, что ген. Корниловъ съ аріергардомъ 192 полка прикрывалъ отходъ своей дивизіи въ Карпатахъ.

Для малограмотныхъ въ военномъ дѣлѣ и не знающихъ Карпатъ, въ которыхъ я былъ дважды — въ 15 году весной при прорывѣ Макензена и въ 16 г. зимой на румынскомъ фронтѣ, — поясню: въ Карпатахъ было, я зналъ, четыре шоссейныхъ прохода, чрезвычайно извилистыхъ и все шоссе безконечно то понижалось, то подымалось, по бокамъ крутые, градусовъ 40-50 горы, покрытые густымъ буковымъ и сосновымъ лѣсомъ и внизу у шоссе густыми кустарниками, внизу на днѣ ущелья рѣчушка, надъ рѣчушкой на высотѣ, приблизительно въ среднемъ 50-70 аршинъ шло шоссе ши-

риной до 6-ти шаговъ, на поворотахъ шоссе суживалось до 3-хъ шаговъ.

Ни полкъ, ни баталіонъ, ни роту, ни взводъ, ни отдѣленіе, въ проходѣ, на шоссѣ развернуть нельзя. Для аріергарда въ Карпатахъ достаточно одной роты и въ прорывъ Макензена я былъ въ аріергардѣ со своей ротой. Ошибочно думаютъ, что назначеніе аріергарда оставаться на гибель или плѣнъ, — нѣтъ, его обязанность всячески задерживать противника и дать возможность своимъ частямъ безпрепятственно отойти къ заготовленнымъ оборонительнымъ позиціямъ. Дѣйствія аріергарда зависятъ отъ мѣстности и могутъ быть не только оборонительныя, но и наступательныя. Я на своемъ Вышковскомъ проходѣ дѣлалъ такъ: на повоpотѣ оставлялъ 5 человѣкъ, которые пристроившись къ деревьямъ и кустамъ видѣли въ сторону противника до его появленія шаговъ на 100 и, увидя, выходящій дозоръ противника, открывали огонь, а рота отходила за слѣдующій заворотъ. Дозоръ противника быстро осаживалъ за заворотъ и ожидалъ заставы, тоже было и съ заставой, она, потерявъ нѣсколько ранеными, осаживала и ждала подхода аріергарда, я оттянувъ своихъ 5 солдатъ къ слѣдующему нашему завороту, повторилъ все то же самое, — и такъ шло съ ранняго утра до поздняго вечера. Я потерялъ за весь день двухъ человѣкъ ранеными, — у противника были потери большія, особенно когда онъ вздумалъ наступать вздвоенными рядами. Когда я это замѣтилъ, то на своемъ заворотѣ построилъ сколько можно было умѣстить: человѣкъ восемь лежа, столько же съ колена, а остальныхъ стоя и за деревьями по кустамъ и склону горы, въ общемъ цѣлый взводъ. Когда противникъ вышелъ изъ за своего заворота густой колонной по четыре, то я открылъ частый огонь, предварительно давъ два залпа для отстрастки; и у противника началась паника и онъ бросился назадъ.

Стемнѣло. До выхода изъ Карпатъ оставалась верста, я приказалъ ротѣ зажечь какъ можно больше костровъ, чтобы противникъ думалъ, что насъ много. Уже въ темнотѣ вернулся мой развѣдчикъ и доложилъ, что очень близко отъ выхода изъ нашего прохода нашъ полкъ занимаетъ укрѣпленную позицію и командиръ полка приказалъ присоединяться къ полку, что я и выполнилъ.

«Генералъ Корниловъ съ аріергардомъ 192 полка прикрывалъ отходъ своей дивизіи въ Карпатахъ». Для этого достаточно было въ горахъ одной-много двухъ ротъ, а глупо и преступно начальнику дивизіи бросать свою дивизію съ артиллеріей и прочимъ безъ своего управленія, а самому бросаться въ атаку.

Вотъ и вышло, что ген. Корниловъ, впослѣдствіи погубившій Царскую Семью и Россію, преступно, зря и ненужно погубилъ весь аріергардъ, не съумѣвъ выполнить простую задачу аріергарда въ Карпа́тахъ.

Дальше въ статьѣ п. Бояринцева уже говорится не о дивизіи, а о важной задачѣ не дать противнику возможности отрѣзать наши войска, отходящія съ Карпатъ. — Ну, не вздоръ ли это? Какъ могъ бы Корниловъ съ однимъ полкомъ, допустимъ даже съ дивизіей, охранять всѣ Карпаты на много десятковъ верстъ? Не есть ли эта «историческая справка» господина Бояринцева и г. Архангельскаго, ее подтвердившаго, — развѣсистая клюква, взращиваемая въ «архивѣ корниловцевъ»?

Дальше въ статьѣ Бояринцева идетъ въ ковычкахъ подлинный приказъ высшаго нѣмецкаго командованія, безъ указанія бланка отъ кого исходитъ, номера, числа и подписи. Стиль приказа странный, восхваляющій «русскаго героя» и выставляющій его, какъ особенно опаснаго нѣмецкой коалиціи и говорящій объ увѣренности нѣмецкаго высшаго командованія въ новыхъ попыткахъ къ побѣгу ген. Корнилова и въ симуляціи имъ болѣзни. Высшее нѣмецкое военное командованіе приказываетъ генерала Корнилова хоть тайно, но строго охранять, (почему тайно? И. К.) сношенія его съ другими пресѣкать. попытки къ бѣгству пресѣчь любой цѣной. Въ приказѣ говорится, что начальникъ госпиталя лично отвѣтственъ за ген. Корнилова и ежедневно долженъ давать о немъ свѣдѣнія, пособники бѣгству какъ за государственное преступленіе, по военному закону, подлежатъ смертной казни.

Каждому настоящему военному ясно, что эта форма приказа несвойственна воинскому духу, ни одинъ начальникъ не станетъ прославлять врага, высказывая свою боязнь передъ нимъ. И вотъ, такого страшнаго врага, зная что онъ симулируетъ, высшее нѣмецкое командованіе переводитъ въ госпиталь (для чего?) и вмѣсто воспрепятствія сношеній даетъ полную возможность сношеній съ однимъ чехомъ и четырьмя русскими, — даже военноплѣнный русскій докторъ добивается отмѣны ежечасной повѣрки ген. Корнилова, а стража усиливается только гдѣ то у воротъ. Ну не глупо ли и возможно ли это?

Но разбираемъ дальше. Господинъ Бояринцевъ пишетъ, что ген. Корниловъ переодѣвается въ платье своего вѣрнаго вѣстового, котораго кладетъ на свою кровать, потомъ въ австрійскую форму (а откуда она взялась?). У плѣннаго ген. Корнилова были оставлены воен-

ныя карты, компасъ, фонарикъ и 20.000 кронъ. Неужели нѣмцы могли все это оставлять плѣннымъ для болѣе удобнаго побѣга и откуда у ген. Корнилова могли быть такія большія деньги, да еще въ австрійскихъ кронахъ, идя въ серьезный бой, почему онъ кроны не положилъ въ дивизіонный денежный ящикъ? Да потому что у него тогда еще кронъ не было. Отъ кого и за что онъ ихъ получилъ? Не грабилъ же онъ убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ австрійцевъ! Не наводитъ ли это на нѣкоторыя соображенія? Ген. Корниловъ съ Мрнякомъ бѣгутъ, но не просто бѣгутъ, а ѣздятъ поѣздами, имѣютъ съ собой и багажъ со штатскими костюмами (пріятная поѣздка).

Дальше въ статьѣ полковника Бояринцева идетъ разный вздоръ, что Мрнякъ, какъ магъ и волшебникъ, хотя и плохо владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ, добываетъ разные документы для ген. Корнилова и для себя: разрѣшеніе на проѣздъ по желѣзной дорогѣ, а для себя еще и документъ (отъ кого?) о порученномъ ему розыскѣ въ лѣсахъ невѣдомыхъ военноплѣнныхъ, почему то тамъ оказавшихся.

Мрнякъ пишетъ письмо отцу, что за 20.000 кронъ помогаетъ бѣжать одному генералу. Ну не вздоръ ли это? Какъ могъ Мрнякъ рисковать писать такое опасное письмо своему отцу, да еще забыть его въ столѣ?

«Выйдя безъ помѣхи изъ госпиталя бѣглецы (Корниловъ и Мрнякъ) направились на вокзалъ». А гдѣ же былъ усиленный караулъ и строгая охрана?

«При провѣркѣ документовъ ихъ отпустилъ комендантскій офицеръ (?), приказавъ явиться въ комендатуру. Вмѣсто явки бѣглецы пошли за городъ». Правдоподобна ли вся эта цѣпь чудесъ?

И въ статьѣ п. Бояринцева наконецъ пишется, что военный судъ (когда и гдѣ?) приговорилъ пособниковъ, не къ смертной казни, какъ гласилъ приказъ высшаго командованія, а къ дисциплинарному наказанію!? Для смѣха п. Бояринцевъ лучше бы написалъ, что судъ пособниковъ поблагодарилъ и отпустилъ на свободу, выдавъ каждому по ордену за спасеніе погибающихъ. Ну и военная же охрана и судъ и приказы были у нѣмцевъ! А вѣрнѣе какая развѣсистая клюква растетъ въ мозгахъ полк. Бояринцева, ген. Архангельскаго, фонъ Лампе и присныхъ, утвердающихъ, что статья п. Бояринцева не глупо, а правдиво и честно написана.

Возвратившись въ Россію ген. Корниловъ настоялъ (когда и передъ кѣмъ, передъ Императоромъ или передъ Керенскимъ?) на зачисленіи Ф. Мрняка въ 1-ую роту 1-ой

чешской дружины въ Россіи, гдѣ, якобы, на вечерней повѣркѣ, при вызываніи Мрняка, командиръ взвода отвѣчалъ: «разстрѣлянъ австрійцами въ Прессбургѣ за освобожденіе ген. Корнилова». А помощь Мрняка въ освобожденіи ген. Корнилова была вызвана ни геройствомъ, ни жертвенностью за ближняго, а просто жадностью Мрняка получить 20.000 кронъ. Развѣ ген. Корниловъ и тѣ, кто, якобы, одобрилъ эту великую награду за самопожертвованіе, не знали какимъ низменнымъ чувствомъ руководился Мрнякъ, или Корниловъ это скрылъ и всѣхъ надулъ?

Настоящая статья п. Бояринцева, составленная, какъ онъ самъ говоритъ, «на основаніи документовъ находящихся въ архивѣ корниловцевъ», свидѣтельствуетъ, какіе тамъ имѣются матеріалы.

Въ статьѣ еще говорится, что въ листовкѣ «побѣгъ ген. Корнилова описывается какъ «трюкъ» австрійскаго ген. штаба, якобы добившагося согласія ген. Корнилова служить будущей революціи... и «запустившаго» ген. Корнилова въ Россію». И что «австрійцы, потомъ поняли какого сильнаго противника они упустили, когда послѣдующія событія выдвинули ген. Корнилова на роль «вождя» (не съумѣвшаго справится даже съ Керенскимъ. И. К.) русской арміи». Здѣсь п. Бояринцевъ окончательно запутался забывъ, что генералъ-лейтенантъ Васильевъ былъ арестованъ, когда ген. Корниловъ уже никакимъ «вождемъ» не былъ, а преспокойно заканчивалъ свое сидѣніе въ Быховской тюрьмѣ, и лишь черезъ 2 мѣсяца послѣ этого, когда ген. Корнилова уже, кажется, не было въ живыхъ, австрійскій генералъ-комендантъ лагеря, гдѣ раньше сидѣлъ ген. Корниловъ, освобождая генералъ-лейтенанта Васильева разсказалъ ему правдивую исторію переправки ген. Корнилова въ Россію.

Въ общемъ версія полк. Бояринцева является не «историческимъ изслѣдованіемъ», а веселенькимъ фельетономъ для обмана дѣтей младшаго возраста.

И не думаютъ ни полк. Бояринцевъ, ни ген. Архангельскій, ни фонъ Лампе, со своими единомышленниками, въ какомъ свѣтѣ они выставляютъ ген. Корнилова? Я врагъ не только ген. Корнилова, но и его памяти, но и я не допускаю, какъ допускаютъ п. Бояринцевъ съ ген. Архангельскимъ и еще нѣкоторые ихъ сторонники, чтобы ген. Корниловъ былъ настолько низокъ душой, чтобы своего вѣрнаго вѣстового, не для спасенія жизни, а только для болѣе ранняго своего освобожденія, могъ положить на свою кровать, то есть предать на смертную казнь, какъ пособника бѣгству!

Разбирая внимательно всѣ три версіи о побѣгѣ ген. Корнилова, каждый долженъ признать, что генералъ-лейтенантъ Васильевъ правдиво написалъ свой докладъ, который только и можетъ объяснить детали бѣгства.

Нѣмцы въ лагеряхъ военноплѣнныхъ, не жалѣя денегъ, работали на революцію, вели пропаганду среди галиційскихъ украинцевъ и россійскихъ военноплѣнныхъ малороссовъ и даже формировали части «синежупанниковъ» изъ галичанъ и самостійныхъ нашихъ малороссовъ и, конечно, они могли вести переговоры съ ген. Корниловымъ, зная черезъ свою шпіонскую сѣть, что ген. Корниловъ былъ противъ монархіи и династіи.

И если бы всѣ эти данныя были добросовѣстно сопоставлены, то п. Бояринцевъ и ген. Архангельскій съ полковникомъ фонъ Лампе и прочими единомышленниками увидѣли бы, что все это вмѣстѣ взятое ярко обрисовываетъ личность ген. Корнилова и окончательно разъяснило бы имъ 20.000 кронъ и подтвердило бы докладъ генералъ-лейтенанта Васильева.

О фразахъ же ген. Корнилова, которыхъ и безъ доклада генералъ-лейтенанта Васильева однихъ достаточно, чтобы судить, на что былъ способенъ онъ, они молчатъ, дѣлая видъ будто ихъ и не было, какъ и сейчасъ не поютъ строфу своей корниловской пѣсни: «мы былого не жалѣемъ, царь намъ не кумиръ». А вѣдь былое наша русская православная тысячелѣтняя исторія.

Да, ген. Корниловъ ни на какую авантюру съ Романовыми не пошелъ, генералы Алексѣевъ и Деникинъ ни на какую авантюру съ Романовыми не пошли — и мы сидимъ съ «бѣлой идеей» въ разныхъ странахъ и наслаждаемся завоеваніями февраля. Ген. Архангельскій, служившій большевикамъ, ни на какую авантюру съ Романовыми тоже не пошелъ, онъ былъ произведенъ въ ген.-лейтенанты Гучковымъ. Полковникъ фонъ Лампе (спасибо «Русской Мысли» ном. 1648, ст. В. Протасовичъ, давшей свѣдѣнія о полк. фонъ Лампе, который, оказывается, былъ произведенъ въ чинъ «генерала» заграницей 13 декабря 1923-го г.), ни на какую авантюру съ Романовыми также не идетъ и прочіе иже съ нимъ, какъ лѣвые, такъ и называющіе себя правыми «вождики», не идутъ, преклоняясь передъ «завѣтами вождей» и исповѣдуя «честныя демократическія начала и какъ рѣшитъ воля толпы». Это все тѣ поклонники Корнилова — непредрѣшенцы, которые такъ лживо и трусливо нападаютъ на благороднѣйшаго и честнѣйшаго полковника Н. Ф. Степанова только потому, что полковникъ Степановъ морально выше ихъ всѣхъ.

Съ Корниловымъ кончено, а теперь я поговорю о самомъ шумливомъ, о всѣмъ надоѣвшемъ, всюду выпячивающемся мистерѣ Бѣлосельскомъ-Бѣлозерскомъ, отъ фокусовъ котораго его предки, благородные и честные подданные, князья Бѣлосельскіе-Бѣлозерскіе, переворачиваются въ могилахъ.

Что же представляетъ и кѣмъ является мистеръ С. Бѣлосельскій? Онъ, принявъ, не знаю какое по счету, американское подданство, по американскому закону, гдѣ нѣтъ титуловъ, этимъ самымъ продалъ свое первородство, но не за чечевичную похлебку, а за американскіе доллары.

У насъ въ Россіи принятіе иностраннаго подданства, въ исключительно рѣдчайшемъ случаѣ, могло быть только съ особаго разрѣшенія Государя Императора.

Мистеръ С. Бѣлосельскій упрекаетъ монархистовъ говоря: никто не далъ намъ права рѣшать вопросы государственнаго устройства за этотъ (русскій) народъ находясь за рубежомъ и никто этого права дать никому не можетъ. А почему же мистеръ Бѣлосельскій даетъ себѣ самовольно право именоваться княземъ, каковаго титула въ Америкѣ нѣтъ? Кто далъ ему это право? Продавъ свое первородство и заведя новое «отечество» (которое по счету), онъ вышелъ замужъ за богатую американку, прельщенную не существующимъ княжескимъ титуломъ и считаетъ себя представителемъ всѣхъ бѣженцевъ, требуя ихъ подчиненія себѣ и лжетъ на насъ, монархистовъ, не пожелавшихъ идти съ нимъ въ подчиненіе если и не Хрущева, то по «волѣ народа» или будущимъ солидаристамъ, или РНО. Мистеръ С. Бѣлосельскій-Бѣлозерскій не думаетъ о томъ, что можетъ настать день когда американская армія пойдетъ расчленять Россію, а онъ самъ будетъ разстрѣливать русскій народъ. Или онъ изловчится, плюнетъ на свою родную Америку, которой онъ давалъ клятву вѣрности, какъ онъ измѣнилъ присягѣ на вѣрность русскому Императору, еще лишній разокъ перевернется и приметъ израильское подданство. Да, все можно ожидать отъ людей, продающихъ свое первородство.

Личность мистера, его поступки съ настоящими инвалидами ясны всѣмъ. Но одно не ясно для меня — почему наши монархическія газеты и писатели продолжаютъ называть перевертня мистера Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго «княземъ»? Пора перестать чувствовать эту недостойную душу и перестать бояться. Въ дополненіе о принятіи иностраннаго подданства разскажу слѣдующее: въ Бѣлградѣ въ Державномъ Совѣтѣ (это высшая инстанція власти), я служилъ

работая въ архивѣ и былъ въ подчиненіи главнаго секретаря г-на Довганджича. На второй годъ моей службы меня потребовалъ къ себѣ главный секретарь и, высказавъ мнѣ довольство моей работой, предложилъ принять ихъ подданство и тогда онъ меня назначитъ архиваромъ, окладъ котораго три съ половиной тысячи въ мѣсяцъ, а я получалъ всего 800 динаръ въ мѣсяцъ. Я отвѣтилъ, что подданства не приму. Это его задѣло и онъ уже рѣзко сказалъ, «что жъ, вы гнушаетесь нашего подданства?» Я отвѣтилъ, что не гнушаюсь, но не могу отказаться отъ своей родной Россіи, которая, вѣрю будетъ, а потому принять навсегда сербское подданство я не могу. Совѣсть мнѣ не позволитъ тогда оставить Сербію. Я и безъ подданства буду исполнять добросовѣстно свою работу. Онъ нѣсколько секундъ молчалъ, потомъ быстро всталъ и со словами «честитамъ вамъ» пожалъ мнѣ руку добавивъ, что мой отвѣтъ онъ доложитъ предсѣдателю Державнаго Совѣта. На другой день главый секретарь опять вызвалъ меня и сказалъ: «предсѣдатель васъ одобрилъ и назначилъ вамъ жалованіе въ 1.500 динаръ».

Послѣ прочтенія моего доклада въ Брюсселѣ въ 1952 г., вызвавшемъ бурю непредрѣшенцевъ, я написалъ въ отвѣтъ мои поясненія. Въ это время, проѣзжая въ Парижъ, въ Брюсселѣ остановился мистеръ С. Бѣлосельскій-Бѣлозерскій (я тогда не зналъ, что онъ изъ себя представляетъ) и я черезъ знакомаго передалъ ему свои разъясненія и въ своемъ очень вѣжливомъ письмѣ, которое прилагаю, просилъ его по прочтеніи передать въ «Знамя Россіи» г-ну Н. Н. Чухнову.

Мое письмо С. Бѣлосельскому.

Иванъ Касьяновичъ
Генералъ Киріенко
20 мая 1952 г.

Глубокоуважаемый князь,

Простите за обращеніе, но не имѣю удовольствія знать ваше имя и отчество.

Позволяю себѣ затруднять васъ своимъ обширнымъ посланіемъ (копіями) лишь потому, что изъ Парижа получилъ письмо отъ неизвѣстнаго «и. д. начальника особой части» В. Шувалова, гдѣ указано, что копія въ числѣ другихъ послана и вамъ.

4 копіи, съ надписью краснымъ карандашомъ ном. 1, 2, 3, 4, мною были посланы ген. Архангельскому, протоіерею Виктору Ильенко, кап. Таранову (начальнику группы корниловцевъ въ Бельгіи) и предсѣдательницѣ церковнаго сестричества.

Спустя нѣкоторое время я на нашу Пасху пріѣхалъ въ Брюссель, гдѣ прочелъ свои воспоминанія подъ заглавіемъ «1613 г. Отъ чести и славы — къ подлости и позору 1917 г.». Въ мои воспоминанія включены также и четыре указанныя копіи.

Вернувшись домой я началъ получать ругательныя письма, изъ которыхъ вижу, что нѣкоторыя группы считаютъ, что только имъ принадлежитъ право высказывать свои мысли. Изъ прилагаемаго вамъ все станетъ ясно.

Я съ женой живемъ въ старческомъ домѣ и вдвоемъ получаемъ 100 фр. въ мѣсяцъ и мнѣ не подъ силу почтовые расходы, а потому очень прошу васъ по ознакомленіи со всемъ все передать г-ну Чухнову, такъ какъ ему тоже послана копія, какъ и вамъ.

Если г-нъ Чухновъ заинтересуется моими воспоминаніями для печати, то я ему ихъ вышлю по полученіи отъ него отвѣта съ желаніемъ присылки.

Примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ и глубокомъ къ вамъ уваженіи и преданности.

И. Киріенко.

Спустя нѣкоторое время, уже изъ Америки, я получилъ слѣдующій отвѣтъ отъ С. Бѣлосельскаго, который я привожу полностью.

«Русскій Антикоммунистическій Центръ

И. К. Киріенко. — Бельгія.

М. Г.

При семъ возвращаю переписку полученную отъ васъ передъ отъѣздомъ изъ Парижа. Ни читать, ни передавать кому либо ваши пасквили не собираюсь.

Не уважающій васъ (подчеркнуто мною. И. К.)

Сергѣй Бѣлосельскій.

Конечно, въ Парижѣ и Ниццѣ непредрѣшенцы во главѣ съ генералъ-майоромъ Архангельскимъ и полковникомъ фонъ Лампе, настроили мистера Бѣлосельскаго противъ меня, но какъ же порядочный человѣкъ можетъ писать «ваши пасквили», если онъ заявляетъ, что не читалъ переписку, — или онъ лжетъ?

Имъ написанное «не уважающій» меня радуетъ, значитъ я ужъ не такой какъ онъ. Если бы онъ меня назвалъ симпатичнымъ и другими ласковыми словами, мнѣ было бы горько, значитъ я былъ бы такой какъ онъ, а я ни подданства чужого не принималъ, ни второго отечества не заводилъ, ни инвалидовъ не обижалъ, а сохранилъ вѣру въ Бога и церковь, вѣрность присягѣ своему Государю и Великому Князю Владиміру Кирилловичу, и не признаю волю толпы, учредилку, новый календарный стиль и новое чужое правописаніе.

XXX.

И будутъ поклонники «воли толпы» сидѣть въ бѣженствѣ до своей смерти и стараться клеветой и прочими демократическими способами, не допустить чтобы кто либо смѣлъ имѣть другое мнѣніе, и охранять зловредную «бѣлую идею».

Ни о какой «бѣлой идеѣ» въ Добровольческой арміи никто не говорилъ, да ея и не было, — она появилась въ бѣженствѣ, выдуманная тыловыми героями, никогда не бывшими на фронтѣ, для самооправданія.

А мы, допустившіе погубить православную Россію и помазанника Божія Императора Николая II и Его Святую Семью, не можемъ опомниться и продолжаемъ слушать безмолвно какъ славятъ ихъ палачей.

Пора вспомнить клятву, наложенную на насъ предками въ 1613 году. А что же мы дѣлаемъ, какъ проводимъ свободное время? Сидимъ и смотримъ, и впитываемъ вредные и богопротивные лучи телевизора, и дѣтей этому пріучаемъ, ходимъ въ синема, а особенно по субботамъ когда въ церкви идетъ святая всенощная. Пресвятая Богородица источаетъ свои святыя, драгоцѣнныя и горькія слезы, пытаясь удержать насъ отъ грѣха, а въ несчастной Россіи сотнями и тысячами гибнутъ наши братья во Христѣ, мы же, какъ нарочно, устраиваемъ по субботамъ танцульки до утра съ водкой и выборами полуголыхъ королевъ, а многіе даже нагло требуютъ отъ возглавленія нашей Соборной и Апостольской церкви перехода на новый стиль, чтобы лучше и веселѣе вмѣстѣ съ «американцами и европейцами» въ большіе праздники пить водку. Ну не пиръ ли это во вре-

мя чумы, а потомъ плачутся: «доколѣ Господи Ты будешь терпѣть», сами же отреклись и отъ церкви, и отъ Бога, и заслуживаютъ только анаѳему, и губятъ дѣтей, дѣлая ихъ чужими для Россіи. Позорно это все для насъ. Мы превращаемся въ Ивановъ, не помнящихъ родства.

Скажите по совѣсти, угождаемъ ли мы этимъ Спасителю, отдавшему Себя на распятіе для спасенія людей?

Въ газетѣ «Воскресеніе» пишутъ вздоръ о первомъ, послѣ брата Государя, Наслѣдникѣ престола и Его Семьи, засоряя страницы своей газеты множествомъ параграфовъ статей основныхъ законовъ, забывая что законы издаетъ и отмѣняетъ Императоръ.

Императоръ при коронаціи присягаетъ на вѣрность только одному, написанному Императоромъ Павломъ I закону о престолонаслѣдіи и только этотъ, обязательный для всѣхъ послѣдующихъ Императоровъ, законъ не подлежитъ никакому измѣненію и хранится въ ковчегѣ, находящемся въ Успенскомъ Соборѣ въ Московскомъ Кремлѣ. Всѣ же остальные законы, изданные впослѣдствіи могутъ измѣняться Императорами какъ они найдутъ нужнымъ, а то и просто безъ объявленія объ этомъ. Такъ поступилъ и Императоръ Николай II. На всѣхъ торжественныхъ выступленіяхъ всей династіи шли такъ:

1. Первымъ шелъ Императоръ Николай II съ Матерью вдовствующей Императрицей Маріей Феодоровной.

2. За Государемъ шелъ Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ съ Императрицей Александрой Феодоровной.

3. За Великимъ Княземъ Кирилломъ Владиміровичемъ шли остальные Великіе Князья по старшинству.

Этимъ сказывается все — Императоръ Николай II призналъ первымъ наслѣдникомъ престола послѣ своего брата Михаила Великаго Князя Кирилла Владиміровича, вся семья котораго была внесена въ родословную книгу Императорскаго Дома и получила всѣ положенныя привилегіи старшинства не обращая вниманія на лютеранство супруги Великаго Князя Кирилла Владиміровича.

Когда пріѣзжали иностранные гости царствующихъ родовъ, то порядокъ нарушался и гости ставились на первое мѣсто, какъ и въ каждомъ русскомъ, гостепріимномъ домѣ. Такое нарушеніе бывало не часто. Составлялись эти списки церемоніймейстерской частью Министерства Двора. Это все можно найти въ придворномъ календарѣ, въ которомъ ежегодно помѣщался списокъ всѣхъ членовъ Императорской Фамиліи въ порядкѣ права на престолонаслѣдіе и

въ этихъ спискахъ изъ года въ годъ всѣ сыновья Великаго Князя Владиміра Александровича были перечислены сразу послѣ Великаго Князя Михаила Александровича. Такой списокъ еще можно найти во всѣхъ богослужебныхъ книгахъ Синодальнаго изданія до революціи. Такія книги сохранились во многихъ русскихъ церквахъ заграницей, которыя существовали уже въ Царскія времена.

Внесеніе въ родословную книгу Императорскаго Дома, сопричисляетъ данное лицо къ Императорской Фамиліи, что и было исполнено по отношенію ко всей семьѣ Великаго Князя Кирилла Владиміровича указомъ Государя Императора Николая II отъ 17 іюля 1907 г. Ясно, что внесеніе въ родословную книгу равносильно признанію за даннымъ лицомъ права наслѣдовать престолъ, когда до него дойдетъ очередь.

XXXI.

«... послѣднее сказанье
И лѣтопись закончена моя».

Какъ ни тяжело мнѣ старому боевому офицеру, но долженъ признать, что Добровольческіе «вожди»-генералы оказались неспособными, имѣя въ своихъ рукахъ всѣ данныя, то есть массу старыхъ опытныхъ офицеровъ, создать армію въ полномъ смыслѣ этого слова, владѣя всѣми казачьими областями, создать сильную конницу — имѣя въ рукахъ самыя богатыя части Россіи, не съумѣли свою армію достаточно хорошо снабжать, чтобы эта армія не грабила. Со всѣми этими задачами Бронштейнъ-Троцкій справился и скорѣе и лучше — результатъ не заставилъ себя долго ждать и Добровольческая армія, уже называемая «Вооруженныя силы Юга Россіи», дойдя до Орла, покатилась безъ удержу назадъ. Бѣлое движеніе, имѣвшее всѣ данныя для успѣха, было окончательно погублено.

Отечество-Родина и отвѣчающій своими страданіями до сихъ поръ русскій народъ отданы во власть краснаго дьявола. Рокъ ли это? Наказаніе ли Божіе? Возможенъ ли былъ успѣхъ бѣлаго движенія? Возможно ли освобожденіе отъ ига коммунизма и какіе нужны къ этому пути? — вотъ вопросы занимающіе всѣхъ россіянъ, разсѣянныхъ по всѣму лицу земному и на эти вопросы, постараюсь я теперь, уже стоя у порога жизни, отыскать отвѣтъ, какъ русскому кад-

ровому офицеру надлежитъ, безпристрастно и справедливо взвѣшивая все то, что Господь далъ мнѣ видѣть, знать и испытать.

Вызывалось ли необходимостью отреченіе Государя Императора?

Недовольства противъ режима существовавшаго въ государствѣ триста лѣтъ въ массѣ русскаго народа не наблюдалось. Главная масса населенія, крестьяне, никогда и ничѣмъ не проявили недовольства режимомъ и личность Государя Императора для нихъ была священна. Никакихъ политическихъ свободъ они никогда не требовали. Немногочисленныя вспышки происходили исключительно на матеріальной почвѣ и никакихъ политическихъ свободъ русское крестьянство никогда не добивалось.

17-ти милліонная армія, стоявшая на фронтахъ и составлявшая 10 % населенія страны, была совершенно вѣрна своему Государю и ни одного случая бунта или неповиновенія правительству до самаго извѣстія объ отреченіи Государя въ арміи не зарегистрировано.

Бунтовали, т. е. выражали неудовольство правленіемъ Государя лишь представители политическихъ партій, — соціалисты революціонеры, соціалъ-демократы и кадеты, руководимые масонствомъ и, использовавъ трибуну государственнной думы для пропаганды, они въ 1917 г. успѣли привлечь и заразить «интеллигенцію» большихъ городовъ и главнымъ образомъ столицы. Упорно работая для сверженія государственнаго строя, эти «господа» завербовали себѣ единомышленниковъ въ средѣ высшаго генералитета.

Въ результатѣ требовали отреченія Государя, часть членовъ государственной думы и нѣсколько измѣнниковъ генераловъ какъ то: Алексѣевъ, Рузскій, Брусиловъ, Эвертъ, Клембовскій, Гуторъ. И страшная, колѣнопреклоненная телеграмма Великаго Князя Николая Николаевича.

Къ нашему горю почти всѣ они были «генералъ-адъютантами» Императора. Выступленіе противъ Государя было поддержано только небольшимъ количествомъ рабочихъ изъ расположенныхъ въ столицѣ заводовъ. Вся многомилліонная армія, весь ея офицерскій корпусъ, всѣ города и все населеніе страны отреченія Государя не требовали. Изъ этихъ фактовъ слѣдуетъ, что отреченіе Государя не вызывалось обстоятельствами.

Могло ли быть подавлено и ликвидировано, вызванное членами государственной думы, выступленіе рабочихъ и черни Петрограда?

Въ Петроградѣ находились 2 артиллерійскихъ, 1 кавалерійское, 1 инженерное, 1 пѣхотное военныя училища и нѣсколько школъ прапорщиковъ, всего до 8-ми пѣхотныхъ баталіоновъ, 1 кавалерійскій дивизіонъ и бригада артиллеріи. Всѣ эти части на 100% вѣрные Государю Императору, будучи призваны во время для подавленія безпорядковъ быстро и безъ особаго усилія одни могли этого достичь. Кромѣ указанныхъ силъ въ рукахъ начальника гарнизона находилась многочисленная вооруженная полиція и жандармскія части. Послѣдующій опытъ подавленія безпорядковъ въ Кіевѣ только появленіемъ одной пришедшей бригады, очищеніе Ростова атаманомъ Калединымъ, разгонъ мною 2-хъ запасныхъ полковъ только горсточкой офицеровъ, приходъ небольшого отряда полковника Дроздовскаго въ Новочеркасскъ черезъ всю охваченную большевизмомъ огромную территорію отъ Румыніи на Донъ, многомѣсячная успѣшная оборона 300 моихъ г.г. офицеровъ и есаула Чернецова, съ еще меньшимъ отрядомъ, отъ многочисленной красной арміи, весь 1-й Кубанскій походъ — должны убѣдить каждаго здравомыслящаго человѣка, что погасить начатую государственной думой революцію было не только возможно, но и очень легко.

Генералы генеральнаго штаба не робкія институтки, а знающіе военное дѣло мужи и если не возстановили немедленно порядка, то значитъ не хотѣли, то есть измѣнили своему долгу и присягѣ. Паническія телеграммы о невозможности подавить безпорядки — являлись умышленной ложью для облегченія задачи измѣнникамъ увѣрить Государя подписать уже рѣшенный ими актъ объ отреченіи. Принимая во вниманіе эти соображенія долженъ отвѣтить на поставленный мною вопросъ отрицательно, то есть, обстоятельства не были настолько тяжелыми, чтобы заставить командующихъ арміями генераловъ совѣтовать Государю отреченіе отъ престола, какъ единственное средство успокоить страну.

Могла ли быть сохранена жизнь Государя и Его Семьи?

Послѣ отреченія Государя начальникъ штаба генералъ-адъютантъ Алексѣевъ автоматически становился повелителемъ всѣхъ вооруженныхъ силъ Россіи; достаточно было одного его приказанія и ставка, въ которой еще находился Государь, могла быть окружена частями войскъ, на которыхъ можно было вполнѣ положиться въ смыслѣ дисциплинированности и вѣрности къ порученнымъ имъ задачамъ. Вмѣсто этого генералъ Алексѣевъ допускаетъ отъѣздъ изъ ставки Георгіевскаго баталіона и вѣрнаго Государю генерала Иванова, разрѣшаетъ Государю ѣхать въ охваченный

революціей Петроградъ и не гарантируетъ его переѣздъ туда соотвѣтствующей случаю охраной. Всѣ дѣйствія генерала Алексѣева съ совершенной очевидностью доказываютъ, что у него не было даже чувства къ Государю какъ къ человѣку, которому онъ былъ обязанъ благодарностью за свою карьеру и личное къ нему благоволеніе, наоборотъ, генерала Алексѣева уже совершенно не интересуетъ Государь и онъ смотритъ на своего Государя, какъ на пустое мѣсто. Генерала Алексѣева, Рузскаго и иже съ ними интересуетъ, наоборотъ, доказать революціонному правительству свою вѣрность ему и они сознательно предаютъ своего Государя, служить которому присягали передъ Богомъ и которому столькимъ обязаны, въ руки его враговъ. Но что этимъ безчестнымъ Богъ и присяга? Не было сдѣлано ни одной попытки, не было сказано ни одного слова какъ Алексѣевымъ такъ и командующими арміями въ защиту Царя. Охранить Государя и Его Семью съумѣлъ бы каждый прапорщикъ, но обласканные Царемъ этого не сдѣлали, потому что не хотѣли, ибо это было уже не въ ихъ интересахъ.

Кромѣ сказаннаго могу добавить, что эти же генералы: Деникинъ, Корниловъ, Марковъ, вошедшіе въ исторію подъ названіемъ Быховскихъ узниковъ, съумѣли себя охранить и ушли изъ подъ ареста, когда жизни ихъ стала угрожать опасность, а по отношенію къ Государю этого не сдѣлали.

Могло ли имѣть успѣхъ Бѣлое Движеніе?

Разсматривая съ точки зрѣнія чисто стратегической можно утверждать, что бѣлыя арміи находились въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ красная армія главковерха Бронштейна-Троцкаго. Соотношеніе живыхъ силъ, хотя и было въ пользу красныхъ, но боеспособность ихъ была во много разъ ниже бойцовъ бѣлыхъ армій, у которыхъ былъ переизбытокъ въ опытномъ командномъ составѣ, тогда какъ у красныхъ его совершенно не доставало. По стратегіи — наступающій имѣетъ большую возможность маневрированія чѣмъ обороняющійся: бѣлая армія Колчака, Деникина и Юденича наступали, а Бронштейнъ-Троцкій оборонялся, тѣмъ не менѣе онъ разбилъ по очереди всѣ бѣлыя арміи, возглавляемыя имѣвшими боевой опытъ генералами. Почему?

По той же стратегіи командующіе арміями должны имѣть одну опредѣленную цѣль, къ которой стремятся. Лейба Троцкій эту цѣль имѣлъ, а именно: сохранить захваченную большевиками власть, бѣлые генералы опредѣленной цѣли своимъ арміямъ не дали, такъ какъ за учреди-

тельное собранiе русскiй народъ, конечно, умирать не хотѣлъ, ибо эта объявленная цѣль была неопредѣленна и непонятна народу и совершенно непрiемлема для большей части младшаго командного состава бѣлыхъ армiй офицеровъ Императорской армiи. Генералы вели бѣлыя войска все за тѣ же завоеванiя революцiи, а не противъ нихъ, почему и не довѣряли полностью старымъ опытнымъ начальникамъ, которыхъ ставили рядовыми бойцами, а командныя должности замѣщали малограмотными или совершенно безграмотными юнцами, вышедшихъ изъ 4-хъ мѣсячныхъ курсовъ школъ прапорщиковъ.

Генералъ Деникинъ хотя будто бы и подчинился адмиралу Колчаку, но все же на соединенiе съ его армiей вооруженныя силы юга Россiи не повелъ, что очень легко могъ сдѣлать, а предпочелъ играть первую роль на югѣ, чѣмъ быть вторымъ на сѣверѣ.

Бѣлыя армiи, конечно, могли достигнуть успѣха если бы ихъ «вожди» меньше думали о своихъ интересахъ и выгодахъ, а искренно стремились только къ одной общей цѣли или же, яснѣе говоря, дѣлали бы контръ-революцiю открыто и честно.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

«Кругомъ измѣна, трусость и обманъ» сказалъ Государь Императоръ Николай II. Къ этимъ словамъ нечего добавить.

Измѣна, трусость, обманъ и подлость лицъ поставленныхъ Императоромъ для управленія страной, привели великую русскую имперію къ гибели, превративъ ее въ разбойничье гнѣздо, страшное всему міру. Карающая рука Божія до сихъ поръ лежитъ на несчастномъ русскомъ народѣ, измѣнившемъ клятвѣ предковъ 1613 г. служить вѣрно, самимъ же народомъ поставленному навѣки вѣчные, царствующему Дому Романовыхъ — и до той поры эта карающая рука съ насъ не снимется пока, искренно раскаявшись въ вольныхъ и невольныхъ грѣхахъ нашихъ, мы не обратимся къ Богу, съ искреннимъ, единодушнымъ воплемъ о возвращеніи намъ исконнаго Царя.

Господи Боже, Великій и Многомилостивый! Помилуй и меня грѣшнаго!

Аминь!

Составляя свои воспоминанія долженъ указать, что мнѣ очень помогъ и своими воспоминаніями мой другъ полковникъ Л. С. Святополкъ-Мирскій, съ которымъ я провелъ неразлучно всю боевую страду. Онъ мнѣ напомнилъ то, что я забылъ и упустилъ изъ виду.

И. К.

Цѣна 2 д. 50 ц.

Книгу можно выписывать отъ автора И. К. Кирiенко по адресу:

J. Kirienko - 14, rue Père Damien - Braine - le - Comte - Belgique.

или отъ издателя В. Д. Мержеевскаго по сл. адресу:

W. D. Merzeevsky, - Caixa postal 4097 - São Paulo - Brasil.